

Любить волка. Быть волком.

история одной любви

16+

Лилия Мигаро

Лилия Мигаро
Любить волка. Быть волком.
История одной любви

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65278842

SelfPub; 2021

Аннотация

А знаете ли вы, кто есть кто? Вот я даже о своей сути не знала. Была обычной девчонкой с детскими кошмарами. Стала довольно успешным адвокатом. И вот одно дело, как оказалась, связанное с моим дедом и его адвокатской практикой вывело меня туда, где сказки оживают! И я часть этих сказок, только моя какая-то страшная, если не сказать: кровавая. И пока я не вижу счастливого конца, да и принц у меня не сказочный, вообще не принц. А про наше знакомство вообще без ужаса не вспомнишь. Настоящего животного ужаса. И пока я не разберусь с призраками прошлого, я не смогу жить спокойно, а про "долго и счастливо" вообще стоит забыть.

Лилия Мигаро

Любить волка. Быть волком.

История одной любви

Часть 1. Знакомство

Знаете, как обычно у женщин? Прямые волосы – завить, а завивающиеся – выпрямить. Так и у меня. Меня не воспринимали всерьёз. Мелкая, с округлыми, немного детскими чертами лица. Крупными карими глазами и вьющимися непослушными темно-русыми волосами. Мой рост метр пятьдесят семь сантиметров. Ну вот кто будет воспринимать такую мелочь всерьёз?

Правильно – никто. И если в школе, славные детские годы на хуторе Тумак, Волгоградской области, прошли ярко и только в лучших воспоминаниях. Там все друг друга знали, в основном жили семьи старожилов. То моё поступление в МГУ им. Ломоносова на юридический факультет это начало моей истории. Начну с начала, Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова Юридический факультет – это было моей мечтой. С самого раннего детства.

Мой дед, он был адвокатом, успешным и честным. Я была ещё совсем крохой, когда его показали по всем новостям и

напечатали во всех газетах. В лихие девяностые, которые я не особо помню в силу малого возраста, и мой дед. Ему было плевать, что он защищал простого работягу пойдя против системы. Суд он выиграл, не просто очистил имя подзащитного, а в ходе разбирательства выявил оборотней в погонах подставивших подзащитного и указал на нескольких заинтересованных, среди которых мог быть виновный. Это его и погубило.

Деда нашли на окраине Волгограда растерзанным, якобы диким зверем. Только откуда взяться дикому зверю в городе? Вот тогда родители и переехали из огромной четырёхкомнатной квартиры в центре города на хутор. Сначала приехали похоронить деда рядом с бабулей, которую я не застала, а потом решили остаться навсегда, в старом доме, нашем, семейном, так сказать родовом гнезде. Вот тогда, увидев деда по телевизору, я решила, я стану как он.

Я росла, в возрасте, рост мой остановился на отметке ниже среднего ещё в пятом или шестом классе. Но вместе со мной росла, и мечта стать адвокатом, как дед. И мечтала я учиться именно в МГУ, тоже, как дед. Но мои родители дали добро только на Ростов, Москва слишком далеко и дорога, для семьи рабочих. Я соглашалась, но мечтать не прекращала.

Поэтому и пошла на авантюру, села на поезд до Ростова, а там пересела до Москвы. Сдала вступительные экзамены и поступила на бюджет. А родителям сказала, когда было позд-

но что-то менять. Учёба началась. Тут-то я и столкнулась со своими проблемами мелкого роста. Меня не воспринимали всерьёз. Что бы я не делала, для всех я была маленькой, беззащитной девочкой с детскими чертами лица.

Ребята воспринимали меня как сестру, даже мажоры и задиры умилялись мной и словно котёнка тискали. Мои влюблённости воспринимали как забавную игру маленькой девочки во взрослую жизнь. А педагоги, они любили меня за знания, но откровенно говорили, что адвокат во мне не вырос. Девчонки не видели во мне соперницы и если и строили пакости, то только по учёбе, чтобы не выделялась.

Меня не спасали даже шпильки, из которых я не вылезала весь третий курс влюбившись в Виталика из параллельной группы. Он смеялся с моих попыток понравиться ему и говорил, что я словно котёнок, милый и маленький, забавный котёнок. И когда я отважилась его поцеловать, он рассмеялся, извернулся, поцеловал меня в макушку и рассмеялся. Заявил, что я ему как сестра, а их не целуют.

Тогда я поставила новую цель, я стану лучшим адвокатом, такой себе дамой – стервой и перестану быть котёнком в глазах окружающих. Цель-то я поставила, только как её достигнуть я не знала. Это в документах я Елена Макаровна Волкова, а в жизни, скорее волчонок, хотя на вид котёнок. Поэтому начала я с прозвища, на котёнка я стала демонстративно обижаться и не реагировать. А потом добилась практики с лучшим адвокатам Москвы по гражданскому праву.

Ещё студенткой, после практики, он взял меня на полставки в помощники. Это был шаг, том направлении, которое я выбрала ещё ребёнком. Закончив ВУЗ я уже имела отличную практику и хорошую славу. Шеф прозвал меня волчонком, не из-за фамилии, нет, а как игрушка из детства, кручусь и выкручиваюсь. Работа мне нравилась и зарабатывала я очень даже не плохо. Кто будет воспринимать всерьёз мелкую недоросль?

Никто, вот и не готовились к слушаньям оппоненты. А проигрывая дела удивлялись. Но гражданское право мне наскучило быстро, уже через полгода собственная практика не радовала. Поэтому я пошла на курсы и в практиканты к не очень удачливому, но очень дотошному и честному адвокату по уголовному праву. Я мечтала стать как дед и шла к этому.

Мой наставник научил меня многому, очень. Он словно собака, видел или чувствовал вину обвиняемых, находил слабые места, но не всегда удачно ими пользовался. Поэтому он был не богат и не особо успешен. А иногда он просто отказывался от дела. Смотрел на подзащитного, долго, изучающее и уходил не возвращаясь.

Моя уголовная практика началась с беды, мой наставник попал в аварию. Я перехватила дело как ведущий адвокат и выиграла его разгромно. Мой наставник гордился мною и со временем, уйдя от дел оставил мне свой кабинет и старые связи. А я шла к цели, к осуществлению мечты, быть как дед, непобедимой в своём деле.

О, как удивлялись мои подзащитные видя метр с кепкой, как смеялись, но как искренне благодарили и хвалили в итоге. Как и учил мой наставник, я не брала тех дел, где моя совесть говорила стоп. Я так же долго смотрела, изучала и решала для себя, смогу ли я спать если он выйдет избежав наказание.

Так было и в этот раз. Я смотрела на взрослого мужчину. Его тёмные волосы уже почти полностью посеребрила старость. На лице глубокие морщины. Серые глаза. Он сидел в комнатке за столом для свиданий с адвокатом, но сидел так уверено, гордо. Он не сломлен.

Его обвиняют в убийстве с особой жестокостью, ему грозит пожизненное заключение, а он сидел словно так и должно быть. Не надменности, но уверенный в себе. От него словно волны на берег, исходила сила, уверенность. Я смотрела на него изучала не скрывая взгляда, он смотрел на меня и тоже излучал, словно видел больше, глубже. Он посмотрел на меня ласково, с заботой, прямо в глаза.

– Не стоит браться за это дело, дочка. Не злись, ты по возрасту как моя дочка. И не пыхти так, ты же адвокат, а не паровоз. Врать, как советовали твои коллеги, что приходили раньше, я не буду. А вина за мной есть. В деле правду написали. Так что не стоит тебе мараться в этом деле. Ты же волчок, счастливица Фемиды, а моё дело, решённое.

– Браться за дело или нет, решу сама.

– Ну, так и я могу отказаться от представителя. – Он го-

ворил, улыбаясь, по-доброму, по-отечески.

– Вы убили?

– Да. И не жалею.

Это все что мы обсудили, дальше молчали оба. Молчали и изучали друг друга. Дело его я изучила от корки до корки. Он признался сам. Убил на окраине города человека, первым, что попало под руку – грабли, палки, голые руки. От его жертвы осталось кровавое месиво, ещё тёплое, когда он привёл полицию к месту преступления. Недалеко были найдены волчьи следы. Мои коллеги предлагали сослаться на них. Но он отказался от всех уловок. Честно на предварительном заседании признался в своей вине. Без подробностей и пояснений, просто сказал, вину признаю.

Но что-то в этом всем было, не уловимое, не понятное, что заставляло снова и снова возвращаться к папке с бумагами, в котором было его дело. Князев Николай Фёдорович, владелец рыбного хозяйства, нескольких ферм, базы отдыха в лесном массиве Звенигорода, владелец лесного массива, части прудов вдоль реки, огромная территория леса до самых границ заповедника. Сети магазинов натуральных продуктов по Москве. Несколько кафе, разбросанных по Москве и области и модного ресторана в центре. Активно борется за сохранение живой природы, но при этом владеет охотничьим клубом, закрытым. Семьянин, два сына и три дочери. Старший сын и средняя дочь имеют свои семьи.

Что могло толкнуть такого человека на убийство? И не

простое, с особой жестокостью, голыми руками. В деле этого не было, только голые, сухие факты. Вызвал полицию, встретил у дороги весь в крови, указал на труп, назвал его имя и фамилию, признался в убийстве, пояснил, как и чем. Все обнаружено тут же. Причины не называет, связи между ним и жертвой не установлены.

На третий день раздумий я не выдержала, поехала к его жене. Вообще, это дело не принесёт денег. Обвиняемый отказался от адвокатов, всех, кто приходил к нему с целью наживы, и суд назначил госзащитника.

Одного он выгнал с синяком под глазом, оправдавшись перед судьёй тем, что врать не будет, а этот «слизняк» другого не умеет. Второго прямо в зале суда на предварительном слушанье увели с охраной, он пытался угрожать семье обвиняемого, если не оплатит услуги. Судья назначила меня.

Как мне сказала, по большому секрету, моя знакомая, она же секретарь у судьи, что судья так и сказала обвиняемому, что его единственный шанс на адвоката – это одна заноза, неугомонный волчок, не проигравший до этого случая ни разу, но все бывает в первый раз. Но дело не в деньгах, это дело засело назойливой мушкой.

Жена Николая Фёдоровича, как она сказала тётя Катя и никак иначе, была дородной зрелой женщиной. Во взгляде была печаль и боль. Волосы полностью белые, не крашенные, просто седые, заплетены в косу, толстую, на зависть молодым, свою, натуральную. Морщинки разрезали лицо в доб-

ром выражении, она часто улыбалась. На ней светло-зелёный брючный костюм и вязаный крючком длинный френч серого цвета. Выглядит она как-то тепло, радушно. Только печаль, боль, поселившаяся в её глазах, выдаёт её состояние.

– Не знаю, чем тебе помочь девочка. Мой муж признался. Это его слово, и я ему верю и принимаю.

– Ну должна же быть причина. Почему хороший человек вдруг нарушает закон, убивает, хладнокровно, словно зверь.

На последнем слове моя собеседница вздрогнула.

– Он хороший человек, ты права, детей любит, и меня очень. Верный мне был и останется верным. Но чем тебе помочь – не знаю.

Уходила я в ещё большем несогласии с собой, чем, когда пришла. Эти люди не бедные, совсем не бедные, их доход выше среднего, а в доме все удобно, хорошая техника, но нет того сверх нужного, которым обычно кичатся наши богачи. Дом из сруба в два этажа. На верху не была, не знаю, что и как. А вот внизу, удобная и большая кухня плавно перетекает в столовую с огромным столом. Большие панорамные окна и мягкие ковры на полу.

Во дворе беседка со столом не меньше чем в столовой в доме. В ней мы и общались с тётёй Катей, супругой обвиняемого, Екатериной Степановна. На столе огромный медный с выбитым узором самовар, варенье, домашнее и пирожки с вишнями. Так меня встречала хозяйка дома. Забор тоже из сруба, вдоль забора росли ухоженные кусты роз, в углах

участка черёмуха, калина и сирень. Под окнами дома были узенькие клумбы с разными цветами, не высокими кустарниками. Среди них волчий аконит, мята, розмарин и лаванда.

Эти клумбы почти близнецы тех, что у меня дома, на хуторе. Поэтому и запах близкий и родной, из детства родом. У семьи Князевых есть квартира в Москве и не одна. Но как сказала тётя Катя, после несчастья ей там без мужа делать нечего, поэтому она живёт тут, на земле их предков. В Химках в СНТ «Вашутино», красивый район. Лес, речка, озера. Их дом был среди тех, которые тут старожилы, как сказала моя собеседница, старый дом Князевых стоял тут ещё до Долгорукого, при первом владельце этих земель. Мы много говорили с хозяйкой, но ничего конкретного я так и не выяснила.

На автобус я опоздала и шла на электричку. Доеду до метро, а там в свою коморку. Пусть и съёмная, но мой уголок. Шла в раздумьях, поэтому не слушала и не ждала ничего особого. Да и что может случиться? Встретится пару попутчиков или наоборот, тех, кто вернулся с работы и торопится от станции домой. Все-таки до Москвы рукой подать, да по самой Москве дольше ехать. И тут, на этой самой мысли, я столкнулась с кем-то, видимо таким же замечтавшимся, как и я. Ну как столкнулась, я буквально на него налетела уткнувшись в него.

Я подняла глаза вверх. Сначала увидела широкую мужскую грудь, обтянутую темной футболкой с каким-то прин-

том, в кожаной куртке косухе на распахку и собранную в рукавах до локтей. На улице прохладный и сырой вечер, ветерок, пусть не большой, но достаточный, чтобы пробирало сыростью и прохладой до самых костей. Как ни как уже и бабье лето прощается с нами дождями. И судя по редким лужам он тут не так давно пролился влагой. Так что комфортом и уютом и не пахнет.

Мысли неслись словно скакуны в забеге. А мой взгляд не спешно поднимался выше. При моем росте, чтобы посмотреть в лицо пришлось запрокинуть голову назад. Да он словно скала возвышается надо мной. Такая тёплая и ровно дышащая скала. Он же просто огромный, особенно в сравнении со мной маленькой. Его лицо, да уже темнело и лес вокруг света совсем не прибавлял, видно было плохо. Но его лицо, та злоба, даже не так, ненависть я видела отчётливо. Она словно волны накатывала на меня.

Я сжалась и сделала шаг назад сглотнув. В руках только папка с бумагами по делу Князева. Ключи, которыми можно было бы расцарапать ему морду, и те в сумочке, и я сомневаюсь, что он даст мне хоть один шанс достать их или перцовый баллончик. Разве что упасть в бок и схватить какую-нибудь ветку, хоть глаз выколоть смогу. Может тогда убежать успею.

Этот человек на против вселял в меня ужас и сеял панику. Мне казалось я слышу, как стучат мои зубы от страха. Я сделала ещё пару шагов, назад не отрывая взгляда от него, теперь я смотрела ему в глаза. Кажется, они черные. Я отсту-

пала назад пока не наткнулась спиной на новое препятствие. Тёплое, значит человек. Я обернулась и увидела ещё одного качка, того, кто стал моим препятствием при отступлении. А по бокам у него стояли такие же широкоплечие качки.

И все трое смотрели на меня так же, как и тот первый, с такой же жёсткостью, нет жестокостью во взгляде. Под этими взглядами я чувствовала себя не просто мелкой, а словно я маленькая, глупая карманная собачонка или мелкий щенок сбежавший от заботливых хозяев и теперь дикая стая бездомных, одичавших или даже бешеных собак окружили меня. И они готовы кинуться и разорвать меня на мелкие кусочки.

Дикий страх и паника сковали меня. Я стала тяжело дышать. Сердце билось уже не в груди. Все моё тело дрожало и вздрагивало в ритме быстрого набата, ставшего словно колокол в моей голове биением сердца.

– Что тебе надо от тётъ Кати?

– Опять за компроматом и сенсацией гонишься?

– От какого издания прислали такую маленькую, щупленькую смертницу?

Трое качков передо мной кидали фразы с угрозой и призрением в голосе. А потом совсем близко, почти у самого уха полушёпот того, первого пробил меня новой волной страха, нет не контролируемого ужаса.

– Ты же в логово маньяка пришла, боишься? Правильно, бойся.

Он говорил медленно, окутывая своим теплом из-за спины и заставляя меня сжиматься, почти теряться и растворяться в страхе, почти теряя сознание. Я новая сглотнула и во рту появился вкус желчи и крови. Видимо я от страха прикусила внутреннюю часть щеки до крови. Только это не помогало взять себя в руки и унять ужас, завладевший мною. К черту все уроки самообороны. Что я, метр с кепкой могу сделать? Что могу противопоставить четырём здоровым качкам?

– Что молчим, детка?

Подал голос один из трёх впереди стоящих качков. А я зажмурила глаза со всей силой, так что побежали пятна перед глазами и больно стало от сильно замкнутых век. Ну предлагала же Екатерина Степановна переночевать. Ну вот какого я ушла?

– В чем дело, мальчики?

Новый женский голос вырвал меня из мыслей прощания с собственной жизнью. Может поможет. Может она не одна. Может успеет добежать до домов и позвать на помощь. Эта надежда придала сил. Я стала дышать полной грудью. Я и не заметила, что почти не дышала. Я открыла глаза. Из-за трёх качков передо мной никого видно не было. Да и темнота и мушки перед глазами совсем не помогали.

– Да вот, очередная журналистская тварь пришла поживиться на чужой беде.

Равнодушно ответил один из трёх подходя ближе и обда-

вая меня своим горячим дыханием. Он словно выплёвывал яд мне в лицо. А сзади в затылок опять с жаром страха накрыло ненавистью вместе со словами.

– Тебе не говорили, что на чужом несчастье деньги счастья не приносят?

– Серый! – Рычащий голос, новый от куда-то с тропинки не говорил, ни кричал, он отдавал команду. – Прекращай пугать девчонку! Это новый адвокат отца. И из-за вас, идиотов перекаченных, она опоздала на электричку.

Голос приближался и потом почти рядом, заботливо обратился ко мне. Вырывая меня из круга этих качков.

– Испугалась? Пойдём домой. Мама чаем напоит, с травами.

Обладатель голоса прижал меня лицом к своей широкой груди одной рукой, а другой стал поглаживать. При этом он подталкивал меня по тропинке назад к жилым домам. Я задохнулась на вздохе всхлипом. Ноги сами собой подкосились, и я захныкала словно маленькая девочка. Хваталась за незнакомца, сминала его рубашку боясь, что он исчезнет, прижималась к нему сильнее и давала волю своим чувствам.

Мой страх, паника, весь ужас пережитый ранее перерос в обычную девичью истерику. Кажется, я даже порвала ему что-то, рукав или пуговицы – не знаю. Но рубашка явно пошла по швам в моих руках и в какой-то момент я уткнулась лбом и щекой в его оголённое плечо. А слезы и всхлипы только усилились и ноги уже не держали совсем. Он подхва-

тил меня на руки. Его мышцы играли подо мной, я их чувствовала всем телом и сильнее прижималась к такому сильному, горячему и надёжному защитнику.

– Идиоты половозрелые. – Он говорил не громко, но властно и с рыком. Столько силы было в его словах, что хотелось сжаться в комочек и исчезнуть. – Запугали девчонку до истерики. Нашли равного соперника?

– Мы думали... – Начал оправдываться один из троих

– Если бы вы думали, – злясь и рыча оборвал его мой спаситель прижимая меня сильнее – то многое, слишком многое сложилось бы иначе.

Дальше мы шли молча. Ну как шли, все шли, качки пыхтели громко и возмущённо дыша. Где девица, я не знаю. Мой спаситель нёс меня крепко прижимая к себе. А я сжималась в комочек и как можно сильнее хваталась за него. Слезы лились потоком, я всхлипывала и прятала лицо в его плече боясь посмотреть, боясь отпустить, боясь потерять защитника и спасителя.

Я цеплялась за своего спасителя и прижималась всем телом. Если он исчезнет я умру. От страха или от рук этих качков – не важно. Я позорно редела, так как было давно в забытом и потерянном во времени детстве. Да, я слабая, мелкая и трусливая. Я не боюсь в зале суда. Я не боюсь в тюрьмах общаясь с отпетыми преступниками и рецидивистами. Там всегда есть кто-то за спиной, охрана, приставы.

А тут, в лесу один на один с опасностью, в окружении че-

тырёх здоровенных качков, настроенных явно не на разговор я боюсь. До ужаса, до истерики. Это было страшно, очень и я поверила и в их угрозы, и в свой страх. Может кому-то станет смешно, кто-то осудит. Но мне плевать на этих «кто-то». Мне страшно, так сильно, как, наверное, ещё никогда в моей, пусть и не долгой жизни, да, о чем речь, я уже со своей жизнью прощалась там, на той тропинке в лесу.

Первой порог дома Князевых переступила не знакомая мне девушка. Она придержала дверь и за ней вошёл мой спаситель со мной на руках. За нами вошёл в дом и мой ужас, самый крупный из тех качков – Серый. Трёх его дружков уже не было.

С рук я не слезала. Слезы по-прежнему текли потоком и всхлипы от пережитой истерики не проходили. А яркий свет в помещении лишил по началу меня зрения. Когда оно вернулось я жалась к своему защитнику ещё сильнее вцепившись в его руки и наверняка оставляя там синяки, а может и царапины. Но отпустить своего спасителя я была ещё не готова. Проморгавшись, я осмотрелась. На полу, на мягком ковре сидела малышка с кучей маленьких куколок. Она склонила свою головку чуть на бок и мило улыбнулась.

Часть 2. Месть

– Мам, бабуль, папа вернулся, и он кого-то принёс. О, и псины несдержанные с ним.

Первой из кухни вылетела, серьёзно, она вылетела со скоростью не просто не свойственной женщине в её возрасте, а

человеку в принципе, разве что олимпийскому спортсмену, так вот первой вылетела уже знакомая мне тётя Катя. Меня поставили на ноги, но я по-прежнему жалась к своему спасителю вцепившись в его разорванную рубашку.

А тётя Катя подскочила в пару прыжков к нам. В её руках было кухонное полотенце им она и начала колотить Серого и ту не знакомую девчонку. Я ещё крепче прижалась к своему спасителю спиной наблюдая как эта парочка носилась кругами по комнате перепрыгивая мебель и малышку изворачиваясь от орудия возмездия довольно ловкой и быстрой тёти Кати.

Тётя Катя, не смотря на их старания изрядно колотила этих двоих «псин не сдержанных» при этом ругая и угрожая то прибить паршивцев безмозглых, то уши и хвосты по отрывать. Девчонка заливалась смехом держась за живот и подбадривая беглецов. Вот только сейчас, от этого детского смеха меня отпустил страх и не смотря на всхлипы я перестала плакать, даже губы растянулись в слабой и какой-то кривой улыбке. Я словно оттаяла почувствовав безопасность.

Как и когда я выронила папку с документами не помню. Как эта самая папка с делом Князева очутилась в руках той не знакомой девушки, которая сейчас скачет по комнате изворачиваясь от полотенца тёти Кати, уж тем более не знаю и не помню. Я лишь сейчас поняла, что тот девичий голос принадлежит этой самой девушки с моей папкой в руках.

В какой-то момент она, обороняясь этой самой папкой

споткнулась и выронила её из рук. Папка упала и документы рассыпались по ковру. Фотографии с место преступления, фотографии жестокой расправы главы этой семьи полетели к малышке. Она только взглянула на одну из фотографий, как громкий детский крик разнёсся по дому. Это был ужас и страх, крик проникал в меня, а девочка кричала громче и громче.

Малышка закрыла своими ручонками лицо и не переставая кричать начала раскачиваться из стороны в сторону. Стоявшая у арки женщина, наверняка та самая мама, которую чуть раньше звала малышка, она подлетела одним прыжком к ребёнку и заключила её в объятия. Крик стал стихать в объятьях мамы. А мой спаситель, стоявший ранее за моей спиной, выкрутился из моих рук оставляя куски своей рубашки в крепко сжатых моих кулаках и сгрёб малышку вместе с женщиной. Он поднял их на руки и унёс на второй этаж.

Все произошло быстро, очень быстро. Серый, ранее застывший посередине гостиной обернулся ко мне. Он наградил меня взглядом маньяка убийцы и сделал шаг ко мне. Снова страх, животный ужас окутал меня и на чистых инстинктах, не отрывая взгляда от этого зверя я стала пятиться назад к двери, не так и далеко я от неё отошла.

В этот раз моим спасителем стала тётя Катя. Она огрела своим грозным орудием возмездия – кухонным полотенцем этого самого Серого, раз, другой, третий. С первым же ударом ужас, который пару секунд назад меня переполнял – ис-

чез, как и не было его вовсе, исчез быстро, так же, как и возник. Да что это такое со мной, что за перепады настроения от крайности к крайности? А тётя Катя схватила этого качка чёртового за шкварку и ругала от души молотя полотенцем везде где могла попасть.

– Ах ты дворняжка. Да я тебе не только уши, я тебе хвост лично откручу. Прекращай мне тут девчонку пугать. Это твоя вина, а не её. Ты её задержал. Ты чужие бумаги сохранить и оградить от ребёнка не смог. Вот же зверёныш дикий!

Под шумок, собрав бумаги и бросив их на стол, на второй этаж сбежала и та девушка, которая и уронила мои бумаги напугав малышку. Как же я устала. Все, хватит с меня. Да, плевать на деньги! Я хочу домой, к себе. А ещё хочу, как можно быстрее оказаться по дальше от всего этого и от качков во главе с этим Серым.

Дрожащими руками я нашла мобильник в сумке, которая лежала на входе у двери. Видно её я тоже потеряла в лесу в момент истерики, и кто-то её принёс и оставил тут. Если бы не отступала к двери от этого психа, так бы и не увидела её. Я попыталась заказать такси через мобильное приложение, но оно не загрузилось, и я набрала номер диспетчерской службы. Всхлипывая и давясь словами вызывала такси. Все, хватит с меня этой семейки.

– Мне машину, срочно, очень, плачу по двойному тарифу, в Химки СНТ «Вашутино». Еду в Москву ул. ...

Мой телефон у меня нагло и бесцеремонно отобрали. Тот

самый Серый сейчас стоял непозволительно близко держа мой смартфон в руках.

– Не выдумывай. Переночуешь здесь и завтра брат по пути на работу завезёт тебя куда скажешь.

Странно, он совсем близко со мной, стоит на расстоянии вытянутой руки, но сейчас я чувствую того не контролируемого страха, не чувствую и животного ужаса, того что ещё пару минут назад меня переполняли. Я не боялась. Опасалась – да. Но не боялась. Эти перепады настроения меня возмутили и придали сил к ответу этому качку половозрелому.

– Да я лучше пешком пойду. Ползком через лес или вплавь по реке, чем задержусь здесь в этом доме и, тем более рядом с тобой и твоими дружками-качками, такими же психами, как и ты.

Говоря это, я пятилась назад пока не опёрлась спиной в спасительную дверь. Резко развернулась и потянулась рукой к ручке. Эту самую руку и перехватили уже на ручке, сдёрнули и потянули так, что пришлось развернуться, чтобы не лишиться руки.

– Не выдумывай. Ты же не глупая девушка, одной среди ночи, в лесу, тем более такой как ты – опасно.

– Такой как я? – я все ещё всхлипывала от пережитой истерики и ужаса. Но сейчас меня опять переполняли эмоции, нет, не страх. Возмущение и даже презрение, но не страх. Я изогнула бровь в удивлении. – Скорее, такой как я, очень глупо оставаться рядом с таким как ты. Тем более на ночь

под одной крышей. Скорее идти одной ночью через лес безопаснее, чем быть рядом такой как я рядом с таким как ты. Думаю, нет, уверена, смогу поймать попутку. Оплатить кому-то из ваших соседей ночную поездку или вызвать от них такси. Раз ты присвоил мой телефон. Лишь бы как можно дальше отсюда, от тебя.

Я спихнула его руку со своей. Он ухмыльнулся. Выдохнул мне в макушку, учитывая разницу в росте иначе и не получится. Резко развернулся закинув меня к себе на плечо и пролетел, учитывая его скорость, иначе это как пролетел и не назовёшь, он пролетел лестницу на второй этаж. Отбиваться смысла не видела. Не тот у меня рост и весовая категория. Я просто стала лихорадочно думать, как выбраться и насколько высоко окна второго этажа от земли. А этот качок безмозглый впихнул меня в какую-то комнату и захлопнул дверь разделив ею нас.

– Светка, умой эту мелкую к ужину, а то мама злится.

За дверью слышались удаляющиеся шаги. Я повернулась спиной к двери и осмотрела комнату. Просторная с окном почти на пол стены с широким подоконником. На нем с книгой и сидела та самая Светка, та, которая на пару с Серым скакала от полотенца тёти Кати по гостиной, та самая чей голос я, слыша в лесу.

– Света – это я. Идём.

Она слезла с подоконника и кинула на стол в углу у окна книгу. На нем же стоял ноутбук из которого негромко звуча-

ла музыка. Над столом висели полки с книгами. И книг было много. Напротив, у другой стены стояла широкая кровать, заправленная темным покрывалом. Над ней тоже были полки с книгами. Справа от меня, замершей у входной двери, был шкаф с зеркальными дверцами.

Слева небольшой шкаф на всю стену с открытыми полками. На них были мелочи, сувениры, рамки с фотографиями и конечно же книги. А между этим шкафом и столом в углу была дверь, её я заметила только когда Светлана щёлкнула выключатель и открыла её. Из освещённого видневшегося из открытого проёма двери прямоугольника показался белоснежный умывальник.

Если честно, то перспективе встречи с ним я действительно обрадовалась. Поэтому подошла ближе и увидела по соседству с ним унитаз и душ кабинку. Мне вручили чистое полотенце и банный халат, а потом оставили наедине с собой. В зеркале я увидела зарёванную, с размазанной косметикой по распухшему лицу мелкую, с трудом узнаваемую меня. Волосы растрёпаны. М-да...

Душ я приняла быстро. Вымыла голову и быстро ополоснулась в опасении, что в любой момент зайдёт незванный гость. Или этот качок заявится, с него станется. Потом закуталась в пушистый халат, который был мне большим и вышла в пустую комнату. Нет, я не смирилась со своим положением в этом доме. Просто чётко осознала, меня не отпустят. Теперь хозяевам надо убедить меня, что они не звери. Им

надо добиться от меня чего-то типа прощения. Чтобы я не написала заявления о нападении и угрозах, что явно не поможет заключённому, но пока ещё не осуждённому главе семейства. Я адвокат и то, что мне устроил этот Серый, это то, что может утопить старшего Князева. Поэтому я смирилась со статусом вынужденного гостя в этом доме или скорее принуждённого к гостеприимству этой семьи гостя. Я подошла к лестнице и стала невольным слушателем.

– Она ребёнок, не знающий стаи и наверняка оборота. А ты давил на неё.

– Я не знал, что эта мелкая адвокат. Ну серьёзно, какой из неё адвокат? Я был уверен, что прислали ангелочка из очередной газетёнки, разжалобить, запудрить мозги и на придумывать очередную сенсационную ложь.

– А зверь тебе на что? Когда ты уже научишься слушать его? Мы ещё не знаем чья эта девочка и перед кем придётся отвечать и заглаживать твоё самоуправство.

– Ты подслушиваешь?

Сзади абсолютно неслышно подобралась малышка. Своим внезапным появлением и вопросом, пусть и заданным шёпотом, напугала меня. Напугала до икоты и прыжка на месте с разворотом на сто восемьдесят градусов. Да, что ж за семейка такая, постоянно пугают меня. Этот прыжок привёл меня к полёту вниз спиной через весь пролёт ступенек со второго этажа на первый. И к моей огромной радости, ещё до того, как моё тело посчитало все углы и спина встретилась

с твердыней пола гостиной, чьи-то сильные руки подхватили меня на лету и прижали. От страха увидеть, как ломаются мои руки-ноги о ступеньки, я зажмурилась.

– Просто скажи, что тебе понравилось передвигаться в объятиях сильных мужчин. И я обещаю, я придумаю как осуществить твои желания. И не придётся кидаться в мои объятия со ступенек.

Чьими-то руками оказались руки этого гада Серого. Страха перед ним уже не осталось совсем. Все смыла вода. Зато была злость и желание, нет, необходимость членовредительства одного наглого качка. У меня прямо руки чесались. Я выскользнула из его рук и схватила первое что под руки попало с тумбочки у лестницы.

Этим первым попавшимся оказалась сувенирная булава, как жаль, что не больших размеров. Всего-то сантиметров тридцать ручка и сантиметров пятнадцать в диаметре шар с шипами. Она была резная из дерева, но на концах шипы были металлические со штампованным рисунком. О как хорошо, что попало мне именно это, моя жажда членовредительства буквально восторгалась этим сувениром.

Теперь уже по гостиной носился Серый не от мамы с полотенечном в руках. Он убегал от меня, мелкой и злой до чёртиков. Я гонялась за ним размахивая оружием с необходимостью ударить, я просто-таки нуждалась в этом. Нет, наверное, я пыталась не ударить, а убить этого... сволочь эту! Сколько мы так носились не знаю.

Знаю точно, что с десяток раз, не меньше, я хорошо приложила эту сволочь, и не слабо так приложила. А потом меня вдруг сгребли в крепкие объятия. Сжали не давая двинуться, это была тётя Катя, она гладила меня, шептала что-то нежное и ласковое, успокаивала.

До тех пор, пока моё орудие возмездия, булава, с которой я уже сроднилась и забыла, что все ещё её держу, с глухим, но громким стуком не выпала из рук на мягкий ковёр. В руках стало легко, как и на душе, легко и как-то даже сладко от осуществлённой мести. Никогда раньше не замечала за собой такой кровожадности. Да и в подобные ситуации никогда раньше не попадала.

Часть 3. От ненависти и членовредительства до любви

Екатерина Степановна, тётя Катя, довела меня до стола и усадила рядом с собой. С другой стороны, от меня сидела Света, дальше малышка и её мама. Напротив, уселся наглый и, о какая радость и успокоение для моих изрядно потрёпанных нерв, весь поцарапанный в порванной футболке, с ссадинами и синяками на руках Серый. А рядом с ним мой спаситель. Во главе стола было пусто, хотя приборы там стояли.

– Итак, Елена Макаровна Волкова, адвокат Коли. – Уже официально представила меня всему семейству за собравшемуся за столом к ужину. Хозяйка дома, Екатерина Степановна. – Леночка – это наши с Колей сыновья. Старший, который тебя принёс из леса и вмешался в творящееся там безобразие – Толик. Это его жена, наша Танюша. Маленькая

принцесса рядом с ней – это их дочурка и наша внученька, Лизонька. Светочку, нашу дочку, ты уже видела и полагаю уже знаешь. А этот охламон, наш самый младший из детей, Сергей. Он со Светой близнецы и на три с половиной минуты её младше. Ещё, у нас Коленькой есть две дочки погодки, они старше близнецов и младше Толика.

Старшая из них, Марина, она замужем и ждёт ребёнка. Они с мужем живут в Москве, но в связи с неприятностями в нашей семье, она сейчас живёт в Зеленогорске, в нашем семейном имении. Во избежание, так сказать, нежелательных встреч работников пера и неприятностей, связанных с вынашиванием ребёнка. Ты не обижайся, просто уже были прецеденты, Мариночку поджидали под кабинетом врача – гинеколога не добросовестные журналисты. Она из-за этого попала в больницу. А вторая дочка, Лида, она в Москве, получает очередное образование. Она любит учиться, вот и учится уже на второе или третье высшее. Она из тех, о ком говорят «вечный студент». Ты уж не держи зла на нас.

– Екатерина Степановна, я не обижаюсь на вашу семью, уж тем более на вас. Я просто чуточку покалечу вашего младшенького, «охламона», и успокоюсь. Вам только лучше будет, хоть чуть-чуть выбью из него дурь и глупость.

Я говорила искренне, от всего сердца и души. Говорила не сводя глаз с этого самого охламона. И смотрела так, уничтожительно, что если бы взгляд убивал или расчленил, объект моих посылов уже пару тройку раз разорвался на кусочки,

собрался и истаял.

– Слышь, мелкая, а силёнок-то хватит?

Он говорил с издёвкой и насмешкой, не торопясь, растягивая фразу и заедая каждое слово сытным и вкусным ужином.

– Я может и мелкая, но в отличии от тебя не глупая. Ты хоть понимаешь сколько статей уголовного кодекса за этот вечер ты нарушил? Нападение, насильственное удержание, угрозы, причинение вреда, ну и так, по мелочи. Папку с делом ты не имел права ни брать, ни знакомиться с её содержанием. Ах и мой телефон – это кража личного имущества.

А теперь, крупный мой скажи, если тебе наплевать на себя любимого, то как все это отразится на твоём отце. Как прокурор или присяжные отнесутся к человеку, который воспитал такого сына. Ты же не просто напал, ты напал на адвоката, да и просто на женщину, которая, как ты изволил выразиться «мелкая», особенно рядом с таким качком как ты и твои ненормальные дружки.

Да ты сейчас своему отцу, своими заботливыми ручонками срок увеличиваешь. Да даже если я не буду, о чем ещё подумаю, обращаться к законной власти, если в тюрьме, где содержат твоего отца, узнают о твоём нападении на меня, Волкову, на адвоката, твоему отцу жизни не дадут. Или просто покалечат, или того хуже. И даже тот факт, что в этом доме я хоть, и заложник не на привези, а за общим столом сижу, ни тебе ни ему не помогут.

– Ты совсем ненормальная, мелкая? Какое нападение – припугнули и все. Бумаги свои сама бросила на тропинке в лесу, мы только собрали. Какое насилие? Какое удержание? Ты не заложник. Ты гость!

Клянусь, я видела, как его глаза меняют цвет. До этого насмешливый карий с золотым взгляд почернел и стал тяжёлым, пугающим и каким-то хищным. А его голос стал холодным и рычащим. Это кольнуло страхом где-то внутри, глубоко и знакомо, как на тропинке в лесу. Но не более. Сейчас осознание этого не парализовало и не ужасало. Я не сжималась от страха отступая. Нет. Наоборот, все это подтолкнуло меня к обороне. Я швырнула в него вилку. Хам, сидящий напротив, вот кто он. За вилкой полетел и столовый нож. Если бы было не так вкусно, а я не так голодна, в этого качка полетела бы и тарелка. А так я только возмутилась повысив голос.

– Гость? Гостей приглашают, а не приносят на руках, запуганных, в истерике спасая от глупого перекаченного младшего брата. Гости остаются по собственной воли, их не таскают словно мешок на плече запирая в комнате с сестрой. И телефон у гостей не отбирают.

За столом была тишина, нас никто не перебивал и в мою злобную тираду не вмешивался. Наоборот, за нами с огромным интересом наблюдали все присутствующие. С озорными искрами в глазах все наслаждались нашей перепалкой. Из-за этого я ещё больше стала ощущать себя обиженной,

неуверенной и вспыльчивой школьницей, а не взрослой и уж тем более самодостаточной женщиной. Про успешного адвоката вообще молчу.

Да что ж он за человек такой? А мой собеседник, он злился. Я видела, как играют его жвалки. Слышала скрип его зубов. А уж как играли его мышцы. Это просто танец какой-то под рваной синей футболкой с ярким принтом, от этого картинка перекатывалась и танцевала вместе с его телом. Он одними пальцами сгибал столовый нож в правой руке. Ах, если бы взглядом можно было бы убить... Я бы уже была мертва. Или горела бы в предсмертной горячки.

– А вы поженитесь, да?

Детский, счастливый и хихикающий голосок резко разорвал тишину и нашу игру в гляделки с этим невыносимым качком. Мы оба непонимающе уставились на ребёнка с любопытством желая продолжения. Интересующий, думаю всех присутствующих за столом, вопрос, задала Светлана.

– С чего ты взяла, Лизунь?

– Ну она же бросила ему вызов, – за столом все напряглись – а он не ответил. А ещё, он как Петька, правда мам? У меня в садике, в моей группе, есть глупый и противный мальчишка, Петька. Он тоже постоянно говорит мне гадости, выдергает мои ленты из косичек. А ещё он кусается. А мама сказала, что он просто влюбился, а как сказать не знает. – Лизонька захихикала. Как и остальные члены семьи Князевых, все и я тоже, давились улыбками. – Мама вообще сказала,

что мальчишки не умеют по-другому в любви признаваться, вот и привлекают наше внимание своей глупостью. Только папа у нас хороший и все правильно делает. Дядя Серёжа влюбился. – На выдохе с печалью сказала малышка. А потом с затаённой надеждой и всей серьёзностью своего возраста спросила у меня. – А ты?

На вид малышке было четыре, от силы пять лет. И такая гамма эмоций вызывала невольную улыбку в ответ на её вопрос. Ну а логическая цепочка от ненависти и членовредительства до любви просто приступ веселья.

– Нет милая. Я не влюбляюсь в глупых мальчиков и тупых качков с животными инстинктами вместо мозгов. И тебе золотко, не советую. Этот Петька, как дядя Серёжа, если не умеют говорить о своих чувствах, любях, а применяют силу к женщине, то они слишком плохие для тебя.

– Милая, он не так плох и глуп, как тебе показалось. Хотя в остальном ты абсолютно права. И я рада, что хоть одна девушка, встретившаяся моему сыну, не растекается лужицей перед ним, а способна вправить ему мозги. Он просто не привык к умной и красивой собеседнице, не связанной с ним ближайшим родством.

Дальше ужин прошёл легко и спокойно. Светлана принесла мне новые приборы и все ели переговариваясь, шутя и рассказывая забавные истории где главным героем всегда был младший Князев – Сергей. Все наслаждались вечером, кроме обиженного столь пристальным вниманием Сергея.

Он периодически опалил меня злобным взглядом, уже карих с золотым глаз. А так же злобно пыхтел и тяжело вздыхал, когда кто-то из родных вспоминал новую историю. Да и лицо его было мягче и несмотря на грудку мышц, добрым. А его темно русые волосы, хоть и были в короткой стрижке, блестели в свете ламп и придавали ему мальчишеский вид. Я окончательно перестала его бояться, вот как-то совсем и даже злобные взгляды не пугали, а забавляли. Внутри меня что-то переключилось. Я видела перед собой не грозного, огромного и страшного мужчину. А самого младшего и шкодливого ребёнка. Он из всех сил старался быть взрослым, поступать как взрослый и этим только ещё больше получал за новые шалости. Теперь мне казалось, что даже малышка Лиза была взрослей и рассудительнее Сергея. И кажется это моё мнение разделяли все кроме самого Сергея.

Огромная столовая была и гостиной одновременно не имея никаких разделительных стен. Из-за стола все переместились пить чай в широкий полукруг удобных диванов и кресел. Татьяна с Лизой справились быстро и ушли на верх. Лизе перед сном мама делала массаж, она вообще, в смысле мама, как выяснилось была педиатром. А я тонула. Тонула в уюте и тепле этой семьи. Тонула в большом мне халате. Тонула в кресле просто огромном для меня.

В нём таких как я мелких, поместилось бы не меньше пяти. И во взгляде обиженных глаз карих с золотым. Сергей сидел напротив меня и буквально буравил меня своим оби-

женным взглядом, чем ещё больше всех забавлял. Светлана опять читала книгу. Она полностью была ею поглощена, не видела и не слышала ничего и никого. Анатолий и тётя Катя сидели на соседних со мной диванчиках, перед нами на низком стеклянном столике лежала папка и мы переговаривались, я делала пометки на полях карандашом. Наш тихий разговор и установленный нейтралитет нарушил Сергей.

– Слушай, мелкая. Чем таким ты отличаешься от других своих ушлых и лживых коллег? Почему мы должны довериться именно тебе. Почему мы должны довериться именно тебе?

И сколько детской обиды было в голосе, что я еле сдерживала улыбку отвечая.

– А у вас выбора нет. Николай Фёдорович отказался от услуг платных защитников. А в случае уголовного следования и судебного в том числе, назначается защитник в обязательном порядке, в вашем случае – государственный защитник. Ну а с предыдущими у Николая Фёдоровичу не сложилось. Так что или я, или ...

Я развела руками в стороны, скромно потупила глазки в пол и тяжело вздохнула.

– Мелкая... – С рыком начал Сергей, но я нагло перебила.

– Слушай, качок перекормленный, будешь оскорблять...

И я вытащу твоего отца, только для того, чтобы он, обязанный мне своим освобождением, чисто из благодарности оторвал тебе уши и не только. По-настоящему, по-взрослому,

не так заботливо и ласково, как это чуть раньше делала твоя мама. Понятно, К А Ч О К?

Последнее я выделила. В комнате все захихикали. Анатолий прятал смех за кашлем и у него плохо получалось. Екатерина Степановна улыбалась прикрываясь чашкой уже давно остывшего чая. А вот Светлана не скрывалась. Она отсмеялась и с искренней улыбкой на лице обратилась ко мне наконец-таки оторвавшись от книги.

– Знаешь, а ты мне нравишься. Возможно мы даже подружимся. Особенно если ты вытацишь отца, как угрожаешь Серёге.

Мы обсудили дело. Я чувствовала, что от меня что-то скрывают, что-то важное. Но при этом мне уже доверяют и рассказали многое, чего по каким-то не объяснимым причинам не было в деле. Как пример, жертва семь раз фигурировала в делах о развращениях малолетних с их похищением или насильственным удерживанием в разных регионах России. Иногда он был свидетелем, иногда основным подозреваемым.

Но всегда девочки и их родители отказывались от претензий, не писали заявления. Дела передавались в архив и забывались пылясь на полках. В одном случае погибла девочка, но и там он был отпущен со снятием подозрений. Свидетели отсутствовали, родители отказались от претензий, а доказательств просто не было, почти. Так же мне пояснили, что всего этого в деле не было, потому что сразу после призна-

ния Князева у следователя замаячили звёздочки в перспективе, вот он и поспешил оборвать все ниточки против.

Ведь за жестокое убийство в стиле маньяки, больше шансов на повышение. Чем за убийство в состоянии аффекта или при защите семьи одним добропорядочным и честным гражданином другого, фигурировавшего и не раз в уголовных делах. Так и выстроилась линия защиты в моей голове.

Спать я отправилась далеко за полночь. Мне выделили отдельную спальню на первом этаже, в бежевых тонах, с панорамными окнами и огромной кроватью. Не просто для меня огромной, а в принципе огромной. Даже таких как качок тут свободно трое разместилось бы, а то может и четыре, и ещё мне место осталось бы. Так, что-то не правильные мысли у меня возникают, о качке и кровати. И зачем в его величинах кровать мерею, прямо как в мультике про 38 попугаев, в которых удав длиннее. Но размеры кровати меня не радовали, вот совсем. Скорее я чувствую себя на ней неуютно и даже одиноко. Я просто теряюсь на ней, хоть и уснула быстро.

А ночью пришли они, мои ночные ужасы родом из детства, ночные кошмары. Все моё детство они меня преследовали. Я пила снотворное, успокоительное, но это не помогало. Родители возили меня по психологам от больницы к больнице. Но помогла не наука, а народная медицина. Родители отвезли меня к одной бабушке в глуши, когда мне было четырнадцать, я прожила у неё все весенние каникулы. Она поила меня травками, шептала что-то, а по ночам, по ночам

она появлялась в моих снах и как будто их закрывала на замок. Даже не знаю, как это объяснить, она просто появлялась во сне и выстраивала стену между мною и моим кошмаром. Стену с маленькой дверцей и большим замком на ней.

И в одном из снов она заперла их, мои комары из детства и отдала мне ключ от двери. Вот так мои кошмары оказались заперты, а сон стал просто сном с редкими сновидениями, об обычных детских мечтах. И вот они вернулись. Сначала я увидела лес и Сергея, и тот животный страх, который тогда владел мною завладел мной сейчас. Я буквально задыхалась от страха. А потом, потом картинка сменилась, все было как тогда, в далёком детском кошмаре.

Я с родителями на берегу реки. С нами много других взрослых людей со своими детьми. И дедушка, дедушка был жив, и он был главный. Все его слушались. Это был вечер с алым закатом, отражающимся на воде. Разожгли яркие огромные костры по периметру нашей полянки. В центре огонь не высокий и там собираются жарить мясо. Многие взрослые, вместе с дедушкой и папой куда-то ушли. А все дети и несколько женщин, среди них и мама тоже, мы все собрались вместе. Кто-то начал рассказывать истории, и я замерла, заслушалась.

Смех, шутки и детские забавы совсем маленьких. А потом крик. Дикий. Ужасающий. Он проник под кожу. Он заставил сердце замереть пропуская удары. Даже дыхание остановилось. Но не смотря на страх, я оборачиваюсь на

этот крик. О боже. Там волки. Огромные, намного крупнее тех, которых я видела в зоопарках. Они рычат и кидаются на всех, кого настигают. Они рвут эсеницин прикрывающих своих детей.

А детей, совсем маленьких разрывают и загрызают, разбрасывая части тела по сторонам. Морды в крови и горящие глаза. Ужасающие глаза, но какие-то слишком умные для животных. А детей постарше волки хватают за загривок и куда-то тащат. Мама хватается за руку и тащит к кострам, подальше от волков. Какое-то странное чувство, я не боюсь волков, обычно. Я уверена, что они ласковые и верные. А эти, эти другие, и от них у меня мороз по коже и все внутри замирает от страха.

Эти волки чужие. Эти опасные. Я кричу от страха и наконец-таки начинаю дышать. Глубоко и тяжело. Мама тянет меня за руку, а на руках у неё ещё один ребёнок, маленький. Она толкает меня через огонь и прыгает сама. Падает. Ребёнок на руках плачет. Мама поднимается, прижимает ребёнка к себе так, чтобы не было слышно плача.

А меня хватается за руку и тянет. Этот ребёнок, эта малышка, почему-то я уверена, что это моя сестрёнка. Я начинаю всхлипывать от сдерживаемых рыданий. Слезы текут по щёкам. Я плачу, не могу сдержаться. Все плывёт от слез в глазах. Обернулась лишь раз и этого хватило, там были волки. Они шли по нашим следам, не спеша. Зачем, разве нас сложно догнать. И вот они настигли нас. Не все, но

и этих хватает, чтобы кричать от страха прижимаясь к маме. У того, который в центре, он самый большой из всех, у него был глубокий шрам через всю звериную морду. Он скалится медленно двигаясь к нам. Мама спотыкается и падает. Прижимает к себе сестрёнку и притягивает меня к себе. А я кричу, кричу изо всех сил...

Кажется, кричала я не только во сне. Потому что открыв глаза я почувствовала себя в крепких объятиях. Кто-то сгрёб меня и заключив в свои объятия. Просто крепко держал раскачиваясь со мной в руках и гладил по голове, как маленькую девочку.

– Все хорошо. Не волнуйся. Все хорошо. Я рядом. Все хорошо. Это просто сон, плохой сон. Все прошло. Все хорошо.

И от этого тихого и уверенного шёпота мне становилось лучше, а может от крепких и надёжных объятий. Я стала приходить в себя. А потом и вспомнила где я. И что обнимать меня, тем более вот так, по сути нет кому. Я окаменела, резко оторвалась от груди и не навязчиво отодвигаясь стала выпутываться из объятий. Таких надёжных ... Нет. Нельзя. Даже думать нельзя.

– Ты? Ты! Гад ты! Ничего не хорошо! Это из-за тебя все. Кошмары вернулись из-за тебя. Это все ты! Ты качок безмозглый.

Я отталкивала его, царапаясь и вырываясь из его рук. А как появилась возможность, выскочила из его рук и слетела с кровати. Меня трусило от страха и от злости. Сон ещё не

отпустил от своего кошмара, а злость на этого гада, перекаченного только ухудшала моё состояние. Все он, это он виноват. Это его шуточки вернули кошмары.

– Ненавижу. Всем сердцем ненавижу тебя. Иди вон!

Я кричала. Я просто не могу контролировать себя сейчас, эмоции бьют через край. Он ушёл молча. Уходил не сводя с меня глаз и с выражением лица побитой собаки. Слез с постели и медленно ушёл. А я дышу, глубоко и часто, это должно помочь, раньше помогало прийти в себя. Он ушёл, но я была не сама в комнате и только сейчас заметила это. Все это время тут была Света. Она медленно подходит ко мне и молча обнимает меня. Я всхлипываю. Нет не плачу, слез нет. Просто дыхание прерывается истерическими всхлипами. Света прижимает меня крепче.

– Я останусь с тобой на ночь. И не спорь. – Я только набрала воздух возразить, но она не дала мне ничего сделать, просто продолжила. – Я тоже виновата перед тобой, прости нас. А сегодня, сегодня я буду с тобой. Идём спать, а то я босая и, если мама вернётся, нас обеих ждёт лекция.

До постели мы не успели добраться, тётя Катя принесла чай с травами, и мы пили чай и слушали лекцию о голых ногах и здоровье, которое от этого зависит. Мне дали чистую футболку и шорты, я вся вспотела во сне, в этом липком ужасающем сне. И поэтому одежду сменила сначала приняв душ.

– Давно тебе снятся страшилки?

– С детства, с того детства, которое я помню. Один и тот же. Страшный и такой реальный сон. Правда он просто моя выдумка, моего подсознания.

– Почему выдумка?

– Потому что люди не превращаются в зверей и не нападают на других. А в моем сне, мой дед и отец... Ладно, забей. Это просто сон.

– Почему забей? Тебе надо выговориться, порой это помогает. Мне помогло.

– Тебе тоже снятся кошмары?

– Нет, уже нет. Раньше снились. Меня выкрали в возрасте Лизы. Это было... Было очень страшно. Отец нашёл раньше, чем мне причинили вред. В смысле ничего ужасного и непоправимого не случилось, не успели. Но кошмары не покидали меня долго. Мне снилось все и в подробностях. Ничего не помогало, врачи, таблетки, даже гипноз. Тогда Серый стал пробираться ко мне в спальню каждую ночь.

Он спал со мной. Он готовился к каждой нашей ночи. Придумывал истории, целые сказки, сооружал из постели крепости, он был всегда вооружён своим игрушечным мечом и кучу пистолетов. Мы говорили. Он каждый раз, когда я рассказывала свой кошмар переигрывал все. Все превращал в приключение принцессы в моем лице и отважного рыцаря в своём. И каждый его рассказ заканчивался его победой и моим героическим освобождением. Все были побеждены и наказаны. Со временем его рассказы вытеснили мои кошма-

ры и заместили их. Я перестала бояться снов. Ведь в них мой брат был тем, кто всегда придёт на помощь и спасёт. Тот человек. Тот, которого мой отец... он пришёл за Лизой. И он был не сам.

Я вскочила на ноги прямо на кровати.

– Это же меняет дело!

– Он не признает этого. И нам запретил. Так что... Я вообще не должна была тебе этого говорить. Отец не позволит вмешивать в это Лизу.

Мы молчали, долго молчали думая каждый о своём.

– Твой сон. – Света хмыкнула, как-то печально. – Кроме сказок о вервольфах – оборотнях, о чем он?

Ответила я не сразу. И с тяжёлым вздохом.

– Это был какой-то праздник. Нас было много. Очень. Взрослые, дети. А потом дедушка увёл почти всех взрослых с берега, где мы жгли костры и жарили мясо. Остались дети пару мужчин и женщины с маленькими детьми и беременные. А потом пришли волки. Огромные, не естественно большие. И страшные. Особенно один, у него был шрам через всю морду. Волки рвали всех на своём пути, а некоторых детей хватали и уносили. А потом.

Потом пришли добрые волки. Они прогнали злых, некоторых убили. Они, эти добрые волки, двое из них превратились в моих деда и отца. Я рассказывала родителям сон, они сказали, что это просто сон. Я тоже посещала врачей, много. Но ни они, ни таблетки не помогли, как и травы, чай и мно-

гое другое. Хм, помогла одна старушка, не знаю, как именно. Она так же говорила, как и твой брат, я засыпала рядом с ней, и она учила меня строить стену от кошмара. Появлялась во сне и объясняла, как это делать.

А потом, в стене была маленькая дверца и мы её замкнули. Это было во сне. Но с той ночи сны перестали меня преследовать по ночам. А сегодня... Сегодня мне опять приснился сон, тот волк, самый крупный, со шрамом, он опять гнался за нами, за мной. И мама, она тянула меня и несла на руках ребёнка, мою сестрёнку. Но у меня нет и не было сестры. Я бы знала. Родители бы рассказали. Остались бы фотографии. Но нет ничего. Знаешь, мы переехали, когда погиб дедушка. Мы из города переехали на хутор. Там было лучше, там легче стало. Уже давно не этот ужас ко мне не возвращался. Во сне меня... сегодня в лесу, на той тропе, я чувствовала страх, животный, не контролируемый. Как тогда, когда мне снился этот кошмар. Наверное, из-за этого сон вернулся. Это все он, это он виноват...

Я не поясняла о ком я говорю, все и так понятно. Света обняла меня. Так я и уснула. Уже без снов. Кажется, я только уснула, а меня уже ненавязчиво будили к завтраку. О чем говорили за столом я не прислушивалась, я была полностью погружена в свои мысли и завтракала молча. Я думала о деле Князева, о новых обстоятельствах и как использовать их не привлекая к этому малыша. Так же молча, погруженная в свои раздумья я ехала домой, иногда выныривая в реаль-

ность и записывая мысли и их направления. И только когда автомобиль остановился у моего подъезда я заметила своего водителя, Сергей. И то, после того как он остановившись взял мои руки в свои и притянул к груди.

– Прости меня. Прошу. Я не хотел причинить боль. Тем более тебе. Я просто думал, что защищаю семью. Мама плакала после твоего ухода. Понимаешь? Плакала. Тяжело видеть слезы в глазах дорогого человека, тем более мамы. А эти журналюги... Они каждый день донимают мою семью. И она уже почти перестала улыбаться. Раньше все время улыбалась. А сейчас, так редко. Я знаю. Я дурак. Понимаю, ты не виновата. Но она плакала, и я уже не особо думал. Сорвался с места и пошёл по твоему следу. Прости.

– Точно! Инстинкты, порыв, аффект. Ты молодец! Все мне пора. Хотя нет, ты дурак.

Меня осенило. Линия защиты складывалась на глазах. Я вышла из машины улыбаясь. Завтра заседание по хулиганки, там все ясно и должно быть быстро. Значит успею. Я влетела вдохновлённая идеями о деле на третий этаж, у двери нашла ключи и уже открыла дверь, шаг и я у себя. Но не судьба. Из соседской двери вышла хозяйка квартиры, которую я снимаю.

– Здравствуйте Леночка.

– Здравствуйте Нина Ивановна. Вы в гости ко мне или к своей подруге?

– Ох, Леночка. Давайте чай выпьем и поговорим. Я к те-

бе с новостями. У меня сын, гадёныш, от жены ушёл. Представляешь? Ты ставь чайник, а я все расскажу.

К чему вела хозяйка квартиры я уже поняла. И хоть настроение уже испортилось и общаться с ней не хотелось, чем я все-таки её напоила. Даже любимыми конфетами погостила. Смысл её истории в одном и не очень приятном, а уж каким не своевременным. Её сын загулял с молодой девахой. Та забеременела, а законная жена обо всем узнала. Скандал и итог – жена выгнала мужа и сказала о намерении развестись.

Сын долго не страдал, взял молоденькую девицу и заявился с ней к маме. А в её четырёх комнатной квартире, в каждой свободной комнате по паре студенток живёт. И её сынишка теперь и за ними прихлёстывает. Из-за этого, мало того, что Нина Ивановна делит комнату с сыном и будущей невесткой с не лучшим характером. Так теперь регулярно разнимает девиц, которым её сынишка лапшу вешает, а они верят. Вот теперь у меня три дня на переезд.

Потому что Нина Ивановна выгнала сына с пассией на дачу и к понедельнику они вернутся уже сюда. А сегодня четверг, и я почти на улице. Но хозяйка расщедрилась и решила вернуть не только залог, но и оплату за этот месяц в качестве извинений за срочность выезда. Только вот в чем проблема, мне деньги не лишние, но крыша над головой важнее. А эта квартира, студия, с понедельника будет любовным гнёздышком для двоих, и если я не выеду, то буду третьей и денег мне не видать ни залоговых, ни тем более за этот месяц.

М-да, новости не радуют. И вот я уже почти на улице. Первым делом собрать документы и срочно перевезти их на офис. А так же книги, их туда же, в офис. Посуду и вещи не по сезону упаковать первыми и попросить однокурсника, у него есть гараж, а машину он ставит во дворе, думаю не откажет. И тут ... Мне ещё на работу надо, а телефона нет. Вот же! В последний раз он был в моих руках в доме Князевых. А потом Сергей его отобрал и все завертелось, а утром я забылась и вот итог.

Вещи я собирала в мусорные пакеты, смешно, наверное, но ничего лучшего я не придумала, а времени не так много. Надо успеть до работы, до срочных дел надо ещё рассортировать все по важности. Такси вызвала с телефона словоохотливой соседки, от неё много не лицеприятного узнала и сыне хозяйки уже моей бывшей квартиры и о отношении соседки к ситуации в целом.

На такси отвезла все документы и книги в офис. На нем же посетила предварительное слушание по делу о пьяной драке с порчей имущества и по окончанию опять вызвала такси с чужого телефона. Я отправлялась за своим телефоном, опять в пригород к Князевым. Ехала в расстроенных чувствах, дел на сегодня нет, но работы много, а без телефона это не возможно.

И как же мне не хотелось возвращаться в этот дом, воспоминания ещё слишком свежи и неприятны. Дом нашли быстро, водителя попросила дождаться с обещанием оплатить и

поездку в обе стороны и ожидание. И вот я опять у калитки этого дома и жму на кнопку видеодфона. Загорелся монитор и освещение. Уже вечерет. Несколько секунд ожидания и ничего не говоря, и не спрашивая замок щёлкнул, и калитка передо мною открылась.

По вымощенной цветной плиткой тропинке я прошла к дому. У двери задержалась, почему-то стало страшно сделать шаг. Я замерла собираясь с мыслями держа ручку двери и с глубоким вздохом открыла дверь и шагнула в дом. В гостиной на ковре в окружении кукол, мягких игрушек и цветной кукольной посуды сидела Лиза со своей мамой. На диване с книгой Света. С кухни доносились звуки и ароматы готовки и скорее всего там хозяйничала тётя Катя.

А рядом с дверью, счастливый, что псина, встречающая хозяев с видеороликов из интернета, стоял Сергей. В шортах и облегающей боксёрке. И это его лицо с выражением полного счастья только разозлило. Я была зла на него и до этого, вся ситуация вчера, ночью, ещё и телефон, а он такой счастливый, улыбается, вот же гад!

Но увидев его таким, домашним что ли, а ещё до соблазнительного полуобнажённого и так смотрящего... Сложно ругаться и злиться, когда на тебя смотрят как будто ждали именно тебя и только тебя. Вот честно, ему хвост приделать, и он им завиляет. Он даже с ноги на ногу переминался счастливо смотря, нет рассматривая меня.

Я уже успела набрать воздух в лёгкие и открыть рот для

скандала, но увидев его таким, я нервно хихикнула растерявшись. Глубоко выдохнула и молча закрыла рот. Чего спорить, я действительно мелкая, единственное чем я могу дать сдачи – это слово. И их у меня всегда хватало, я умело их использую. Я не молчу порой даже когда стоит промолчать, а тут... Я, наверное, впервые не нашлась со словами. Мне даже стыдно стало, и я покраснела.

Часть 4. ...Я тебя ждал. Только тебя жаждал.

Я тебя ждал. Сходство искал в каждой.

Так и страдал...

(А. Иванов)

– Ты пришла... – Он сказал это на выдохе, голос полу шепчущий. И глаза, сейчас они были ближе к золоту, чем карие.

– Серый, уйди с порога ипусти Лену, а то сбежит.

Она говорила улыбаясь, я бы, наверное, на её месте тоже, наверное, улыбалась бы. А вот на своём, я растерялась. Этот качок, этот несносный ... он действительно рад мне, искренне рад. Он схватил меня за руки подтянул к пуфику и усадил. Разул и опять потянув за руки подвёл к дивану и усадил.

– Устала, да? Скоро ужин, потерпи. – И так он это говорил, с такой заботой и нежностью, что дыхание перехватило.

– Я же говорила, дядя Серёжа влюбился. – Вставила хихикающая Лизонька. – Теперь он не как Петька, а как папа с мамой.

Это немного отрезвило и помогло прийти в себя. Я прочистила горло не громким кашлем и, почему-то осипшим го-

лосом попросила свой телефон, как-то тихо и совсем не уверенно.

– Я не на долго. Я только за телефоном. Там меня ждут, там такси. А мне нужен телефон, очень.

Сергей насупился, словно ребёнок с отобранной конфетой. Громко выдохнул. Молча встал и развернулся. Ушёл на кухню. На пол пути остановился. Развернулся и посмотрел на меня. Открыл рот набирая воздуха и желая что-то сказать. Закрыв молча тяжело выдыхая. Нахмурился. И поменял направление, он ушёл на улицу, нет он вылетел на улицу громко хлопнув дверью. Вернулся вприпрыжку и широко улыбаясь.

– Такси я отпустил. Ты остаёшься на ужин. Поешь, а потом я отвезу тебя сам куда скажешь. И не спорь. Мама обидеться если уйдёшь не поужинавши. – И с какой-то детской обидой в голосе добавил. – Её-то ты обидеть не хочешь.

Обидеть? Серьёзно? Я его обидела? Этот качок недоразвитый напугал меня до чёртиков. Да я от страха чуть не умерла на месте. Сны ужасики мне вернул, я теперь даже спать боюсь из-за его шуточек не полноценных. А он, он... гад! Я взорвалась. Вся робость и смятение, которые совсем недавно наполнили меня из-за его детской радости мне, так же исчезли, как и возникли – внезапно.

– Слушай, ты, качок. – И озвучила это я как ругательство. – Это я тебя обидела? Ты на это намекаешь? Ты два метра в высь и полтора в ширь, с мозгом только в кости, на-

мекаешь, что я, как там ты говорил? Мелкая? Обидела тебя? Вот уж не знаю, чем именно. Просвети, а?

Тем что не умерла от страха вчера в лесу в полумраке на тропинке встретившись с тобой и твоими друзьями? Или тем, что теперь по ночам спать не могу без страха перед детскими кошмарами, которые вернулись от встречи с грудой мышц, управляемых инстинктами без мозгов? Нет, наверное, тем, что до сих пор не оторвала тебе загребущие перекаченные ручонки, отобравшие мой телефон и забывшие вернуть?

На что я разрешения, так, между прочим, не давала. А это кража, согласно УК РФ! Нет, знаю, я тебя обидела своим присутствием здесь. Это же надо, вместо того, чтобы отдыхать дома, трачу деньги и время на то, чтобы вернуть себе своё же имущество! И вот теперь, на ночь глядя торчу тут, вместо своей постели? Или тем, что я через всю Москву сюда приехала, а ты ещё и такси, моё между прочим такси, без спроса отпускаешь? Так чем, чем именно я тебя обидела?

Я говорила строго, но громко, словно отчитывала его как строгая учительница, с голосом спокойного удава доедающего кролика. Я взрывалась внутри готовая рвать и метать, а снаружи была само спокойствие и непоколебимость. Наверное, это было забавно наблюдать со стороны. Метр с кепкой, тычет пальцем где-то между грудью и пупком, выше я могла достать только если в прыжке. При его-то росте около двух метров.

И этот метр с кепкой в моем хрупком теле, отчитывает эту грудку мышц. Особенно то, что это качок, при каждой моей фразе, с каждым моим тычком сжимался все больше и сильнее. Он вжимал в плечи голову. Сами плечи обвисали и сжимались. Спина скрючивалась. А на лице отображалась вселенского масштаба печаль, вина и ... боль. И мне было бы, наверное, жалко его, я даже, наверное, была бы замучена совестью. Если бы не одно, но, силы моей злости добавлял смех, девчонки вокруг нас просто заливались хохотом. Татьяна утирала слезы смеясь. А Света тыкала пальцем одной руки в нас, а ладошкой другой руки хлопала себя по коленки смеясь то сгибаясь, то разгибаясь. А малышка хихикала, пряча своё личико в ладошки.

– И не смей строить из себя побитого бездомного пса. Это меня угрожали убить или побить, и угрожал между прочим ты. И это я почти бездомная, и вот я уже думаю не ты ли виноват и в этом. Да ты просто беда ходячая, моя, персональная беда.

Гад перекаченный перебил меня и как-то вновь приосанившись заговорил, чересчур заботливо.

– Почему бездомная? Как это бездомная?

И тон такой возмущённо обеспокоенный, заботливый. И глазёнки свои карие с позолотой прямо в глаза мне уставились, как будто высматривая что-то. Я даже сглотнула, не от страха, нет. Голос меня подвёл, и сама от себя не ожидая такого, продолжила я уже полушёпотом, не то возмущаясь, не

то жалуясь.

– Не твоё дело. Телефон верни.

Телефон мне вернули. Усадили на диван, ноги предиком укрыли и телефон вернули. Словом, эта груда мышц вдруг стала само очарование и забота. В какой-то момент я даже расслабилась и задремала. Разбудил меня разговор, не громкий, но близкий.

– Может пусть лучше поспит? Устала же.

– Слушай, Серый, я все понимаю, сам через это прошёл. Но тебя реально клинит. А так ты можешь только оттолкнуть девочку. И сам же будешь мучиться. И буди уже её. Поверь, голодная женщина – злая женщина. А такие и покусать могут. Поверь.

Говорил Сергей с братом, видно пока я спала он вернулся с работы. А потом я почувствовала тёплое дыхание, очень близко со своим лицом. Он убрал прядки волос с лица. Провёл большим пальцем по щеке и буквально продышал мне в лицо:

– Моя злобная и кусачая женщина, идём ужинать.

Глаза я приоткрыла. И ласку приняла не зная, как реагировать на неё. Вот серьёзно, не правильный он какой-то. С ним как на качелях, настроение скачет то вверх, то вниз. Ели молча. Лишь за чаем тётя Катя завела беседу.

– Ну Леночка, рассказывай. Как так случилось и почему ты вдруг стала бездомной? – Тётя Катя говорила с заботой, так что не ответить я не могла.

– Да так. Неожиданно и не вовремя для меня. Сын хозяйки квартиры ушёл от жены и с понедельника въезжает в мою, уже бывшую мою квартиру со своей новой пассией. Вот и надо съехать, крайний срок в воскресенье. Узнала я об этом сегодня, альтернативы нет. Телефона нет. Я даже вещи перевезти не могу, договориться не смогла без телефона.

– Ясно. Не переживай. С переездом тебе поможет Сергей. И не спорь. Ему полезно будет руки занять, может глупые мысли выветрятся заодно. Можешь его эксплуатировать по полной, в отместку за все. Так скажем, пусть грубой мужской силой искупает свою вину. Сегодня оставайся здесь. А завтра Толик решит вопрос с квартирой. Толик, у нас же есть в Москве среди имущественных вложений жилой фонд? – Толик утвердительно кивнул. – Тогда подбери Леночке из удобных свободный вариант.

– Только не дорогой. Я несколько ограничена в деньгах.

– Хорошо. Займусь сутра. Лена не переживай, пусть это будет аванс за вашу работу.

– Нет. Так не пойдёт. У Николая Фёдоровича я назначенный судьёй государственный защитник. И если вопрос стоит так, то справляться с этой проблемой я буду сама.

– Не выдумывай. И не злись. – Тётя Катя говорила спокойно, но безапелляционно. Спорить просто не хотелось, вот вообще. – Считай это служебной необходимостью. Служебное жильё на время суда. А потом если устроит цена – останешься. Нет, то к концу разбирательства найдёшь другой ва-

риант. Договорились? Не отказывайся, уважь уж меня, старую и разбитую женщину.

Соглашаться не хотелось, вот от слова совсем. Но и обижать Екатерину Степановну, которая так хорошо, по-доброму ко мне относится не хотелось сильнее. И в итоге с мыслью по принципу: «бьют – беги, дают – бери», я согласилась. Спать меня разместили в той же комнате, что и прошлой ночью. И ночью, как и в прошлой ко мне во сне пришёл все тот же кошмар. Только в этот раз я увидела все, как в детстве, сон не отпускал до конца удерживая меня в своём кошмаре.

«... Все началось, как всегда. Костры у реки, смех и шутки. Потом погоня. Точнее не погоня, игра злого и страшного волка со шрамом через всю морду с парой его приспешников. И играли они со слабой человеческой женщиной пытающейся спасти своих детей. Я точно знала, что второй ребёнок, маленькая девочка на руках моей мамы – это моя сестрёнка.

Мама упала, прижимая сестрёнку к себе и подтягивая меня к себе. Она пытается накрыть нас собой скрывая от опасности. Волк рыкнул, толкая её в спину своей мордой. Мама подгребает нас под себя, она прячет нас от всего мира. Другой волк, с рваным ухом, он схватил её зубами за плечо переворачивая. А тот что со шрамом, вырвал из рук мамы сестрёнку. Мы закричали, я от страха. А сестрёнка от боли впившихся в неё зубов.

Я видела кровь, её кровь. Я замолчала, захлёбываясь

страхом, нет, ужасом. Тот волк подкинул мою ещё совсем маленькую и беззащитную сестрёнку в воздух, кровь разлетелась мокрыми каплями по сторонам и попала мне на лицо. Сестра кричала срывающимся детским голоском. А потом тот волк со шрамом поймал её зубами. Она кричала, кричала срывая голос, до тех пор, пока мощная челюсть огромного волка со шрамом через всю морду не сжалась на её маленьком тельце.

Я слышала, как в ту секунду, роковую секунду, последнюю для моей маленькой сестрёнки, когда она перестала кричать, противно хрустнули кости ... И видела, как она безвольной куклой обвисла в его пасти, как её кровь текла по его морде. Все словно замерло и затихло. А потом, потом дикий крик моей мамы разорвал тишину. В нем было все, ужас, страх, боль, ненависть, все. Но она не кинулась на него, хотя волк с порванным ухом уже отпустил её.

Мама запихивала меня к себе за спину, плача, рыдая, задыхаясь слезами и горем, но она не позволяла себе слабости. Она не ползла к ребёнку, которого так жестоко убили, она держалась из последних сил пытаясь защитить ещё живого. Она отпихивала меня отползая. Все вокруг пропахло кровью и от этого запаха, смешенного с ужасом и страхом, меня тошнило. Или не от этого. Меня трясло. От страха или от злости.

Я закричала, во всю силу своего детского голоса, срывая и не жалея его. И постепенно мой крик превратился в рык.

Тело наполнилось болью, казалось все, каждая клеточка наполнилась болью. И мой рык превратился в жалобный, звериный скулёж. Ещё один волк, тот, который был с другой стороны и до этого бездействовал, он схватил маму за ногу и потащил на себя. Я вскочила, почему-то на четвереньки. Хотела закричать, но вместо крика зарычала словно дикий зверь. Только звучало это не устрашающе, а скорее забавно.

Словно щенок, я ребёнок, что может быть грозного в рыке маленькой девочки? Ко мне скалясь подошёл тот, что со шрамом через морду. Он ткнул меня мордой, и я упала на попу садясь. Я видела его удивлённые глаза, слишком умные для дикого животного. Я видела стекающие капли крови моей мёртвой сестрёнки, ещё не свернувшейся крови на его морде. Весь в крови и песке. Вот сейчас я поняла, я ненавижу этого волка. Я готова собственными зубами перегрызть ему глотку. Но что я могла? Не знаю.

В этот момент послышался рык и вой со всех сторон. Другой волк кинулся на этого со шрамом. Я не видела его раньше. Светло серый с белёсыми, словно седыми, боками. Они сцепились в драке. Волки, много волков и все огромные, не естественно большие. Большие чем в зоопарках. Они гнали других, тех что до этого убивали. А когда все стихло и только плачь и тихий жалобный вой среди костров наполнил берег я увидела того волка, со шрамом через всю морду. Он лежал прижатый лапами серого с белёсым, весь подраненный и жалкий, со страхом в глазах. Теперь он боялся.

Пасть, оскаленная и рычащая была у горла того, со шрамом. Из толпы людей и волков вышел бурый и худой волк. Он плакал, я видела слезы на его морде. А его глаза, в них была дикая боль. Он подошёл ближе и вырвал глотку у того, со шрамом через всю морду. Я видела, как его глаза потухают, как его покидает жизнь и из глаз уходит цвет, они тускнеют. Я отвернулась.

Рядом сидела мама, она обнимала темно серого волка и плакала. Он облизывал ей лицо и тихо поскуливал. Серый волк с белёсыми боками подошёл ко мне и тоже стал лизать лицо. А я начала всхлипывать. Не знаю, что, страх, ужас пережитого, боль... Все навалилось, и я разревелась. Этот волк взвыл. Все вокруг затянуло белой дымкой. И вот уже этот волк не волк, а мой дед. А рядом с мамой не волк, а папа...»

И самое страшное в этом сне было то, что я лежала в слезах в сильных руках Сергея, прижимаясь к нему. Он был с голым торсом, только в одних шёлковых шортах для сна, и я прижималась к нему. Хваталась руками за его руки и плечи, плакала царапая его до крови. Он был словно опора, словно якорь, не дающий уплыть в небытие. Ведь я давно не спала, этот сон... это был уже не сон.

Это было видение, нет это было воспоминание. Я вспомнила свой сон до самого конца. Было страшно, очень. Я держалась за Сергея боясь отпустить, прижималась к нему в страхе, что он отпустит меня. Я плакала. А он крепко держал

меня раскачиваясь со мною на руках сидя в кровати. Он что-то шептал. Успокаивающе поглаживал меня и крепко прижимал.

Я так и уснула в его руках. Так же и проснулась. Открыла глаза осознавая, что я полностью и целиком лежу на нем. Вся. Я просто забралась на него и спала на нем. Да ещё и обнимаю его обеими руками. А он одной рукой обнимает прижимая к себе, а другой играл с моими волосами. Он пропускал мои волосы через пальцы. Тёрся щекой о мою макушку. И глубоко вдыхал. Так, надо прекращать это. Я приподнялась на руках опираясь на его грудь. Господи, какой же он большой. Заглядывая в его глаза и заливаясь румянцем, как же стыдно-то. Устроила тут...

– Прости, я ...

Договорить мне не дали. Меня смяли в объятиях притягивая ближе к себе и заткнули поцелуем. Страстным и одновременно нежным. И я ответила. Не сразу. Сначала было желание оттолкнуть. Хотя нет, не стоит рать. Желания оттолкнуть не было вообще. Мозг давал команду оттолкнуть и залепить пощёчину. А вот тело...

Тело наоборот оно прильнуло к нему и губы сами начали отвечать. Меня залило теплом и нежностью. Хотелось раствориться в этом чувстве. И я растворялась. Отвечала ему и плавилась. Растворялась в нем и загоралась. В какой-то момент он перекатился подминая меня под себя и сжимая в объятиях. Оторвался от губ и начал бездумно целовать ли-

цо. Мои, наверняка после ночной истерики опухшие, глаза, щеки, лоб, нос, подбородок.

Он словно метил меня поцелуями. Мои руки гладили его ёжик на голове, спускались по шее к плечам и царапали по спине и снова возвращались к ёжику. Его губы прилаживали дорожку от губ по щеке, скуле и шее и возвращались к губам сминая и подчиняя, лаская и оживляя. Мы оба рвано дышали. Он отстранился и заглянул мне в глаза и поймал поцелуем мой разочарованный вздох от прерванного поцелуя. Я подавалась всем телом ему навстречу.

Но дальше ни один из нас не заходил. Мы словно пробы снимали друг с друга. Мы пробовали друг друга на вкус. А потом в наш мирок, тесный мирок для двоих ворвался запах еды и далёкий шум. Шум был и вдруг пропал. Он замер надо мной. Мы глубоко и прерывисто дышали, смотрели друг другу в глаза и молчали. А потом он уткнулся своим лбом в мой по-прежнему нависая надо мною. И стал медленно и глубоко дышать закрыв глаза.

– Как же все сложно. Как же сложно оторваться от тебя. Как же сложно остановиться, особенно сейчас.

Он лёг рядом. Нет, он свалился рядом со мной. Глубоко вдохнул и сгрёб меня в свои объятия. Все не правильно. Он почти клиент, он сын клиента. Я знаю. Но мне тоже сложно, очень сложно остановиться, отказаться. И я душу в себе совесть и разум, да и сердце, рвущееся наружу. И просто лежу в его объятиях и дышу им, его запахом, мужчины с ароматом

свежего леса. Когда из-за двери слышатся голоса, переходящие в шепотки он встаёт. Сгребает меня в охапку и несёт в душ. Нежно целует, долго так и сладко.

– Все будет хорошо, поняла? А сейчас в душ и завтракать. Ты говорила у тебя заседание в десять в суде, кажется в Кунцевском.

Он дождался утвердительного кивка и ушёл. Только сначала поцеловал. Когда я пришла к столу, все уже сидели. Сергей подскочил, все захихикали он покраснел Толик потянул его за руку, и он сел на место. Глубоко и возмущённо пыхтя. В этот раз за столом впервые велась беседа.

– Лена, а Серый уже хвастался своим бизнесом?

Света хихикает, а Сергей краснеет и ещё больше пыхтит, сверкая глазами. Мы оба понимаем, что вот уже пол часа нашего завтрака за семейным столом Князевых Сергея просто нахваливают для меня рекламируя во всех красках и цветах и только с лучших сторон. Сам объект рекламных действий пыхтел, краснел, но молчал. А я сдалась общему настрою и улыбаясь, а порой смеясь под игрывала остальным.

– Нет.

– О! Он открыл сеть качалок, ну спорт клубов типа, по разным районам Москвы и области и не только, он на всю Россию пытается замахнуться, но пока только центральную её часть охватывает. Но дело не в этом. Он привлекает молодёжь с улиц и тем, кто не может оплатить даёт бесплатные часы. А ещё устраивает спарринги «без пантов». Он даёт

возможность бедным, но способным ребятам набить морду богатеям на ринге. Он даже свой благотворительный фонд открыл и разыскивает талантливых детей оплачивая им обучение в спортшколах и секциях. И экипировку им покупает. Правда братик у меня ангелочек?

Я слушала его недовольное пыхтение и наслаждалась видом краснеющего качка, злого, застенчившегося и молчаливого. Это то ещё зрелище.

– Значит брат у тебя не просто качок, а с большим сердцем и мечтой всех превратить в себе подобных.

Я шутила и все это понимали поддержав меня смешками. Все кроме него. Сергей обижено посмотрел на меня с такой обидой и печалью... Его плечи опустились и потухли. В них даже злости не осталось. Я помню блеск, тот необыкновенный, завораживающий. Его глаза горели золотом после наших поцелуев. Его глаза искрились золотом от наших поцелуев. А сейчас они были просто карие с какой-то даже дымкой, просто печальные глаза. Он опять напоминал мне побитую бездомную собаку.

– Он с детства был добрым мальчиком. Выбирал в друзья только честных. И всегда защищал слабых не позволяя обижать тех, кто не может дать сдачи.

Тётя Катя говорила о сыне с теплом и лёгкой улыбкой.

– Mam, ты, наверное, хотела сказать, что он был самым большим задирай. Постоянно всех мажорчиков и зазнаек ставил на место кулаками и не мог прожить и дня без драки?

Он громко запыхтел, а глаза загорелись недовольством стирая обиду. Все засмеялись.

– А меня дядя Серёжа катает верхом. Все отказываются, а он нет. И он такой мягкий и удобный.

Возможно, если бы меня не обуяли свои собственные чувства я бы и заметила, как за столом все напряглись словно затаив дыхание. Но я расслабилась и утонула в своих чувствах. Я покраснела, наверное, даже под волосами на голове. Я вспомнила как удобно и уютно спится на этом самом дяде Серёже. И от воспоминания не только краска залила лицо. Внутри меня разлилось тепло, оно приятным чувством нежности и лёгкого возбуждения заставило меня потупить глаза и прерывисто быстро дышать.

И уже эти ощущения заставили меня покраснеть ещё сильнее. Я бросила взгляд из-под полу опущенных ресниц на него, этого уютного и мягкого дядю Серёжу, и он... Он словно почувствовал моё волнение. Он смело с довольным, нет со счастливым лицом и сияющими глазами смотрел на меня с такой тёплой и нежной улыбкой. А в глаза опять вернулся золотой блеск. И я посмотрела на него уже не таясь.

– Да, драчун он был в детстве тот ещё.

– Мам, разве только в детстве?

– На ринге нет места драке. Я же говорил. На ринге – спарринг. Там бой по правилам. – Очень серьёзно, учительским тоном впервые заговорил Сергей.

– А ещё, он в школе работает учителем. Вот никогда не до-

гадаешься какого предмета. – Все засмеялись. – Этот качек учитель английского языка. Нет, конечно физическую культуру он тоже ведёт. Точнее он выгнал учителя физкультуры со школы. За пьянки, за халатность, за плохую подготовку детей. Он так часто всем этим возмущался, что директриса уволила учителя приказом с дисциплинарным выговором и этим же приказом назначила Серого его замещать. До того, пока не найдут нового учителя. Только директора все и так устраивает, и она никого не ищет.

Теперь подтрунивал Толик, а Сергей опять пыхтел, краснел, но молчал. А я, я открыла рот в удивлении с пристрастием уставившись на Сергея изучала его. Ну вот вообще не могу я представить эту грудку мышц учителем. И тем более английского языка. Наверное, моё лицо очень живописно отобразило ход моих мыслей. Потому что за столом все взорвались смехом перемененно смотря то на Сергея, то на меня.

Только теперь смеялись все кроме его и меня. Он опять смотрел на меня побитой собакой с потускневшими просто карими глазами. И от этого где-то в груди кольнуло. Мне хотелось, чтобы его глаза всегда смотрели на меня с золотом в них. Вот только не понимаю почему он так реагирует. Я решила избавиться и от его печали, и от моей отзывающейся уколом совести в голове и ещё не понятными мне коликами в груди и свою реакцию решила перевести в шутку.

– А твои ученики, они все живы? Нет, ты не подумай, в их здоровье с таким учителем я не сомневаюсь, у них-то и

вариантов других нет. Но что с теми, кто не выучил урок или не допусти Бог, решил прогулять? Что с этими смертниками с замашками самоубийц делаешь ты?

Все поддержали меня смехом, и он оттаял от моих слов, хоть и продолжил моча пыхтеть, но уже радуя меня золотом озорных искорок в глазах.

Добрались ко мне быстро. Его внедорожник с кузовом как у грузовика, кажется Митсубиши, в его умелых руках объезжал пробки юрко и знающе двигаясь через дворы и узенькие проулки. А один раз мы объехали пробку через подземную стоянку со сквозным проездом. Переодевшись в запасной деловой костюм и взяв нужные бумаги я была доставлена к зданию суда.

Там у меня отобрали мои ключи, от пока ещё моей квартиры. Просто и безапелляционно мне сказали идти работать, а переездом он займётся сам. И занялся, ещё как занялся. Из суда он меня привёз проверить не забыл ли Сергей что-то из моих вещей в квартире. И я убедилась, в квартире не было ничего что напомнило бы обо мне. Он забрал даже продукты из холодильника, помыл его и выключил. Когда успел? А посуда?!

Все, что принадлежало владелице осталось, а вот моя посуда отсутствовала. Мои тарелки, которые родители подарили на новоселье, любимые чашки с забавными картинками, любимая сковородка... Вся моя посуда исчезла. Как и шкафчик для обуви, зеркало, портьеры и раскладное кресло с бал-

кона. Все до единой моей вещи, даже мыла не осталось. Ничего в этой квартире больше не говорило, что тут была я. Ключи я отдала соседке. А хозяйке позвонила уже с машины скинув номер карты куда надо вернуть деньги. Как Сергей успел и тем более как узнал, что моё, а что нет, я не догадываюсь, а он не раскололся.

Мы приехали к парку «Красная Пресня» зашли в одну из кафешек и ели. Все время молча. И это молчание не было чем-то не уютным. Скорее наоборот, было комфортно и так хорошо, что не хотелось разрушать. Поэтому к жилым многоэтажкам мы пошли пешком. И как хорошо было идти, когда тебя обнимают, иногда целуют в макушку вдыхая запах твоих волос и просто молчит. Мы прошли к нижнему Красногвардейскому пруду и оттуда пошли к многоэтажке. Моя новая квартира поражала количеством света.

Мои вещи уже были разложены, кроме белья. Ну ещё посуда и шкафчик, их Сергей в подземном гараже оставил за ненадобностью. Все костюмы висели в шкафу в спальне. В ванной на полочках была вся косметика и средства гигиены. А на кухне была моя самая любимая кружка, остальная посуда была хозяев квартиры. А холодильник, он был заполнен продуктами и вот это были явно не мои продукты, точнее не все мои.

Квартира двухкомнатная и в гостиной было множество полок с книгами, огромный угловой диван с не менее большим с плоским экраном телевизором на стенке, напротив. В

углу был не большой компьютерный стол где стоял мой ноутбук. В спальне была кровать, похоже тут кто-то гигантизмом страдает. Кровать была не меньше чем в доме у Князевых или даже больше и книги, полки с книгами были в хаотичном порядке развешаны вместо декора. Многие книги были на английском языке.

– Это слишком. Это все...

– Прекрати. Ты уже согласилась. Тем более тут у тебя будут самые лучшие соседи на площадке.

– В смысле?

– Этот этаж и тот, что над нами принадлежит нашей семье. Справа квартира родителей, она на два этажа объединена с верхней. Слева буду я. А наверху такие же квартиры сестёр, но они их сдают.

– А это чья?

– Эта моя. Я работаю в школе недалеко от сюда. Удобно. Правда сейчас взял отпуск на пару недель, я нужен семье, особенно маме.

– А как же ты?

– Я поживу в квартире Светы. Она её не сдаёт, и сама не бывает. Очень редко посещает, но если остаётся ночевать в городе, то у родителей.

Меня кольнула обида. Значит разместили меня тут временно. Дело закончится и все – съезжай милочка. Нет, может конечно не нашли так быстро мне жилье, но... Он словно почувствовал мою грусть. Подошёл ко мне близко-близ-

ко, словно пушинку поднял так, чтобы я была на одном с ним уровне. И поцеловал. Сладко, нежно, долго. В этот момент я поняла, я скучала за этими поцелуями и за этим человеком. Я даже испугаться успела собственных мыслей. Но мне не дали расслабиться. Так же, целуя, отнесли в ванную комнату. Поставили на пол и только тогда разорвав поцелуй сказали в губы:

– Отдыхай, привыкай, осваивайся и размещайся. И главное, ни о чем не переживай. Ключи на столике. И я по соседству.

Чмокнул в нос и ушёл. Вот так просто ушёл.

– Вот же гад!

Выкрикнула это я уже закрывшейся двери. Ночью опять пришёл сон, тот же самый кошмар из детства. Страшный, липкой. И пришёл он. Сергей просто был рядом. Обнимал, крепко держал меня в своих руках. Шептал что-то успокаивающее. И я опять уснула в его руках. И проснулась, лёжа на нем и обнимая его. И мне до чёртиков понравилось те чувства, и те ощущения, которые я испытывала рядом с ним, точнее на нем.

– Мне нравится просыпаться так, просыпаться с тобой.

Он говорил спокойно, почти шёпотом. И не понятно, понял ли он, что я уже проснулась или говорил мне спящей. Я сжалась от ожидания неизвестного. Он погладил мою спину через одеяло, и я расслабилась благодарно потёрлась щекой о его мощную, широкую и слегка волосатую грудь. Он

был только в шёлковых шортах. Это было, было, наверное, не правильно, но так волнительно.

Завтрак я готовила на двоих. А он варил нам кофе. Отвозил меня на работу. А вечерами приходил с продуктами, и мы ужинали вместе. Сидели иногда за столом обложившись делами, я со своими документами, а он со своими или ноутбуком. А когда закончился внеплановый отпуск, то ноутбук заменили стопки тетрадей. Потом он покидал выделенную мне квартиру уходя спать к себе. И каждый вечер он засиживался все дольше и дольше. К его рабочим документам и тетрадям добавились ещё бумаги по семейному бизнесу, которые он и Толик разделили на время заключения их отца.

И так каждый вечер, готовка ужина, куча документов, ужин, душ и сон. Только душ и сон был у каждого свой и отдельных квартирах. Точнее душ. А вот сон. Каждую ночь мне снился сон, и Сергей приходил ко мне. А потом, просто одним вечером после душа пришёл и молча лёг спать. А к моему возвращению из душа даже уснул. Гадёныш. Я там волновалась, переживала, гневную речь приготовила, даже перед зеркалом отрепетировала.

А он спал. Так сладко, лёжа на животе и обнимая мою подушку и так соблазнительно сползло одеяло показав его голую спину, накачанную и широченную. Я даже сглотнула засмотревшись и сдулась. Вот жалко стало будить гада. И только из-за своего доброго сердце которое переполняла жалость, а никакое не желание, я его не стала будить. И в

ту ночь я просто спала. Вот вообще никаких снов не было. И выспалась я так, как давно уже не было. Ну а проснулась как обычно. Хоть и ложилась на самый краешек и отдельным пледом укрывалась и даже диванную подушку между нами положила. А проснулась на нем. Правда в этот раз, для разнообразия, наверное, он лежал на животе, как тогда, когда уснул. А я разместилась на его широкой и бугристой от мышц спине и крепко обнимала. Ну вот как так-то? Он уже не спал. И моё пробуждение почувствовал сразу.

– Так мне тоже нравится просыпаться, главное, чтобы с тобой.

Вот же гадёныш! Я укусила его за плечо, он засмеялся скидывая меня. А я, случайно, не иначе спросонья, укусила его сильнее. Сомкнула челюсти и прикусила до крови и боли. Испугалась. Но вместо извинений и дезинфекции, вот точно не проснулась ещё, я слизала выступившую кровь и проглотила, а потом, может я лунатик, ещё и поцеловала.

Вот тогда, после того как поцеловала, я проснулась, испугалась и буквально слетела с Сергея и с кровати и унеслась в ванную. Сам Сергей мой побег, нет, мою передислокацию, сопровождал громким хохотом, от души так смеялся, вот мало я его укусила. Когда я вышла из ванной, а сидела, точнее стояла под душем, я там не позволительно долго. Простояла бы ещё, но побоялась опоздать. Так вот, вышла я и увидела готовый завтрак и кофе для одной меня, а Сергея не было. Появился он позже, когда я уже собранная хотела уходить.

Он полностью готовый вошёл в квартиру.

– Доброе утро, моя кровожадная. Хорошо, что рядом есть квартира со свободным душем, иначе опоздали бы.

– Тебе не обязательно меня отвозить. Тем более, что ты на работу обычно ходил пешком, ты сам говорил. И тебе приходится потом возвращаться с центра опять сюда. А мне сегодня вообще, по делу твоего отца надо кое что разузнать. Я хочу вообще нанять частного сыскаря, твой отец сказал оплатит и идею одобрил... Ты, когда вечером освободишься? Может поговорил бы с ним...

– Нет. У нас есть служба безопасности на фирме общая на все фирмы нашей семьи, её глава из тех, кто бывшим не бывает. Он позвонит тебе после обеда, а вечером зайдёт. Поверь, этот человек найдёт все и даже больше.

Вот так и получилось, что жить мы стали вместе или нет, спать вместе. При чем в прямом смысле спать и ничего больше. Ну разве, что порой на прощанье он целовал меня и с тех пор как мы стали спать вместе, целовал он меня в щеку, нос, висок, макушку и даже в лоб. Одним словом – гад.

Я тут изнываю, догадки строю, мы женщины такие, все чего не знаем точно, все до придумываем сами и сами этому верим, а вот переубедить нас в своих же фантазиях очень сложно. А он вроде и спит со мной в одной в одной постели и душ холодный на ночь принимает, да и по утрам. А сам даже целовать по нормальному, как раньше, не стремится или не хочет. Не хочет.

Закончится разбирательство по делу его отца и закончится все. Он подшучивает только. И я хороша. Он сын клиента. А я ... ой, дура. Кажется, я влипла. Вот как я могла, он же сын клиента. Вот зачем я позволила себе это все. И его отец, он так смотрит на меня. Как будто все знает, знает даже больше и обо мне с Сергеем. И это так стыдно, я краснею каждый раз, когда вижу его взгляд.

Часть 5. Жизнь как во сне или сны как в жизни

Но даже наши совместные ночи не уберегали меня от снов. Со временем они вернулись. Но они стали другими, реалистичные и в них, как и в городе менялась погода. словно в сказке про красную шапочку я видела в них волка. Огромный, серый волк стал гостем в моих снах. С карими, нет, с медово-карими глазами с горящим золотом в них. И так понимающе, слишком умно, для зверя, он смотрел на меня. Он не пугал. Нет.

Он ложился на землю и пузом волочась по ней полз ко мне поскуливая. А потом ластился. И каждый раз он все уверенней и смелее делал это. Или я стала уверенней в собственных снах. Потому что в каком-то из снов я уже не боялась, а ждала и искала взглядом его. А потом и вовсе шла ему на встречу.

И засыпая я боялась не встречи с ним, а его отсутствия в моих снах. Я зарывалась в его шелковистую шерсть руками, чесала за ухом и целовала в мокрый нос. А он урчал от удовольствия и облизывал моё лицо. словно ласковая псина ла-

стился и тёрся об меня. Подныривал под руку требуя очередную порцию ласки. Осмелев я даже залезла на него верхом. И он стал катать меня, мчал словно ветер между деревьев.

С пробуждением в моей голове оставались не только воспоминания, но и знания. Они были словно из сказок или легенд, или романов. Я точно знала, что мой серый волк – это оборотень. Это смешило. Мой персональный оборотень во снах. Ещё я знала, что он один из сыновей вожака и претендент, на смену вожака. Только он слишком молод.

И хоть в стае есть более опытные волки, даже тот же его старший брат, но основным претендентом считают его. Он поделился со мной, что вожаком стаи может стать каждый, победив и подчинив силой или волей всю стаю. Не важно чью, свою или чужую. Победа силой – это бой, на смерть. Можно не убивая, но это сложно, очень. Ведь в бою надо укусить за шею, туда, где один рывок вырывает артерию и убивает. А надо укусить и не порвав артерии, не лишив жизни волка, вожака, подчинив его себе.

А это возможно только если он признает себя побеждённым и попросит сохранить жизнь. Тогда подчинится он и вся его стая. Но в этом есть ещё одна проблема, точнее не одна. Слабый волей волк, ставший вожаком силой силен, опытен и хитёр, он не подставит шею, никогда.

Кроме того, в таких стаях оставлять жизнь такому врагу опасно, во-первых, надо постоянно следить за спиной, а во-вторых, это словно слабость. А слабость не прощается и

следует ожидать вызова от других. Подобную слабость могут простить лишь волчице. Но они, даже очень сильные, обычно отказываются вести стаю. Но в каждой стае есть совет, вот его всегда возглавляет волчица. В него входит сила – самый сильный из стаи, ум – самый рассудительный, опыт – самый пожилой или один из них, молодость – один из совершеннолетней молодёжи и мать – волчица. Стая – это семья, не по крову, по тесноте связей. В ней все заботятся о друг друге.

А просыпалась я всегда смеясь сама над собой. Ну вот, можно книги писать. А что? Менделеев вон, спал со студенткой и видел свою таблицу элементов и их расчёт. А я сплю с сыном клиента и вижу кино об оборотнях. Вон, в собственных снах уже до выбора пары докатилась.

Волк поёт свою песню в полную луну, и волчица должна отозваться. Они гоняют по полям и лугам, лесам и горам, словом где встретились там и носятся. А потом кусают друг друга вкушая кровь своей пары. Это связывает их особыми узами. Но укус в паре, в период игр, не подчиняет. Этот укус наоборот признает пару равной. Это физический выбор между волками, оборотнями. Обычно кусают туда... ну словом где в своих играх очнулись, куда достали там и укусили. Кто за хвост, кто за загривок, а кто и за лапу или пузо...

Следующая метка на ауре – это происходит после единения душ. В обличии человека или волка пара засыпает и во сне они встречаются. Лишь полное доверие и принятие друг друга ставит метку у проснувшейся пары. У истиной пары

эта связь настолько сильна, что они чувствуют друг друга. Где находится их пара, какие эмоции испытывает – это полное слияние. Они даже могут, со временем, общаться мысленно на любом расстоянии. Но у таких пар, смерть одного приводит к смерти другого. Истинные пары могут быть только если в обоих течёт кровь оборотня, даже разбавленная. У оборотня и человека дети всегда оборотни. И даже будучи истинными друг для друга у такой пары не будет полного единения.

Третий и последний этап единения – это телесное. Ну, пожалуй, тут от подробностей я откажусь. Скажу лишь, что три стадии объединения могут быть объединены во времени или нет и в любом порядке свершиться. Ведь внутренний волк любого оборотня, учуяв свою пару вывернется наизнанку, но добьётся её и никогда не отпустит, и не изменит. Измены у оборотней не возможны, найдя свою пару волку никто другой уже не нужен.

Часть 6. Дела насущные и человек незаменимый

Дело Князева двигалось и развивалось в выгодном мне свете. Как и говорил Сергей, строгий мужчина из категории «бывших не бывает» с тяжёлым и внимательным взглядом, начальник службы безопасности семьи Князевых, а он работал как личным, так и во всем семейном бизнесе руководителем службы безопасности, узнал все что я просила и даже больше.

Он не мыслимым мне способом собрал всю информацию

о пострадавшем как на территории России, так и за её пределами. Фактов косвенного причастия потерпевшего к многократным похищениям, насилию и убийствам девочек младшего и младшего подросткового возраста были не оспори́мы. Он был свидетелем и подозреваемым в каждом из найденных дел. И не сам.

Во многих, как выяснилось, были замешены два его брата. Везде им удавалось уходить от ответственности. Ну как везде. Старший его брат, уже покойный был так же жестоко убит. И как выяснилось, мой дед, как сейчас я, защищал виновника, он тоже признался в убийстве. Только старшего брата нынешней жертвы его убийца застал над трупом своей старшей дочери, младшую похитили, но потом нашли родственники.

А обвинённый пытал убийцу и похитителя своих дочерей до смерти. Со дня смерти старшего брата, жертва этого дела был замечен в подобных делах сам или с младшим братом. Все это позволило мне перевести дело в разряд закрытых и переквалифицировать на «страстное убийство», так называли те дела, где обвиняемые мстили. И как не странно это давало повод облегчить вину. Не предумышленное, в состоянии аффекта, защита семьи.

А если убедить семью на показания Лизы, в чем я сомневаюсь, то можно биться до победы. В смысле до условного срока или оправдания от присяжных. Я сама не заметила, но как только дело связалось с делом моего деда, я стала одер-

жима им. Я доводила до конца свои дела, взятые ранее и отказывалась от новых. Я поняла, пока не разберусь со всем в этом деле, мне не интересно ничего другое.

А ещё, мне было страшно. По-настоящему, до ужаса. И поделилась я своим страхом не с живыми людьми, а с моим волком во сне. Просто одним вечером, поздно уходя с офиса, заметила человека, смотревшего на меня, и он был очень похож на кого-то очень страшного, только я не помнила на кого. Тогда я замкнулась у себя в офисе и дожидалась такси. А потом летела по ступенькам ожидая лифта с дрожащими коленками. А во сне кинулась к моему оборотню в волчьей шкуре и расплакалась обнимая его и жалуясь ему. Он оближал моё лицо и урчал, словно успокаивая.

Правда утром, сразу после моего ночного слезливого сна, у меня появился личный водитель и охранник. Сергей словно что-то зная или чувствуя представил мне огромного и молчаливого мужчину, Петя, просто Петя. Я даже не думала спорить или отказываться. От одного взгляда на этого просто Петю, у меня на душе разливалось тепло и покой. С таким просто Петей, ни один преследователь не страшен. Я смотрела на него как ребёнок на мороженое.

Он был со мной рядом везде, даже к туалету подходя стоял под дверью ожидая. И столько от этого просто Пети у меня было благодарности и самому Пети и Сергею, что я даже пирожки вечерами пекла и их угощала. Петя пытался отказаться, но моё спасибо в пирожках было безапелляционно

принято после разъяснительно мучительной беседы. Вообще наше знакомство с Петей прошло странно. Сергей его представил и убежал в школу, у него там открытый урок намечался, и директор ему звонила с шести утра каждые пятнадцать минут с глупыми вопросами или простой истерикой.

А Петя просто отобрал у меня мою сумку и папки и сказал, что ездить мимо пробок, со слов Сергея Николаевича, я не умею, поэтому водить и выбирать маршрут он будет сам. Потом было тихое молчаливое и нейтральное общение в виде приветствия и прощания. Зато рядом с ним уже не было страшно. Особенно читая подробности дел трёх братьев – душегубов. И как они всегда остаются чистенькие, они же серийные маньяки педофилы. Это вселяло страх, подсознательный и не контролируемый мною.

Но Петя был рядом и это помогало. Я думала о работе и не боялась. Я подняла то дело деда, а начальник службы безопасности семейного бизнеса Князевых, Владимир Григорьевич, выудил копию дела по смерти моего дела из архива. Вот ведь действительно, бывших не бывает. Он находил все и сразу, основные дела и связанные, даже косвенно дела по другим фактам. Со временем Петя стал не только водителем, он знал моё расписание лучше меня и даже вносил корректировки в него.

Он напоминал, подгонял и направлял меня. Таскал папки с делами в качестве грубой мужской силы. Сортировал клиентов и посетителей. Договаривался о встречах. Сопровожд-

дал меня словно тень везде и всегда. И где бы мы не находились, в каком конце города и любой организации, он всегда находил кафешки с отличной кухней и обед у нас обязательный в расписании дня. Так что, пусть и не всегда в строго обеденное время, но мы обедали всегда. Петя был на столько мне полезен и нужен, что я уже на полном серьёзе думала и даже подсчитывала как переманить его к себе на постоянно. Вот честно, не заменимый человек этот Петя.

Часть 7. Все бывает в первый раз, главное не разочароваться.

В один из вечеров, во время приготовления ужина, я пыталась у Сергея узнать доход Пети. Ну а что, вдруг потяну такого ценного помощника. Сергей будто знал, ловко избегал намёков, косвенных вопросов, он плутал, уводил разговор и отшучивался. Это... Это так злило.

Ну и как результат, моя злость, и обида, и накопившиеся эмоции от не близости вылились в резкость и нервозность моих движений и в глупость. Мою естественно глупость. Я смахнула нож, а потом ещё и пыталась поймать его в падении. Ну не глупость ли?! Нож я поймала, лезвием о ладошку. Сергей среагировал быстрее. Он вырвал нож из кровоточащей ладошки и кинул его в мойку через всю кухню. Меня обняв одной рукой на талии поднял и поднёс к мойке. А другой зажал кровоточащую ладошку останавливая кровь. Он промыл под водой мою и свою руки.

А потом посмотрел на меня и его глаза блеснули золотом,

тем самым, знакомым взглядом из моих снов, куда уже давно приходит мой серый волк. Он прижал мою ладошку к губам. Поцеловал, прикрыл глаза и слизал со своих губ мою кровь сглотнув. И посмотрел на меня так... О Боже, да у меня ноги подкосились только от этого взгляда. Наверное, за поцелуем я потянулась первая. На меня просто накатило желание, нет не накатило, оно выплыло из скрытых уголков моего сознания и замкнутого сердца.

Но желание было такое, что не помещалось во мне, если я не поделюсь им с тем, кто так на меня смотрит, то просто взорвусь. Не выдержу и разорвусь на тысячи мелких кусочков. Как мы переместились в постель – не знаю, не помню. Помню лишь его глаза, лишь наши вздохи. Его губы, руки и те ощущения, которые они дарили моему телу, мне самой проникая в самую душу. В его руках я стонала извивалась, тяжело дышала, царапалась и кусалась.

А он раз за разом дарил мне удовольствие, такое, которого я ещё не испытывала ни с кем и никогда. Да, мне тридцать, но я ещё не была с мужчиной, никогда. Как так получилось? Просто росла я в очень маленьком городке, хуторе, где все друг друга знают. И знают о других все и сразу, а если не знают, то придумают.

А ещё, мой дед был там в почёте и его уважали и боялись нас обидеть даже после его смерти. А потом учёба, где для всех я была мелочью, хоть и ровесница. Но ребята меня воспринимали мелкой, скорее девочкой, чем девушкой. Я была

своим парнем, младшей сестрёнкой, но никак не девушкой и уж тем более симпатичной или соблазнительной.

Я поэтому и глушила свою боль за образом заучки и зануды. А потом работа, где мне мелкой и не известной нужно было сделать имя, себя как адвоката и времени, и желания на другое не оставалось и не желалось. Но не сейчас. Сейчас для него, для Сергея, я была всем. Я просто чувствовала это и точно знала. Очнулась я лишь, когда он сделал меня женщиной. Просто до этого было хорошо, нет, великолепно.

Я плавилась в умелых руках и прогибалась отвечая и стремясь на встречу всем телом его губам. Я улетала задыхаясь, уносила на волнах удовольствия... А потом резкая боль, до слез и вскрика. И понимания, он мой первый мужчина и это мой первый раз.

– Прости малышка. Прости. – Он замер во мне, но шептал целуя и слизывая мои слезы. – Ты же не сказала. Я не знал, если бы знал. Прости. Больно, я знаю. Прости. Но в первый раз по-другому никак. Прости. Родная, прости. Моя девочка. Прости.

Он медленно покинул меня. Слетел с кровати и сгрёб меня в охапку продолжая шептать и целовать лицо. Уже в душе под струями тёплой воды все ещё в его крепких объятиях я осознала, что голая, совсем, как и он. И когда успел? А ещё, что с водой с тел стекает и моя кровь. Мало того, что кровь из ладонки по всему его телу и моему, наверное. Так ещё и оттуда, где только что был он. Нет, там не течёт потоком,

просто все там в следах крови. О, Божичке! Да что ж у меня все ни как у людей-то? Кажется, я чуть всхлипнула.

– Не волнуйся, маленькая моя. У меня в этом опыта нет, но в первый раз всем больно. У брата жена его вообще покусала. Ты только не волнуйся. В следующий раз будет лучше. Прости меня, я не знал, не хотел. Прости, тебе больно, прости.

Он все время что-то говорил, свободной рукой смывал и гладил меня, второй крепко держал прижимая к себе. И все время целовал. Я слышала его, но не вслушивалась и особо не понимала сказанного, лишь выхватывала отдельные фразы. Мне до слез было обидно. В кино, в книгах первый раз у женщины был прекрасным. Все описывалось с лёгкой болью или неприятными ощущениями, но все проходило быстро.

И героинь всегда ждала страстная и нежная ночь любви до самого рассвета. Так почему у меня все не так. Не разревелась я только благодаря присутствию Сергея и его заботе. Мне просто было приятно, он рядом. Он заботиться. Он переживает. В какой-то момент я глубоко вздохнула беря себя в руки и просто уткнулась ему в грудь. Потом чуть прикусила его заставляя замолчать. И крепко обняла прижавшись к нему.

– Не хочу потом. – У Сергея опустились плечи, а от волны чувств, его разочарования и печали, накативших на меня я чуть не задохнулась. – Я хочу сейчас.

– Но малыш, тебе больно. – Градус эмоций сменился. Те-

перь он был счастлив и обеспокоен одновременно. Я прикусила его ещё раз, уже сильнее, не до крови, но следы укуса останутся.

– Я хочу сейчас.

– Малыш... – Я опять прикусила, теперь уже до крови и слизнула его. – Хорошо. – Он согласился и сказал это он с удивительным сочетанием благоговения ко мне, заботы, нежности. И одновременно предвкушения, страсти и жажды. От этого у меня мурашки по коже пробежали и ноги подкосились. – Кровожадная моя. Моя.

Часть 8. Дети – цветы жизни и их лучше беречь

Я говорила, что Николай Фёдорович смотрел на меня и мне было стыдно, я краснела, мне казалось словно он все знал. Это ерунда. После нашей с Сергеем ночи, мне казалось, что все вокруг на меня смотрят и точно знают, теперь я женщина. Я видела подоплёку в каждом взгляде, каждом жесте и слове всех окружающих. Особенно это чувство меня заставляло краснеть и бледнеть общаясь со всем семейством Князевых и их работниками, и гостями.

На следующий день я общалась с судьёй, мы решили, что показания Лизы не обязательны. Судья разрешила посетить ребёнка с согласия родителей, дома. И дать заключение и возможно найти подтверждение моих умозаключений. Просить разрешения у семьи Князевых решила после разговора с их главой. Вот тут моя паранойя и расцвела. Николай Фёдорович увидев меня кинулся обнимать словно родную. И

разговаривал он со мной подозрительно ласково, по-отечески добро. Поэтому краснея, бледнея и запинаясь я с трудом смогла объяснить, что хочу.

– Скажи мне, дочка, а если бы это была твоя дочь, племянница, внучка, как бы ты поступила? Только не спеши отвечать. Подумай. Я даю добро тебе на твоё решение, но только подумай хорошо каким оно будет.

Я скисла и молча ушла. Думала не один день. Закончила последнее дело которое вела в четверг, теперь я официально занималась только делом Князева. Поэтому в пятницу я занялась поисками детских психологов. Всех отметала. В итоге вышла на своего профессора юридической психологии, старенькую хрупкую женщину со взглядом прожигающим насквозь.

Фет Станислава Владимировна, о как долго же весь наш поток сдавал ей экзамен, даже я, круглая отличница, сдала со второго раза. А какой же шок я испытала, когда на моё приглашение выпить кофе и поговорить, она пришла ко мне со своим мужем и мужем её оказался никто иной как начальник службы безопасности семьи Князевых Владислав Григорьевич, фамилии я его так и не узнала.

Я даже вскочила из столика и схватилась в руку Пете, сидящему за соседнем столиком. На что супруг моей преподавательницы только рассмеялся. Это потом выяснилось, что его супруга тоже помогает в некоторых делах Князевых и о его помощи мне знала, поэтому попросила поприсутствовать

при разговоре.

– Понимаете, Станислава Владимировна и Владислав Григорьевич, мне нужен психолог, но такой, чтобы все выведал у ребёнка и сам дал показания в суде. Чтобы при этом ребёнок не пострадал, а суд не подверг, вот вообще никак, сомнения его слова. – Я тяжело вздохнула. – Я столько психологов перебрала, а выхода не вижу. Вот не хочу ребёнку боль причинять, вообще никак.

– Ну давай разберёмся, – проговорила Станислава Владимировна – я учила почти всех адвокатов, судей и следователей Москвы, составляла психологические портреты ещё в далёкие времена СССР и моему слову никто перечить не будет, а, следовательно, и сомнениям не подвергнут. Согласна? – Я закивала с расплывающейся улыбкой на лице. – А психолога ты искала зря. Тебе нужен психиатр, практик, сейчас можно таких психотерапевтами называть. Думаю, я найду нужного с весом в соей отрасли не меньше моего. Да и ребёнку будет полезно с ним пообщаться, после пережитого.

– Так вы знаете обо всем?

– Конечно знаю, все работники Князевых словно семья и случившееся с Николаем Фёдоровичем ударило по всей семье. Просто подробности знают не многие, лишь самые близкие. А мы с Катей, женой Николая, хорошие и давние подруги. Поэтому давай так, ты договорись о визите психиатра на выходные с их семьёй, а я с мужем приеду в гости по своей инициативе и привезём нужного.

Я не сдержалась и кинулась обнимать свою строгую преподавательницу. И почему раньше она внушала мне страх и трепет?

В субботу Петя вёз меня и Сергея домой к Князевым в Химки. Я не могла усидеть на месте переживая и прокручивая разговор с семьёй Николая Фёдоровича, я даже Сергею заранее ничего не говорила, боялась его неодобрения. А он сидел смирно, одну руку пальцами переплёл с моей, а второй постоянно поглаживая меня. Петя поглядывал на нас в зеркало заднего вида и посмеивался.

В салоне приятно пахло ягодой и лилась тихая музыка переменяясь с комментариями ди-джея одной из радиостанций. Наверное, мне стоило озаботиться поведением Сергея ещё тогда, в салоне автомобиля, или ещё раньше, на лестничной площадке. Но я была поглощена своими мыслями и переживаниями. Поэтому, когда мы приехали и были усажены за обеденный стол предложение Сергея обсудить возникшие обстоятельства меня застало врасплох.

Итак, столовая, обеденный стол, чай, кофе и компот из напитков и множество сладостей пироги и пирожки, приготовленные лично тётёй Катей и все семейство в сборе. Со всем все, кроме его главы. Его место пустовало. Но справа от него сидела тётя, катя, рядом я, потом Таня, её дочь и Петя.

Напротив, нас сидели Толик, Сергей, две сестры одна из них с мужем. Сергей прерывает беседу ни о чем со своим предложением и я, и Петя поперхнулись. Только я от страха,

я была уверена, что Сергей обо всем догадался и сейчас испортит чаепитие, а я ещё не готова морально к началу этой беседы. А вот Петя откровенно зашёлся в смехе. Все не понимающе уставились на него.

Положение спас звонок в дверь. Разговор тётя Катя попросила перенести на по позже и впустила гостью. Через некоторое время в дом, а потом и в столовую вошла девушка. Грудь не меньше третьего размера, красивая, хоть и накрашена слегка, чуть подвела глаза и блеск для губ. Легкие штрихи подводки на глазах, только подчёркивали её большие темно-карие глаза. А блеск без цвета притягивал взгляд к её пухлым и что редкость сегодня натуральным губам.

Она сняла вязаную длинную кофту и под ней была лёгкая приталенная кофточка без глубокого выреза, но его достаточно, чтобы увидеть, третий родной размер и кружева лифчика на выпирающих частях явно выпирающих. Длинные ноги в обтягивающих зауженных джинсах. И округлая подтянутая попа. Будь я мужчиной наверняка бы слюнки потекли, а так, я только увидела её взгляд на Сергея и все внутри съёжилось. Она, улыбаясь, искренне и сверкая, как бы мне не желалось иного, абсолютно ровными и белыми зубами, протянула корзинку с пирогами и молоком тётя Кате.

– Тётя Катя, я вам молока принесла, мама просила передать. А ещё я пирогов напекла, сама, не чета вашим, но надеюсь понравятся.

И так мило покраснела в нужном месте, сначала стрельнув

глазками в Серёгу, а потом томно вздохнув стыдливо опустив реснички. И от этого меня залило обидой и злостью. Значит у него тут девушка с третьим размером, а он мне, он со мной... А собственно, что он? Он просто приходил ко мне, когда был нужен, отгоняя мои кошмары и страхи. А верхом на него залазила я, и секс между нами произошёл по обоюдному согласию.

И когда он приходил ко мне в постель, я его не гнала, и сама не уходила. Вот и получается, что все произошедшее добровольное и без обязательств, ведь мы ни о чем не говорили. И так от этой мысли тяжело на душе стало, прямо больно физически. Сердце сжалось в комочек до боли и захотелось расплакаться, я огромным усилием воли сдерживала слезы. А Сергей словно почувствовав моё состояние, так заботливо поинтересовался заглядывая прямо в глаза, которые я прятала отворачиваясь.

– Лен, с тобой все в порядке? Ты себя плохо чувствуешь?

– Все хорошо. Спасибо я сыта.

Я еле выдавила из себя эти слова. Встала и ушла на диван в гостиную. Говорить при посторонней я не хотела, но и сидеть за одним столом с ней не хотела. А её усадили за стол. Со второго этажа с книгой в руках спустилась Света. А из столовой к нам пришёл Петя. Увидев Свету, он расцвёл в улыбке и поделился новостями.

– Светлана Николаевна, к вам гости пришли, кажется ваша подруга, Ольга. Она чай пьёт с вашей семьёй, а Елена

Макаровна сбежала и грустит в одиночестве.

Света дослушав рассмеялась. К нам прибежала Лиза и стала выпытывать причину смеха. Ольга помогала тёте Кати убирать со стола, а все семейство присоединилось к нам на диванах. Только Лиза, по традиции, разлеглась на ковре с игрушками.

– Сергей, братишка, скажи, а ты не думал, почему Оля приходит так часто к нам в гости и именно тогда, когда твоя машина стоит под воротами?

Света спрашивала тоном строгой учительницы.

– Ну так она твоя подруга, мало ли, когда она приходит и что у вас там за дела.

– Братишка, милый, скажи, а много ли мы с ней общаемся, нет, по-другому, ты видел когда-нибудь, чтобы мы с ней общались при её визите? Или ты совсем не заметил, что с того случая у меня нет желания общаться ни с кем чужим. И что моя бывшая подруга приходит не ко мне?

– А к кому тогда она приходит?

Искренне недоумевая Сергей повернулся к кухне и посмотрел на Олю. Она словно почувствовала взгляд, обернулась, улыбнулась и даже ручкой помахала.

– Наверное к маме, хочет поддержать её. Молодец девчонка.

Самодовольно улыбнувшись он посчитал это объяснение истиной. А у меня челюсть упала в немом вопросе, серьёзно, ты вообще не замечаешь, вот совсем-совсем? А вот семей-

ство начали откровенно забавляться и смеются.

– Да братишка, столько сестёр вокруг, племянница, а ты слеп и нем к женщинам и общаться с ними не умеешь. – Добавил Толик.

– Да что я не вижу-то? Ну ходит девчонка, молоко носит. Её мама кажется дружат с нашей. И Светка, как выяснилось, раньше тоже с ней дружила. Что мне рассматривать там?

Все кроме меня и Лизоньки смеялись в открытую. Я приходила в себя от глупой ревности на пустом месте. А Лизонька краснела.

– Дядя Серёжа, она же влюбилась... Только это секрет.

– Какой секрет, в кого Оля может влюбиться?

Теперь смеялась и Лиза. А вот до Сергея наконец-то дошло. Его лицо вытянулось. Он повернулся к кухне и оттуда уже шли тётя Катя и Оля. Тётя Катя улыбалась так, словно слышала все, о чем говорили только, что. Она шла к свободному дивану и проходя мимо Сергея похлопала его по плечу словно подтверждая и поддерживая его. За ней шла чуть смущаясь и краснея Оля. Она пожирала глазами Сергея. Он встал. Подошёл к ней тяжело вздохнув.

– Оль, пойдём поговорим.

Оля просияла. А Сергея от этой её реакции перекосило. Они вышли во двор. Его не было не очень долго. Семья обсуждала Олю и не далёкого Сергея и смеялась. А когда он открыл дверь мы услышали, как калитка громко хлопнула, его аж передёрнуло. Он выглядел побитой псиной. Печаль-

ный взгляд, плечи опущены и не спешный шуршавший шаг. Никто его не жалел, и я тоже, чувства и намерения девчонки видны с первого взгляда на него, как Сергей не замечал остаётся для меня загадкой. Он подошёл к дивану у моего кресла и свалился на свободное место безвольным мешком.

– Сам виноват. – Подытожил Толик, когда Сергей со скорбным лицом осмотрел лица присутствующих. Он скинул ещё больше понимая, что ни для кого ситуация не была секретом. – Как можно не увидеть, что девчонка за тобой бежит. Даже Лиза догадалась, а ты все где-то летаешь и не обращаешь внимания на мелочи. А именно они и важны. Во всем, в личном, в делах, везде и всегда.

Пауза затянулась. Поэтому я решила. Нечего тянуть.

– Я хотела поговорить с вами со всеми. Особенно с Толиком и Татьяной. Это касается Лизы. Я говорила с Николаем Фёдоровичем, он дал мне своё разрешение поговорить с вами, если ей это не навредит, то он позволил спросить вашего разрешения. И кажется я нашла выход как помочь вашему отцу не травмируя Лизу. Но без вашего разрешения я не стану настаивать.

Я пересказала им мой план. Все молчали. Таня громко пыхтела, а глаза её были мокрыми от не пролитых слез, толи обиды, толи страха. Света, она прятала ото всех мокрые глаза. А Лиза ничего не понимала и пыталась узнать, что значат не знакомые ей слова.

– Как все будет, если мы согласимся?

– Сам процесс общения с ребёнком будет записан, но только на аудио, видео в таких случаях разрешено избегать, и я бы рекомендовала этим воспользоваться. А что именно будет обсуждать и как я не знаю. Если вы позволите, я позвоню, и психотерапевт приедет, и мы все обсудим лично. Запись разговора передадут судье и с ней ознакомится сама судья и обвинитель при моем присутствии и психотерапевте. На самом суде выступать будет именно он, не заывая имён и подробностей. Он только подтвердит факт преступления и последствия для ребёнка и свои рекомендации. При вашем письменном обращении будет возбуждено дело, при его отсутствии все останется как есть. Я подам ходатайство об этом.

– Толик, Танюша, вам решать. – Сказала тётя Катя. – Мы молчали и будем молчать дальше. А как мы решили в такой же ситуации, вы знаете.

Таня тяжело вздохнула и всхлипнула, она опустила лицо, но скатившиеся по щёкам слезы я успела заметить.

– Лизе действительно надо поговорить с психиатром, она боится чужих. Все новые для неё враги. Я боюсь, что она замкнётся в себе. Как отец я хочу ей только лучшего.

– Как я. – Грустно сказала Света. Рядом с ней сидела я и она уткнулась мне в плечо всхлипывая. – Или как Лена. Замкнётся в своём мирке.

Все смотрели на нас. Молча. Тогда Толик решил за всех.

– Что ж, думаю все со мной согласятся и поддержат. Лиза

поговорит с психотерапевтом, если Света и Лена тоже поговорят с ним о своих проблемах.

Мы со Светой одновременно устали на Толика и возмущённо задыхаясь воздухом пытались срочно что-то сказать.

– Вы не дети, но Света сама сказала, вы обе замкнулись в своём мире и с этим надо кончать. Так что решайте девочки, важно ли для вас, если не собственное состояние и будущее, то Лизочкино.

Что на такое ответить я не знала. Поэтому просто позвонила своей преподавательнице и попросила о встрече, завтра и о дополнительной беседе её знакомой со мной и Светой, за отдельную плату. Такой новости преподавательница только обрадовалась и сказала, что приедут сутра.

Часть 9. Дети и их страхи

Все мы дети в душе. И детские страхи не уходят, никогда и никуда. Это громкое заявление, но в его истинности я убедилась лично, когда общалась с психотерапевтом. Дородная женщина в возрасте и образе доброй бабушки, она словно хитрый лис. Вроде бы ничего особого не говорила, больше задавала вопросы и то редко. Но какие и когда... Я выложила ей все и не заметила, когда и как. То искренне возмущалась и даже кричала, то плакала, то смеялась...

Итог, она сказала, что в моей жизни уже появился тот самый человек, который способен занять место в душе и сердце вытесняя страх, обиды и все то, что причиняло боль даже

подсознательно идя со мною с самого детства. Озвучила она это при всех, заявив, что её помощь мне не нужна, уже не нужна. И от её пояснений больше всех цвёл Сергей. Этот гад воспринял все на свой счёт.

И если со мной она говорила не больше пару часов, то со Светой разговор затянулся на долго. Мы все ждали в гостиной и лишь тётя Таня и Станислава Викторовна управлялись на кухне готовя обед и весело переговаривались. И когда к обеду из выделенной, в этом доме мне, спальни вышла зарёванная Света и задумчивая Галина Викторовна у тётки Кати выпала стопка тарелок и разорвала возникшую тишину громким звоном бьющейся посуды.

– Беседы со Светочкой, – спокойно и безапелляционно заговорила доктор – мы с ней решили сделать регулярными. Два раза в неделю, пока вы будите привозить меня в среду и субботу сюда, к ней. А когда она будет готова, я вам сообщу, она будет ездить ко мне.

Пояснять что-то она не стала, как и Света. Они прошли на кухню. Света взялась убирать осколки. А Галина Викторовна взялась помогать накрывать на стол, при этом привлекая к этому Лизу. Она вообще села напротив Лизы и активно беседовала со всеми сразу, но при этом как-то больше с Лизой. А после обеда посадила всю семью за рисование.

Все рисовали свои страхи. У Лизы были волки, защищавшие её на рисунке и человек напавший на неё. У неё было много рисунков где этот человек один или с кем-то пугал её

и даже бил. Она талантливая девочка, её рисунки были узнаваемы, хоть и по-детски изображены. Потом Галина Викторовна разговаривала при всех о рисунках каждого. И начала она со взрослых, потом дошла до родителей Лизоньки. У всех них был страх потерять семью.

А потом пришёл черед ко мне и Свете. И мы обнаружили, что страхи у нас похожие. У нас, как и у Лизы, были люди и волки. Только у меня был человек и волк со шрамом как главный ужас и его два брата, а родители и бабушка как защитники. Только вот бабушки нет... А у Светы была целая стая волков и она одна забитая и зажата в угол.

Да, художники из нас всех, от слова худо. Но страхи были определено узнаваемы в наших каракулях. И ещё, среди стаи её страхов я тоже увидела волка со шрамом. Все кроме Светы и Лизы сожгли свои страхи. Галина Викторовна сказала, что все мы справляемся со своими страхами, доверяем друг другу, делимся и оберегаем друг друга. А Две девчонки, Света и Лиза, решили хранить в себе не тепло и заботу семьи, а собственные страхи.

Поэтому она будет их оттуда вынимать и девочки будут жечь свои страхи сами, когда смогут их отпустить. А потом, Лиза и Галина Викторовна расположились на ковре, мне дали команду включить запись, и они стали играть. В игре Лиза выбрала куклу – себя, солдатиков – своих защитников и семью, и мягкие игрушки – свои страхи. Она показывала свои страхи и рассказывала свою историю на игрушках.

Похищение. Лиза играет во дворе, погода отличная, солнышко пригревает и воздух горячий. Она босиком носится по газону в обнимку с мягкой игрушкой – волком из «Ну, погоди». Они катаются на качели, прыгают на батуте, носятся по газону при включённом поливе.

Сегодня особый день – день костров и дедуля разрешил ей пойти с ними, впервые. Костры у озера, высокие. Вечер принёс прохладу, а костры – жар. Но все шумят, разговаривают и не только между собой, но и с Лизой. Она чувствует себя взрослой. Там были дети, но все старше её и с ними со всеми взрослые разговаривают как со взрослыми, с равными.

Музыка не играет, но многие поют сидя у костров. И к какому бы Лиза не подходила, везде её принимали, молча двигались и она садилась рядом. Ей хотелось побывать у каждого костра. Поэтому на долго она не засиживалась. И вот костёр у самого края поляны, там только женщины, они обсуждают мужчин. Кто-то мужей, кто-то своих женихов, а кто-то тех, кто им нравится, но ещё не знает об этом.

И даже Лизу спрашивают, как остальных, как взрослую, кто ей нравится. А потом вой волков, словно продолжение одной из песен услышанной Лизой у костра. Женщины улыбаются и прислушиваются. Многие встают и радуясь, смеясь, уходят. У костров остаётся все меньше и меньше людей. Они уходят в лес, тот что чуть дальше окружает поляну и озеро.

Вой нарастает разными голосами, становится все гром-

че и громче. Но он не страшный, он словно песня, в нем Лизе слышится тоска и ожидание, а потом радость и нежность. И вот другие голоса, странно, она различает голоса волчьего воя, они снова поют с тоской, печалью. Их прерывают другие с радостью и нежностью. И так повторяется, и нарастает.

А потом песня удаляется и вовсе затихает. Только тогда Лиза замечает, что у костров осталось не много взрослых, совсем не много и дети разных возрастов. Мы все собираемся у центрального костра. И кто-то начинает рассказывать страшилки, а потом взрослые рассказывают истории любви. Мальчишки кривятся, а Лиза слушает, краснеет, но ловит каждое слово.

Она тоже хочет, как в этих сказочных историях встретить свою настоящую любовь. И вот их история обрывается, на поляну влетают четверо голых и грязных мужчин и волки, страшные волки. Они не поют, как до этого слышала Лиза. Они рычат и скалятся. А один, самый страшный мужчина с порванным ухом, он угрожает. Он требует отдать всех девочек из детей и тогда все останутся живыми. Взрослые окружили нас, детей, отказались. И тот, что самый страшный с разорванным ухом, он улыбается, так страшно...

Лиза начинает плакать, тихо всхлипывать глотая слезы. А тот, что улыбался, лишь повёл плечом, и волки кинулись на взрослых. Лиза закрыла глаза, но это не помога-

ла. Она слышала, закрывала ладошками уши, громко кричала, но все равно слышала. Как рвётся одежда, как рычат и щелкают зубами волки, как кричат люди, как что-то ломается и рвётся.

Она чувствует солоноватый запах, так похожий на тот, который был, когда она порезала руку и кровь лила и лила. Слезы текли ручьём, глаза она закрывала так сильно жмурясь, что даже сквозь них летали мушки ярких всполохов. А на лицо, руки и ноги постоянно попадала брызгами горячая жидкость. И Лиза боялась даже подумать, что это кровь, что кто-то ранен. Она плакала и кричала, жмурилась и закрывала уши руками. А потом все вдруг стихло. Кто-то поднял её на руки и крепко прижал.

– Ты славная добыча, будешь хорошей девочкой и все у тебя будет хорошо.

Кто-то чужой, не знакомый и страшный крепко держал её и ... он нюхал её. А Лиза ещё крепче закрыла глаза и уши. Кричать уже не получалось, голос сорвала и теперь она могла издавать лишь хриплые, еле слышные всхлипы и поскуливания.

– Уходим, срочно, они возвращаются.

И Лиза услышала песни волков, знакомых ей голосов. В них был страх, ненависть и печаль, боль. Она распахнула глаза и попыталась вырваться из рук незнакомца. Это был тот самый, с разорванным ухом. Но он ещё крепче её сжал и зарычал, человек рычал так же страшно, как и его волки.

Лиза вырывалась, кусалась и царапалась.

Но она ещё ребёнок, вот сейчас она поняла насколько она маленькая и слабая. А взрослый и сильный дядька не выдержал. Он взял её за плечи и на бегу стал трясти, а потом освободил одну руку и дал пощёчину, но такую сильную, что Лиза потеряла сознание. Она не увидела трупы людей, оставшиеся у костров, не увидела и идущих за ней волков и других чужий и голых мужчин, их стало больше, которые так же держали на руках девочек.

Очнулась она в комнате, мрачной с одним окном, а на нем решётка. В комнате стояло много кроватей, очень близко друг к другу. На кроватях лежали девочки. Знакомые ей с поляны и не знакомые вообще. Те, другие, все были в платьях. Они лежали не подвижно, бледные, с не ухоженными волосами. Со знакомыми Лиза взобралась на одну кровать, они обнимались и плакали.

Другие не реагировали никак. Просто лежали и ровно дышали смотря перед собой. А потом послышались тяжёлые шаги, и они приближались. Вот тогда отреагировали лежавшие девочки. Они слетели с кроватей и забились в самый дальний угол пряча лица. Звук отодвигаемого засова и скрип открываемой двери. На пороге стоял тот, что с порванным ухом, а за ним было ещё двое.

Один очень красивый дядя и второй старый и кривой. Тот, Лиза прозвала его безухим, ведь ухо было не просто разорвано, часть его отсутствовала, а рядом с ним на щеке

и шее были полоски шрамов. Безухий подошёл к сжавшимся в углу девчонкам и ухмыльнулся. Постоял глубоко вдыхая запах. Лиза чувствовала запах страха, нет, ужаса. И безухий ушёл от них к нам, сжавшимся на кровати. Он осмотрел всех внимательным взглядом.

Грубо выхватил за руку двух постарше и потянул за собой. Они сопротивлялись, плакали и кричали. Лиза и ещё пару девочек кинулись на помощь, мы повисли на девчонках и отпивались от безухого. Но он только встряхнул тех, кого тянул, жёстко. А потом ударил ногой Лизу, потому что она первая поднялась и снова кинулась на него. Все кинулись помочь Лизе.

А безухий потащил девочек к двери, на пороге кинул их в руки стоявших на входе. Закрыв дверь на засов и ушёл. Вернули девочек спустя ночь. Они были в крови, побитые и усталые, они не стояли на ногах. Одежда была разорвана, обуви и трусиков не было вообще. С ними принесли большую кастрюлю с кашей, пачку одноразовых тарелок и ложек, бутылки с водой. Все ели молча. А возвращённые девочки, их другие положили на кровати и кормили силком.

Лиза не знала, что случилось. Но понимала, что-то ужасное. Те девочки, которые тут были раньше молчали. Они просто лежали целый день на кроватях и не отвечали на вопросы, вообще не реагировали ни на что. А потом, когда начало темнеть, снова принесли кастрюли с едой. Суп, пюре и котлеты. И бутылки с водой. Забрали старые и му-

сор и оставили одежду для наших избитых девочек.

Ужинали молча, а потом силой кормили избитых девочек. А когда стемнело, опять послышались тяжёлые шаги. Но их было много. Снова открылась дверь и на пороге был безухий. Мы, новенькие, столпились у кроватей побитых девочек, а остальные опять сбились в дальний угол. Он прошёл к девчонкам в углу и рявкнул так, что даже стекло в окне задрожало.

– На выход, бегом, все!

Они побежали, все молча потянулись к выходу. А там их хватала мужчины и уходили. У дверей с той стороны коридора оставалось все меньше мужчин. Кто-то хватал сразу двух, кто-то закидывал на плечо, а кто-то жестоко толкал свою жертву в спину. Безухий дождался, когда последняя из них исчезнет из вида в проёме и тогда, медленно с улыбкой на лице пошёл к нам. Только улыбался он не добро, словно скалился и ждал от нас чего-то, что даст волю его силе.

Лиза не выдержала, вышла вперёд всех, словно заграждая остальных и пытая потребовала остановиться. Он остановился и засмеялся. А отсмеявшись вытер проступившие слезы и улыбнулся по-другому, оценивающе смотря на Лизу.

– Ты, только моя. Подрастёшь и станешь моей окончательно.

Он в один прыжок подошёл к нам и откинув Лизу на кровать, так что она перелетела пару стоявших ближе, при-

нялся хватать девчонок постарше и выкидывать их в руки стоявших в дверях мужчин. Лиза упала, тут же поднялась и кинулась прыгая с кровати на кровать на безухого. Она вцепилась в его шею, кусала отгрызая ему уши и отплёвывая кровь, он метался пытаясь скинуть её, но не получалось.

А за дверью рыча и крича стояли мужчины, они просили разрешения войти. Но он запрещал, крича почти рыча, что накажет свою не послушную девчонку, сильно накажет. И вот он сумел схватить её за волосы и резко, больно, сдёрнул Лизу со спины. Он сжал ей шею глядя в глаза. Лиза пыталась сопротивляться, но даже крикнуть не смогла, так и потеряв сознание. Очнулась она одна в комнате. За окном было темно. И были слышны вой, дикий, страшный, удары и крики. Лиза сжалась, скрутилась на кровати, прикрыла глаза и тихо заплакала. Что бы она не слышала, было страшно, очень.

А потом все как-то стихло и лишь в коридоре были слышны шаги и звуки открывающихся дверей. Когда открылась дверь в её тюрьму, она даже не пошевелилась. Страх уже перегорел, как и тревога, она была пустой и не подвижной, как те девочки, которых она увидела тут, когда впервые очнулась. А потом голос, такой знакомый и долгожданный, голос родных. Сначала она услышала дядю Серёжу.

– Она тут! – Потом папу и дедушку.

– Милая, родная.

– Ты в порядке?

– Где болит?

Они говорили, перебивая друг друга и обнимая, гладя её, вырывая из рук друг друга и прижимая к себе. А у Лизы вновь появились силы, но только на то, чтобы молча плакать. Она не могла даже поднять руки и обнять родных.

Потом больница. Большая больница, где целый этаж с уже знакомыми девочками, худыми и побитыми и все они молчаливые и с мокрыми глазами. Ещё были несколько взрослых женщин, они не могли даже ходить. Лиза ходила от палаты к палате, от постели к постели, она расчёсывала им волосы, гладила, держала за руку и вытирала молчаливые слезы. Она все ещё не могла говорить, не то, что не хотела, а не могла. Тот безухий, когда душил повредил Лизе горло и любая попытка что-то сказать причиняла боль, сильную боль.

Девочки поправлялись, к ним приходили родные и они плакали молча обнимаясь. Кто-то начинал говорить. Из тех, кого похитили с ней, кроме Лизы и первых пострадавших девочек, всех выписали. Остальные лечились. К ним приходили врачи и осматривали, некоторые просто разговаривали. Некоторые начали говорить.

А Лиза, горло уже не болело, но говорить с доктором она не хотела. Было страшно, вдруг если она расскажет ей не поверят. Или накажут, или вернётся тот безухий. Было страшно и Лиза стала представлять, что этого не было. Только во сне безухий возвращался и обещал наказать не по-

слушную девочку. Лиза знала точно, она не его, она мамина, папина, дяди Серёжи и тётей Светы, Марины, она дедушкина и бабушкина, она дядина и тётей – брата и сестёр папы, но не того безухого.

Но чтобы он не вернулся, она решила быть самой послушной. И тогда сны прекратились. Только теперь она боялась волков, и её любимый мягкий защитник из мультфильма «Ну, погоди» стал ужасом. Вдруг он сможет позвать тех страшных волков, которые были с безухим. Он же не послушный...

Когда играя куклами Лиза рассказывала свою историю, все слушали молча. А мне стало страшно. Боже, да они уже объединились и насильовали девочек похищая их. Галина Викторовна была спокойна, нет, в глазах у неё была видна боль и ужас, но внешне она была спокойна. Она жестом показала, что запись надо остановить и всем тихо и не заметно уйти.

Мы так и сделали. Все вышли на улицу. И там я начала задыхаться, я просто сложилась пополам и стала хватать воздух ртом. Боже, как же мне тогда повезло. Я осталась жива и не изнасилована. А Лиза, она ещё не все понимает, но помнит то, что эти твари сделали с другими. Через время осознала себя на руках у сидящего в беседке Сергея. Он крепко держал меня целуя в макушку и что-то шепча.

Напротив, сидела в объятиях мужа Татьяна. Петя успокаивал Свету держа её руку и поглаживая. Владимир Григо-

рьевич тихо переговаривался с тётей Катей. И я заговорила. Посильнее прижалась к Сергею и рассказала свой сон. В сокращённой версии, без подробностей, просто и ровно. Почему-то мне казалось, то так надо, так лучше.

Потом сказала о том каким нашли дедушку и о том, кого он защищал и от кого. «Видимо мой страх перед этими нелюдями обрисовал их дикими и кровожадными зверями – волками. Как и дедушку и отца – сильными и заботливыми зверями, которые становятся волками только когда защищают меня».

Так я закончила свой рассказ, я даже не смотрела на слушателей. Просто делилась своими страхами. Я уже давно сложила «два плюс два». Наверное, я, как Лиза, была похищена, почти, но мои родные успели вернуться раньше. Мы молчали. Потом заговорила Света.

Он касался меня. Он пел призывая. Я не отвечала, и он злился. Бил. А потом сам меня лечил, зализывал раны на теле языком. Я была в отдельной комнате, одна. Он оставил меня голой и за попытки закрутиться простыней или одеялом бил. Сильно. До потери сознания. А когда я приходила в себя он был рядом. Он сам меня мыл по несколько раз, везде. Гладил.

Злился, что я не реагирую на его ласки. А я словно кукла, все эмоции высохли. Я не хотела ничего помнить. Поэтому, всегда, когда он был рядом, а он был рядом почти всегда, я вспоминала истории из моих любимых книг. В подро-

стях, я представляла, что я читаю книгу и все что происходит, не со мной.

Просто автор извращенец и слишком подробно описал историю главной героини. А потом появился папа и Сергей. Сначала я услышала их. Они кричали она здесь, но кричали не мне. И тогда я захотела умереть. Я не знала, что Лиза была через стенку, не знала, что было с ней и остальными. А когда услышала радостные голоса, но радовались они не мне...

Моя книга стала мрачной. Искали не меня и радовались не мне. Когда дверь, замкнутая на ключ, вылетела с петель, я жалась уже от своих. Когда папа пытался дотронуться до меня, взять меня на руки или за руки...

Я кусалась и сопротивлялась. Я была уже не человеком в тот момент. Я была загнанным диким зверем, одиночкой. Папа отступил уговаривая меня. А Сергей, он всегда такой, делает своё и плевать ему на все. Он типа знает лучше. Только тогда он действительно был прав...

Он сгрёб меня сжимая в медвежьих объятиях и вытащил на улицу. Не уходил от меня в больнице. Молчал пока не заговорила я. Слушал и говорил со мной, но не о случившемся, как все, а просто обо всем чем угодно, но другом. Я стала выгонять его на ночь. Но знала, что в больнице он сидит под запертой дверью и ждёт. И однажды я выгнала его, но дверь не закрыла. И он пришёл.

Когда пришёл сон с ним... с этим ... зверем, Серый молча

зашёл, обнял крепко в медвежьих объятиях и сказал, чтобы я спала. А я в его объятиях не то что шевельнуться, я дышать толком не могла, но боялась что он отпустит. Все будет хорошо. А позже он оставался на ночь. До тех пор, пока я не стала с ним говорить об этом.

Только тогда он перестал со мной спать, хотя я долго его уговаривала. Сначала дежурил на диване в комнате, потом притащил диван под мою спальню и дежурил там. И только убедившись, что ночью я сплю, стал спать в своей кровати. Я не знала, что с другими, что с ними, что с Лизой... Мне было больно, что её нашли первой, не меня...

Все снова молчали. На попытки, во время её рассказа, приблизиться, она останавливала всех взглядом и качала головой. Она справлялась с этой бедой. Прощалась с болью и затаившейся обидой. Молчание в этой семье привело к затаённым обидам.

Разрушил тяжёлую тишину Сергей. Он словно шубутной мальчишка, взял на себя роль шута и скинул тяжесть ситуации.

– Знаете девочки, я жрать хочу, кормите меня такого замечательного, а то покусаю.

Нервные смешки, у женщин со слезами, с комком сложных эмоций на душе и сердце вырвались у всех.

– Вот троглодит, – притворно возмутилась тётя Катя, – только со стола, пообедали же.

– Так мне покоя не дают пирожки. Я как представлю, что

их там без внимания и присмотра с моей стороны, оставили, так вот просто выть хочется.

Теперь уже истерический смех, вытесняющий боль разлился в беседке.

Часть 10. Взрослая жизнь, взрослые решения

Тот день для многих стал значимым. Это потом я выяснила, что среди тех девочек с Лизой была внучка Станиславы Владимировны и Владимира Григорьевича, что их внучка до сих пор не разговаривает. Что она была изнасилована тогда с особой жестокостью. Что виновники в той трагедии, многие из них, сбежали.

Не по тому что были сильнее, а потому что для всех их, кто пришёл спасать девочек, а были это мужчины, отцы, деды, братья украденных девочек, они не устраивали самосуд, их первой целью было найти девочек и освободить. Поэтому бежавших не останавливали. Только безухий пострадал, Князев с ним расправился лично. Мне многое не договаривали, но и сказанного хватило, чтобы понять, никто из мужчин ни о чем не жалеет.

Они только сожалеют, что остальные, не уверена, что все, успели сбежать. И было это сказано мне так, что я убедилась, остальных ищут и находят, а их находят, не церемонятся, вряд ли их сдают полиции. Говорить на эту тему я не хотела. Не из жалости, а из желания не ввязываться в подробности.

Я и так связана с этим всем слишком плотно. Через свои детские сны, где реальным людям дала образ волков и поз-

волила страхам управлять и ограничивать себя. Через то последнее дело моего деда и его смерть.

Хватит, пора жить не оглядываясь и борясь со страхами из детства, а не добавлять к своим чужие. Радовало, ещё то, что Света стала открытие. После услышанного от Лизы и рассказанного лично, она стала больше общаться с семьёй. Её страхи и чувства обиды и одиночества уступили место для заботы о Лизе и благодарности семье. Особенно отцу, ведь он не сдержался именно узнав о том, что к его дочери прикасался безухий.

Именно это залило его теми чувствами, которые толкнули на столь жестокую расправу. Я конечно подозреваю, что он не сам вершил суд Линча, но всю вину он взял на себя. Узнав это, Света неделю ходила за мной и названивала по сто раз на день с просьбой, мольбой, требованием и опять с мольбой увидеться с отцом. Ей было не понять, что пока не будет заседания, а его ещё не было, только предварительные слушания и дознание, и судебного следствия, свиданий никому кроме адвоката не видать.

А в конце недели она сама приехала ко мне, лично. Это было чем-то особенным, она приехала на такси сама. До этого, после того что она пережила, за его пределами дома была только с Сергеем и мамой. Поэтому о её визите я знала со взволнованного звонка тёти Кати, она смеялась и плакала в трубку и требовала перезвонить сразу как Света переступит порог квартиры.

Сергей, в эту субботу он был в школе на дополнительных занятиях с отстающими, взмыленный и запыхавшийся ввалился в квартиру за минут пять до приезда Светы. Сама Света словно испуганный маленький щеночек, чуть поскуливающим голосом попросилась войти. Пока мы заваривали чай, с душа вышел Сергей. Света кинулась ему на шею и заскулила.

– Я доехала, сама, на такси, Серый, я сама!

А потом уселась на стул придвинув его вплотную к Сергею. Ей было не по себе и Сергей, его близкое присутствие, успокаивало её. Рядом с ним её дыхание стало спокойнее и ровнее. Она перестала оглядываться и реагировать на каждый стук и звук. К окончанию нашего чаепития, она с мольбой в глазах и голосе спросила едем ли мы домой в Химки.

И отказать на эту мольбу никто не смел. Сергей непринуждённо заявил, что мы собирались выехать после обеда, но если я потороплюсь или возьму дела с собой, то можем выехать раньше и к обеденному столу быть на месте. И такими щенячьими глазками на меня уставилась Света, что я рассмеялась. Конечно же мы выехали почти сразу же.

И тайные смс тёти Кати я слала всю дорогу отвечая на её бесконечные вопросы, наполненные заботой и страхами. А после обеда Света вспомнила о причине своего визита. Только проситься на свидание к отцу она уже боялась. И мы решили, что она напишет отцу письмо, и я передам ему. Так и сделали, Света писала весь вечер, её письмо заняло не мень-

ше пяти тетрадных листов.

В воскресенье приехала Галина Викторовна, её привёз Петя. Она общалась со Светой и Лизой. И за обедом очень хвалила Свету за её выезд. Поэтому решение о их встречах в городе, куда будет возить её водитель, все, даже света, восприняли взволновано спокойно.

Первое полноценное судебное заседание было назначено на вторник. Первично вызывали свидетелей способных дать характеристику подсудимого. Я вызвала много людей, его друзья детства, сослуживцы, однокурсники, соседи, партнёры по бизнесу, даже Станислава Владимировна дала свой профессиональный отзыв о личности подсудимого с официальным заключением.

Мы не строили защиту на линии, что он ангел. Мы все добивались признания его человеком рассудительным, честным и принципиальным, у которого на первом месте семья, а потом все остальное. Все понимали, что оправдать его полностью не возможно, и вопрос лишь в мере наказания за которую мы боремся и юридического определения степени вины.

Заседание было долгим и утомительным. Следующее назначили через неделю в среду. Все что было до него слилось в одно монотонное мгновение. Радовало меня только одно, письмо Князеву я передала и даже получила ответ, от которого я видела Свету припрыгивающей по дому Князевых. Сам факт того, что даже в доме Князевых я делила постель

с Сергеем меня обошёл.

Просто не заметила, как и когда, я была постоянно погружена в дело. Все время была в своём ноутбуке или в бумагах, ела на автомате и не замечала разговоров вокруг. Просто в определённый момент вечера, Сергей вырывал из моих рук все и на руках относил в спальню. Нет, просыпалась я, всегда крепко обнимая его и лёжа на нем, но открывая глаза бежала в душ и опять тонула в деле.

Три заседания в среду, пятницу и понедельник, разбирали преступление Князева Николая Фёдоровича. Фото и видео с места преступления, следственный эксперимент и его признательные показания. А потом, семь заседаний определяли жертву Князева. Я вывалила все официальные документы, подтверждённые справками по запросам по всем известным нам дела где, фигурировал пострадавший. Из материалов дел подняла фотографии и протоколы с описанием повреждений и обстоятельств преступлений, где фигурировал безухий.

И когда на восьмое заседание мною было объявлено ходатайство о признании вины Князева по статьям УК РФ 39 – крайняя необходимость и 108 – самооборона повлёкшая смерть, взвыл обвинитель. Для него это дело было ступенькой в повышении. Громкое дело, известный и богатый человек – убийца с особой жестокостью. А тут можно и на условный срок сойти. Он предложил своё статья 107 УК РФ – убийство, совершенное в состоянии аффекта.

В принципе на это я и рассчитывала. Максимум три года, полтора из которых Князев уже отсидел. Просто иначе обвинитель настаивал бы до победного на убийстве с особой жестокостью, а это уже 10 лет строгого режима. Поэтому настаивала я не сильно давя, скорее так, для вида и создания особого настроения. Из-за особой эмоциональности обвинителя и его ходатайства, заседание перенесли на три дня на пятницу.

Идут месяцы, я потеряна для общества окунувшись в дело целиком. Все мои выезды сопровождаются Петей, и он же отказывает всем новым клиентам. Я даже семью Князевых не замечаю. В выходные обнаружила себя в Химках в доме Князевых, в бумагами в одной руке у открытого холодильника обмакивающей свой палец в крем торта и слизывающей его. И как заметила, просто мою руку с пальцем в креме перехватил Сергей и сам облизал. Я возмутилась и услышав хохот за своей спиной только тогда поняла, что творю и где.

Торт был не простой. Это был именинный торт Лизы. В итоге весь крем с тортика сняли и вручили красной мне в блюдце, а тётя Катя и Таня принялись заново его украшать, взбивая крем. А я, я не просто краснела и бледнела, не просто извинялась не замолкая, я ещё и продолжала лопать крем отбирая блюдце у Сергея и Светы. На что все смеялись ещё громче.

Этот вечер я провела с семьёй Князевых. В смысле я вернулась в реальность и отложила дела, даже честно пыталась

не думать о них за столом. Ещё больше стыдом я покрылась, когда Сергей вручил подарок маленькой имениннице от нас двоих. Ну а когда он повёл меня спать в свою комнату, я вообще побагровела от стыда и услышав, что спала так все это время не культурно раскрыла рот в немом вопросе. На все это Света заразительно громко смеялась говоря, что я ещё со стороны не видела себя одевающуюся.

Однажды спустилась с ноутбуком в руках в футболке Сергея и бубнила себе под нос статьи уголовного кодекса смеясь на некоторых словно мультяшный злодей и угрожая обвинителю от несостоятельности его обвинений захлебнуться завистью от победы мелкой занозы адвоката.

– Знаешь, мне даже жаль Серого, если ты так с каждым делом погружаешься, он сума сойдёт от скуки. – Подтрунивала меня Света.

Она вообще после того разговора и встреч с Галиной Викторовной изменилась. Стала живой, много говорила и смеялась.

– Я не всегда такая. Просто это дело стало очень личным. Вот я и увлеклась. Обычно я оставляю работу на работе. Веду сразу несколько дел, не крупных, и если дома и уделяю им время, то только до ужина и не больше пары часов. Иначе можно сгореть на работе. Я видела таких адвокатов. У них ничего кроме работы не осталось, они одержимы ею. Такого себе я не хочу.

Следующие два заседания были не просто закрытыми. На

них выступали Станислава Владимировна и Галина Викторовна, они давали заключения по жертвам, двум из всех, об остальных ни судья, ни обвинитель не знали. Обсуждения касались уже факта похищения и насилия над дочерью и внучкой обвиняемого Князева Николая Фёдоровича. Насилие было моральным с избиениями, но и это весомо.

С больницы были взяты справки о всех ранах, синяках, ссадин, царапинах и даже переломах обеих девочек. Следы удушения на Лизе я квалифицировала как попытку убийства. А подробности «касаний» далёких от целомудренного обращение к Свете как попытку изнасилования. Станислава Владимировна и Галина Викторовна описали все так, что равнодушным не остался никто.

Я и судья, как и секретарь суда утирали слезы. Обвинитель бледный, задавал уточняющие вопросы прочищая горло и сбиваясь в слова. Он слушал запись со мной и судьёй, но услышать это повторно с экспертной оценкой практикующего врача психиатра, услышав диагнозы и последствия для девочек. Сопоставив психические, моральные и физические повреждения, сложно называть жертву самосуда Князева жертвой.

Конечно я приврала. Я заявила, что служба безопасности обнаружила адрес где похититель держал девочек. Что Князев со своей службой обнаружил там только дочку и по телефону запеленговали похитителя утащившего внучку. Что явились они, сам Князев и начальник его службы безопас-

ности на место будущего преступления как раз тогда, когда «безухий» душил его внучку. Что Князев не смог остановиться и оттащить его от избиения пожилой отставник просто не смог.

Сначала Владимир Григорьевич оказывал первую медицинскую помощь девочке, потом вызывал скорую помощь, распечатку звонков я предоставила, вызов скорой помощи, пусть и по другому адресу имел место быть. А потом, на руках с испуганной, слабой девочкой просто не смог остановить своего начальника решившего, что эта «жертва» убила его внучку и изнасиловала дочку. С самим Владимиром Григорьевичем эту версию мы обговорили и согласовали.

Поэтому преступление совершенно не с особой жестокостью, а под влиянием эмоций. Так же Владимир Григорьевич вызвал и полицию. А когда скорая забрала ребёнка и привела в чувства Князева Николая Фёдоровича, он не стал откупаться и прятаться, а сразу признался в совершенном самоубийстве.

Списать на самооборону не получилось, и я это понимала и особо не расстроилась. Оглашение решение суда было перенесено ещё на неделю с последнего заседания. Судили Князева по статье 107 УК РФ – убийство, совершенное в состоянии аффекта.

Наказание тут может быть два: условный срок или до трёх лет лишения свободы, при единственной жертве, как в нашем случае. Я мечтала об условном сроке. Но понимала, что

жестокость с которой Князев, а может и не он один, расправился с «безухим» на условный срок шансов почти не оставляет.

Часть 11. Приговор или диагноз

То, что эта неделя будет тяжёлой и напряжённой я понимала. Но ожидание доводило не только меня, но и всю семью. Всю неделю я была в доме Князевых в Химках. Сергей и Толик приезжали к ужину и уезжали после завтрака, порой настолько раннего, что все ещё спали. Заседание с оглашением результата моего дела, с решением суда и судьбы всей семьи назначено на вторник, две пары выходных, целая рабочая неделя...

Напряжение уже хрустело в воздухе к середине недели. Поэтому приезд Галины Викторовны в сопровождении со Станиславой Владимировной не удивил, скорее обрадовал. Эти женщины даже остались на ночь. Они помогли с напряжением и тревогой, нет не убрали её из наших сердец, но помогли отвлечься и взять себя в руки.

Поэтому с их отъездом мы стали искать для себя дела. Сначала все вышли на зарядку, руководила этим процессом Лиза, все как в садике, повторяла она показывая очередное упражнение. На эту неделю её оставили дома и в садик она не ходила. Потом мы затеяли уборку, тут руководила тётя Катя, но перемывая и утюжа, стирая пыль, и занимая руки прочей монотонной работой увлечься не на шутку и до самого вечера, мысли точили. Мы прозевали время и не обе-

дав забыли об ужине.

Поэтому ребятам пришлось на пол пути вернуться в город за готовой едой получив звонок от Тани. На следующий день нас озадачила Света. Она достала коробки с фотографиями и пустыми альбомами. И вот с перерывами на готовку и приём пищи, мы разбирали по времени, обсуждали, пересматривали и клеивали в альбомы фотографии семьи Князевых их друзей, сотрудников. Как сказала тётя Катя, что все они одна семья. Этим мы занимались до обеда воскресенья. На обед приехала Станислава Владимировна и пообедав удалилась сначала со Светой, а потом с Лизой.

И вот тогда пришла она. Да ещё не сама, а с тяжёлой артиллерией, со своей мамой и бабушкой. Оля была в облегачающих джинсах и такой же облегачающей кофточке с цветочками и глубоким вырезом.

Словом, подчеркнули, а точнее обтянули и вывалили, все выдающиеся места этой юной прелестницы. И вот сидя за столом и как так оказалось, что она сидела рядом с Сергеем, а её мама с другого боку от него, да ещё и бабушка на против?! Они взяли его в оборот. Семейство Князевых не вмешивалось, они посмеивались и подшучивали, иногда подтрунивали Сергея и Олю, но не вмешивались в ситуацию.

Я сидела заключённой Таней и Светой, и молча наблюдала за событиями за столом потухала. Я осознавала, вот так критично, в один момент и сразу, что я в этом доме никто. Что во вторник озвучат приговор, и моя работа на это семей-

ство окончательно завершиться, а я не подыскала новое жилье и увлеклась Сергеем на столько, что его такое соседство с Олей меня ранит.

Ранит на столько, что выть от боли хочется. За беседой за столом я не следила, мне хватило радушного приёма семьи своих гостей. Хватило их шуток за столом и соседства Сергея, молчаливого и вежливого соседства. Да Леночка, размечталась дурочка...

– Станислава Викторовна, мне хотелось бы пообщаться с вашим супругом, лично, если вы не против, я сегодня уеду с вами.

Идея как выпутаться из этого всего возникла внезапно. И я решила ей следовать до конца. Если Николаю Фёдоровичу дадут условный срок, о чем я мечтала, моя работа закончена. Если дадут три года лишения, то учитывая проведённых им полтора года в заключении, можно ходатайствовать об условно-досрочном освобождении по статье 70 УК РФ. За тяжкие преступления можно по отсидке половины и более срока можно просить. И тогда его могут освободить окончательно.

И тут мне тоже нет особо работы. Об этом я поговорю с начальником службы безопасности семьи Князевых. Думаю, по УДО он как человек из категории «бывших не бывает», знает достаточно, чтобы добиться положительного результата. Так же, как и сможет добиться не огласки подробностей дела в категории свидетельств Светы и Лизы. И в своих пред-

положениях я оказалась права полностью.

Сначала захваченный в цепкие ручки Сергей пытался предложить сопроводить меня. Но три женщины с далеко идущими планами быстро пристыдили его охладив пыл. Мне показалось, что такая реакция собственного сына огорчила тётё Катю, но или реакция была слишком быстрой, или надуманной мною. Уезжали мы на такси. Сергей пытался вырваться из полу объятий Ольги, усевшейся на широкий подлокотник кресла, где он сидел при чаепитии, но видимо не особо активно вырывался, раз попрощался сидя в нём.

При чем не просто сидя, а поймав «случайно» упавшей в его руги прямо на колени Ольги. В этот самый момент я все окончательно для себя решила. Просто, как часто делала со всеми своими не разделёнными влюблённостями, замкнула все затолкав поглубже.

Напросилась на ночёвку к Станиславе Викторовне. Нашла полное понимание у её мужа и даже подготовила вместе с ним документы на оба случая для любого из приговоров. Заказала билеты домой. Да, я решила сбежать. Даже своему побегу нашла оправдания и нашла поддержку у гостеприимных хозяев. О моем сне родом из детства, и моих выводах из дела дедушки и его странных обстоятельствах я честно рассказала Владимиру Григорьевичу и Станиславе Викторовне.

Нашла поддержку в них моего решения честно все обсудить с родителями. От их предложения отвезти меня на машине или просто сопроводить, хотя бы Пети, я отказалась.

Точнее отбилась. Они не просто настаивали или уговаривали, они напоминали о младшем брате, ещё живом брате моих страхов родом из детства. Но даже это не изменило моего решения, надо вырвать семью Князевых из своей жизни.

Мужчина не может так поступать. Со мной он не был вежлив и терпим при нашей первой встречи, ему не нравилась моя беседа с его матерью, и он решал вопрос кардинально и жёстко. А тут, если бы ему что-то не нравилось, он был бы жёстче, как когда-то со мной. А судя по его поведению, все его устраивает, и эта вся ситуация с Ольгой лишь чёткие указания мне глупой, что не на что надеяться и не, о чем мечтать. Так же я созвонилась со своим одноклубником и попросила перевезти свои вещи к нему на хранение да дачу, пока найду квартиру.

Он обрадовал меня несказанно. Его однушка, недалеко от нашей родной alma mater, сейчас на ремонте и через пару недель он хотел искать студентов для сдачи в аренду, но может уступить мне, а вещи он разрешил до окончания ремонта отвезти в его гараж рядом с новой квартирой, куда он со своей беременной супругой съехали месяц назад.

Мы договорились о цене, и я даже скинула аванс ему на карту. А в одиннадцать часов в понедельник, он стоял у машины со своей женой под подъездом квартиры Сергея, от куда я планировала съехать пока он на работе в школе. Мы болтали с Верой, беременной и постоянно что-то жующей женой моего друга, а он таскал упакованные за час мною лично все

мои вещи. Консьержке я оставила ключи и письмо Сергею.

Писать ли письмо я думала долго. Хотела высказать обиды, хотела признаться во многом, но в итоге написала коротко, нет, даже не писала. Я распечатала безлико записку от руки только подписавшись.

«Спасибо за все.

Это дело, и ты лично, помогли мне проститься с моими страхами родом из детства. Наша связь не была ошибкой, но и продолжения она не имеет, я это понимаю. Не переживай, досаждать не буду.

Спасибо тебе за все, и твоей семье тоже. Удачи.

Волкова Елена Макаровна.»

Да, возможно во мне говорила обида, возможно даже ревность, но я решила ставить точку, одну и на всегда. Наверное, поэтому, пришедшему во сне волку я плакала обняв шею, молча. А утром проснувшись с красными глазами и опухшим лицом отводила взгляд от внимательных Владимира Григорьевича и Станиславы Викторовны. Прощалась с ними я словно навсегда. И когда сбежала на метро отказавшись от Пети долго думала и решила, что все правильно, что так и надо. И хотя перетаскав все вещи и уже собираясь уезжать я столкнулась с Петей, я по малодушию соврала, я все равно решила не отступать.

– Елена Макаровна, какие планы на сегодня?

– Петя. – Чуть осипшим голосом испугано пробурчала. – Сегодня я останусь у друзей и завтра они меня отвезут сразу

в суд. Так что отдыхай.

А когда мы выезжали со двора, Вера краснея извиняясь заговорила.

– Ты действительно хочешь остаться у нас? Просто у нас нет где. Наша спальня и детская закончены, как и санузел и кухня. Мы поэтому и переехали. А зал ещё делают.

– Нет. Верочка, не переживай, я сниму посуточно квартиру или номер в гостинице сразу, как только мы перевезём вещи. Завтра вечером я еду домой к родителям. Утром у меня заседание, и я свободна. А остаться у вас просто не могу, мне надо подготовиться и хорошо выспаться. А ночуй я у вас, мы же проболтаем всю ночь.

Вера расслабилась, и мы хихикая обсуждали наши планы на такую бессонную ночёвку. Все вещи мы перевезли и растолкали по углам с двух ходок. Вместе пообедали в кафешке и распрощались. Я с сумкой готовой к поездке домой отправилась в гостиницу на такси. Мы договорились, что Вера позвонит мне как будет готова квартира и я вернусь от родителей. А если задержусь, то аванс за три месяца у них в любом случае есть.

Родителям решила не звонить, пусть будет сюрприз. Авиабилет до Волгограда у меня оплачен, а там определюсь на месте. В конце концов, деньги у меня есть и могу нанять машину, возможно с кем-то пополам, если найду попутчика. Или на автобусе, как раньше ездили, посмотрим.

Зал суда встретил меня всем семейством Князевых в сбо-

ре. Все даже беременная дочь с зятем моего подзащитного была тут. Только Лизу отвезли в садик, все-таки ещё ребёнок. Тут же был и Владимир Григорьевич, и Петя.

Они кинулись ко мне с тревогой на лице и ожиданием, похоже чуда. Перспективы решения суда я им не говорила, вообще, попросила не обсуждать дело с семьёй и Петю и Владимир Григорьевича, постоянно помогавшего мне. Поэтому для них последним звучали ожидания заключались в озвученных перспективах предыдущих адвокатов.

От семьи, кинувшейся ко мне я отгородилась Владимиром Григорьевичем, пискнула «помогите» и спряталась за его спину. Он лишь посмотрел на них, прочистил громким кашлем горло и отрицательно помахал головой. Словно по команде все остановились, их лиц я не видела, я не поднимала взгляд выше их ног, просто увидела, как все развернулись и ушли. Владимир Григорьевич приобнял меня за плечи, пожелал удачи и ушёл к ним.

Только тогда я отважилась посмотреть на семью Князевых ещё раз. Девчонки жались друг ко другу. Света со страхом в глазах вцепилась в руку Сергея до побелевших костяшек и сидела на заднем ряду. Толик и зять сидели по бокам от своих жён в руду сидений чуть ближе.

На самом ближнем ко мне ряду сидела тётя Катя, её спина была прямой плечи гордо расправленные, но в глазах плескался страх, я чуть улыбнулась ей поймав взгляд и не слышно прошептала: «Все будет хорошо, верьте мне». Мне пока-

залось она чуть расслабилась. Рядом с ней присел Владимир Григорьевич. Он ободряюще мне улыбнулся. А за моим столом рядом с моим местом сидел бесстрастный Петя.

– Доброе утро Елена Макаровна, удачи сегодня нам всем. И ещё, вам очень много звонков. Надо после заседания решить, на, когда записывать.

– Петя, сколько ты получаешь у Князевых? У меня есть шанс переманить тебя?

– Шанс есть всегда, вы сами так говорили.

– После этого дела я хочу отдохнуть. Встретиться с родителями, они часто звонили, ты же помнишь, а времени у меня не было. Поэтому поставь телефон в офисе на автоответчик. Я буду отдыхать.

Он посмотрел на меня, пристально, согласно кивнул и больше не поднимал эту тему. Просто остался сидеть на месте моего помощника, как и всегда в последнее время. Слова секретаря «Встать, суд идёт» прозвучали словно гром. За спиной я услышала единый и тяжёлый вдох и перепуганный выдох, но не обернулась.

Решение суда озвучено было в давящей тишине.

А мои слова о ходатайстве об УДО потонули в восторженных вскриках и даже рыданиях все за той же спиной. Поэтому мне пришлось трижды повторить просьбу об ходатайстве. В итоге судья махнула рукой и подозвала меня и обвинителя.

Естественно мой рост не позволил мне смотреть судье в глаза. Я с трудом, на цыпочках, выглядывала из стола на воз-

вышении только одним лбом. На что обвинитель закатил глаза и недовольно фыркнул. Судья позволила себе улыбнуться и нагнулась ко мне через стол.

– У меня ходатайство на УДО, мой подзащитный отбыл уже в местах лишения свободы год и семь месяцев.

– Возражений нет? – Судья перевела взгляд на обвинителя, вернулась глазами ко мне и сдавленно засмеялась, пряча смех за внезапным кашлем и приняла подготовленные ранее мною документы.

– Нет, ваша честь. – Хмура смотря на меня сверху вниз сказал обвинитель.

– Суд удаляется на совещание для принятия решения по ходатайству по условно-досрочному освобождению на пол часа.

Громко сказала судья, чем вызвала страх в глазах родственников моего подзащитного. Вот так, правильно, родственники моего подзащитного. Судья и секретарь ушли. Подзащитный был в клетке под военизированной охраной. А его семья со страхом уставилась на меня.

– Леночка, родная, куда там суд удалился? Что случилось, решение отменили?

Сергей с тревогой спросил осипшим голосом.

– Сергей Николаевич, вы ошиблись с обращением. – Строго прорычала я. Родная для него та самая Олечка, которая тёрлась об него и падала в объятия.

– Леночка, дочка, – чуть ли не плача заговорила тётя Ка-

тя. А Сергея от моего официального обращения и тона передёрнуло. – объясни, что случилось. Неужели решили увеличить срок?

По её щёкам потекли слезы, и её ровная спина стала сгибаться, а плечи словно таяли сжимаясь.

– Тётъ Катя, я же сказала вам, все будет хорошо, просто верьте в меня.

Мне стало обидно. Я понимаю, они радовались трём годам половину из которых Николай Фёдорович уже отсидел, не слышали моих слов, но разве я бьюсь в панике, разве я дала повод к такому недоверию...

Я тяжело вздохнула и отвернувшись пояснила причину ухода судьи в совещательную. Потом не оборачиваясь ушла из зала заседаний через дополнительную дверь, где чуть раньше скрылся обвинитель. Только от взгляда моего подзащитного, обеспокоенного и очень внимательного, я не скрылась. Да и мокрые глаза от него не таила.

Молча ушла в туалет. Привела себя в порядок, заглянула к секретарю судьи, тихо поставила ей под стол вынутую из сумки бутылку вина и положила на стол шоколадку и не дожидаясь её возвращения ушла. Это была моя традиция, каждый раз выигрывая дело, добиваясь того, к чему шла в решении суда, каждый раз я молча оставляю вино и шоколадку секретарю. И с ростом моего дохода дорожает вино и шоколад. Это не взятка и даже не благодарность – это моя дань Фемиде, пусть она и слепа, но пусть будет справедлива.

Моё ходатайство полностью удовлетворили, возражений от обвинителя не последовало, и подсудимого, Князева Николая Фёдоровича освободили в зале суда по УДО. После оглашения суда была тишина. Режущая тишина недоверия. Лязг решётки и открывающегося замка, тихие, но уверенные шаги моего подзащитного. И его шёпот мне на ухо в его крепких объятиях:

– Спасибо дочка. Ты молодец. И не убегай, не решай с горяча.

Николай Фёдорович отпустил меня, точнее опустил меня на пол разжав свои объятия. И дальше объятия, слезы и поздравления от семьи. Но не меня. Они были одним целым, семьёй. Обнимались, девчонки открыто плакали пытаюсь сквозь слезы что-то сказать. Я тихо собрала свои вещи и убежала через все ту же дверку в коридор.

А потом бегом, со всех ног, я рванула к выходу. Там ждало такси, его я вызвала ещё, прячась в туалете, согласившись оплатить ожидание. Сумка с моими вещами ждала меня у охранников на входе, их я долго упрашивала, не хотела возвращаться в гостиницу.

И лишь, когда захлопнула дверь такси и задав направление в нужный аэропорт, я разревелась. У меня была истерика словно у глупой девчонки. Радоваться надо, такое дело выиграла с обвинения «преднамеренное убийство с особой жестокостью», а это десять-пятнадцать лет минимум, вышла на не преднамеренное, в состоянии аффекта и добилась осво-

бождения и это будучи госзащитником.

Я теперь стану популярной и востребованной, как защитник в уголовных делах. Журналисты, которых мне удалось избежать, сделают из меня личность, обсуждаемую. Но моё желание было быть как можно дальше от семьи Князевых и одновременно как можно ближе. По крайней мере к одному его представителю точно.

До регистрации я поела в одной из забегаловок в здании аэропорта. Пройдя регистрацию сидела погруженная в себя и тихо ранняя слезы. Только благодаря бдительным работникам я не пропустила рейс, мою фамилию не раз называли, но я не видела и не слышала. Просто сидела в зале ожидания у нужного выхода тихо плача.

А в какой-то момент почувствовала, как кто-то вытянул из моих рук билет и паспорт, подняла глаза и увидела ласковый взгляд женщины в форме уборщицы. Она вытерла мои слезы своим платочком. Прочитала фамилию в паспорте, улыбнулась. Подхватила мою сумку и сумочку в одну руку, а другой взяла меня под руку и повела к стойке. Передала девчонке за стойкой мои документы, а парню рядом сумки. Приобняла меня и шепнула с явным восточным акцентом: «жива, а остальное наладится». И ушла убедившись, что я твёрдо стою.

Часть 12. Ожившие сны или страхи родом из детства

В салоне самолёта меня узнала тётя Даша, она возвращалась с Москвы, гостила у дочки, помогала ей после рождения

ребёнка. Тётя Даша узнала меня, поменялась с моим соседом местами. Всю дорогу она молча поглаживала мою руку, ничего не спрашивая. Просто, когда я начинала всхлипывать, она начинала рассказывать какого внука ей подарила дочка, какой зять молодец. Какая у них квартирка, где работают. И при этом не выпуская моей руки, постоянно поглаживая.

Как я оказалась в автобусе не особо помнила. Просто, когда нас встретил встревоженный отец, она передала меня для объятий, а сама закинула наши вещи на заднее сиденье и села сама. Видимо она позвонила родителям в пути. Она же и забрала мою сумку и меня из самолёта и доставила до автобуса.

Я словно пропала, исчезла из реальности, потерялась в собственных чувствах. Но никак не могла совладать со своими эмоциями. Дома я была уже вечером, сразу ушла спать и во сне обняв своего волка опять плакала. А потом ещё два дня не выходила из своей комнаты, спала и плакала. Во сне уткнувшись в шерсть моего волка, подвывавшего и поскуливавшего моим слезам, а проснувшись обнимая подушку.

Бабуля и мама приходили, поили бульоном и уходили. Мне давали возможность самой прийти в себя и все рассказать. Знают, ещё с детства помнят, что, если не готова не скажу, а начнут спрашивать, вообще не откроюсь.

И вот на третий день моего пребывания в родном доме, как раз после обеда, когда мне собрались нести бульон, я вышла на кухню. Сначала вымылась и переоделась, а потом

взяв себя в руки вышла к своим родным. Села за стол и попросила чая, домашнего, который бабуля сама делает, травы и ягоды собирает, сушит и сама смешивает.

Дождалась отца, попросила маму ему позвонить, и когда все были за столом начала рассказывать. Все, без утайки. О Князеве, чьё дело выиграла, по реакции родных поняла, что фамилия им знакома. О семье Князевых, о том, что случилось со Светой и Лизой. О том, что случилось и с семьёй Владимира Григорьевича и его помощи мне.

И снова мне показалось, что моя семья знакома и с этим человеком, и с его семьёй. И рассказала о связи бабушки, его дела с моим. И о трёх братьях, двое из которых теперь мертвы. О том, в чем они замешаны и что третьего теперь разыскивают официально. И в самом конце рассказала о вернувшемся сне. О том, как именно это случилось и о том, что сон, словно не сон, а воспоминание продолжился, когда я уже не спала.

Рассказала и о волке в своих снах, новых снах, заменивших тот ужас. А потом разрыдалась и рассказала о Сергее и о себе. Что я позволила нам, себе... И как решила уйти не прощаясь. Я уже тысячу раз пожалела, надо было поговорить и расставить точки, не сбегая. А так теперь мучаюсь собственными сомнениями и переживая извечными «а вдруг», «а если».

Слушали меня не перебивая, на лицах моих родных была мрачность и сочувствие. Когда я разревелась отец сжал ку-

лаки. А бабуля хлопнула по его кулакам ладошкой. Успокоившись и выпив ещё чая свой рассказ завела бабуля.

– Твой дед был не просто успешный адвокат, он, как и Князев был главой нескольких семей, занимающихся общим делом. Наш древний род берет начало из донского казачьего дворянства, а точнее, наш род прямые наследники Вилковых, и не только этот хутор раньше принадлежал нашей семье.

Но в далёкие годы революции, спасая детей и женщин на семейном совете решили сменить фамилию на Волковых. Да и не только поэтому, но о второй причине потом. Мы так и жили на хуторах обособленно. Поэтому и выжили, почти все, даже в репрессии, раскулачивание и коллективизации. Мы жили как все, но помогали своим, когда тайно, а когда явно. Но и бежать с родной земли наш род не стал.

То дело твоего деда, так оно и было. И твой сон правдив. – Мама всхлипывала во время рассказа, а папа спал с лица. – Те три брата, разбойничали собрав вокруг себя себе подобных, бездельников, диких псов. Они похищали девочек из сильных родов надеясь присвоить и родить сильное потомство. Таких всегда хватало, – говорила бабуля, – они были, есть и к сожалению, вновь рождаются, а значит и дальше будут.

Они не просто воруют девчонок, а таких, чтобы потом родители за них все отдали, а если сделают своими жёнами, то обеспечили и их. Или вообще приняли в сильный род.

Мечтают так стать во главе рода. Поэтому похитив девочек у глав, стараются убить других наследников. Бродяги, одним словом, с дикими для нормальных семей традициями. – бабуля помолчала и с тяжёлым вздохом продолжила. – У тебя и правда была сестра и она погибла, жестоко убита была, на праздник костров. Для нас это не просто праздник, он связь с предками, традиция многих поколений.

И в нашей семье, роду, этот день перестал отмечаться – это словно измена нашим предкам, но мы боялись напомнить детям о пережитом. Тогда погибло много и детей, и взрослых, то что передавалось от поколения к поколению распалось в тот день и погибло с твоим дедом. Твой отец отказался от всего, переехал сюда и мы стали жить словно прошлого не было. Мы не хотели, чтобы ты училась и жила далеко от нас, там, где нет никого из наших семей, нашего рода. Мы боялись твоей встречи с прошлым. Но ты решила по-другому. Хотели вернуть тебя...

Да бабушка Дуся, знахарка, которая помогла тебе со снами, она сказала не мешать тебе, что так и должно быть. Именно так, а иначе будет хуже, в первую очередь тебе лично. Вот и оставили тебя в покое. Отец твой клич даст, вечером воскресного дня соберёмся всеми семьями, из наших, там и вторую причину узнаешь, почему мы Волковы. Пора тебе. Ты теперь наследница рода и тебе вести за собой. И не сопи так, глаза не пучь, времена сейчас другие, скрываться не во всем надо, а род наш восстанавливать надо. Предки веками стро-

или, нам преумножать надо, а не по углам прятаться.

Князевы твои, – последнее слово она выделила ухмыльнувшись, – тоже из рода древнего и тоже донского казачьего дворянства. Фамилию они не меняли, семью их тогда хорошо потрепали, многих забрали безвозвратно, особенно мужчин, за право сохранить фамилию своего рода они заплатили кровью. Но кто ж тогда знал, что все так будет. И, как и многие, они не ушли с родной земли, не сбежали. Выстояли и окрепли.

Я хотела возмутиться, что Князевы вовсе не мои, но смолчала, и без того много новостей. Папа ушёл по делам с бабулей. А мама обняла меня и рассказала про сестрёнку, Василису, и пообещала сходить со мной к ней на могилку. Так в слезах и в воспоминаниях прошёл этот день, вернувшись к нам присоединилась и бабуля.

Достала с погребца свою наливочку на ягодах настоящую и к ночи мы ещё и порядком успокоились домашним продуктом с градусом первачка. Поэтому субботнее утро у нас началось в обед. Нет, голова не болела, но что-то делать было лень. Поэтому папа, не участвовавший в нашем вчерашнем сабантуе придя на обед с работы усилено подшучивал с трёх полу спящих женщин за столом.

Лишь к вечеру я окончательно проснулась и решила прогуляться по улицам своего детства к самому берегу затона Грязный или к воложки Куропатка. К последнему от крайней улицы идти не меньше двух километров, но так я и не

спешу. Шла думая о своём, переваривая и свыкаясь с рассказом бабушки. И изо всех сил не вспоминая Сергея.

История повторяется. Я опять задумалась и ушла в свои мысли особо не видя ничего вокруг. И опять уткнулась в широкую грудь, выросшую из ниоткуда на своём пути. Сначала радость накрыла меня и хоть запах был совсем не Сергея, взгляд я поднимала наполненная предвкушения и надежды. А вдруг он, просто приехал ко мне или за мной. Уже смотря на острый подбородок меня захлестнуло разочарованием, не он.

– Простите. – Разочарованно на выдохе прошептала делая шаг в сторону желая обойти препятствие и опять опуская взгляд к дороге.

Но препятствие шагнуло со мной в ту же сторону. Я глубоко вздохнула, взяла его за опущенные руки придерживая и желая обойти снова сделала шаг в сторону. Препятствие рыкнуло. Схватило меня за подбородок и подняло лицо вверх так, чтобы я его увидела. И я увидела.

Страх, нет животный ужас, исходил от препятствия внушая его всем вокруг. Сердце забилось быстрее, но в отличии от моей первой встречи с Сергеем, меня не парализовало. Я чувствовала ужас вокруг, словно липкие щупальца он пробивался пытаясь поселиться во мне, завладеть целиком. Но я боролась. Боялась – да, но ужас, словно чужой, навеянный, не впускала в себя.

А ещё, его глаза, они сверкали и злость, ненависть и жела-

ние убить, разорвать на месте в них были сплетены в единое. Не знаю, как я это все различила от одного взгляда на него, но я просто знала – я права в своих ощущениях. И сейчас наши взгляды схлестнулись и от того, кто первым отведёт взгляд зависит выживу ли я сейчас, в этот момент. А о потом думать будем потом.

Я собралась, смотрела в глаза, я боялась, но мой страх давал мне силу не отводить взгляд, покорять. В конце концов, я наследница древнего рода, как сказала бабуля, мне вести за собой. Я Волкова, а не напуганная девчонка.

Он первым отвёл взгляд и даже опустил голову вжав плечи. На моих губах заиграла довольная улыбка. Я не боюсь. А если и боюсь, то это мой страх, личный и глубокий, он не останавливает перед препятствиями, а помогает его преодолеть. Я смотрела в лицо своему страху родом из детства.

Я узнала его среди тех волков, точнее мужчин, которым я дала образ волков, он был там, ещё мальчишкой. И он очень похож на обоих своих братьев. И на того, со шрамом через всю морду, и на того с порванным, почти отсутствующим ухом. Его ищут в Москве и по области, а он тут, преследует меня со своими друзьями.

Я понимала, он не один, сбежать или отбиться я вряд ли смогу. Но и бояться их я не хотела, не могла. Этот страх остался там, в далёком детстве. Я огляделась, вокруг стояло ещё человек семь или восемь. Все в свободных спортивных штанах и обуви, и футболках с короткими рукавами. И не

холодно им?

Все, как и тот что играл в гляделки со мной с полуопущенной головой. Как их там, старший был Владимиром, средний Владиславом, а этот, младший Вячеславом и все трое по отцу Вольфовичи. Как символично относительно моего сна, с немецкого вольф – волк.

Наверное, после того происшествия я услышала отчество и перенесла их образ на волков. Я ещё больше растянула губы в ухмылке. Вячеслав Вольфович Фонберин значит, а что, возможно предки его немцы. В России часто приставки к фамилиям «фон» объединяли и переименовывали, вот и фамилия указывает на немецкие корни. Что ж ты задумал делать, раз явился за мной аж сюда. Я уже не ребёнок, переломать мне хребет не получится. Я просто так не дамся.

Да и от жилых улиц я не так далеко ушла, наверняка услышат и прибегут на помощь, не верб что в нашем хуторке не видели куда я ушла и не доложили моим, а может и вообще пошли следом. Послали моих друзей детства к холостой и перспективной, а за ними наверняка увяжутся и девчонки. И если перспектива защиты меня мелкой, мне привлекательна, то рисковать девчонками не хочется, совсем.

– И что дальше, Вячеслав Вольфович Фонберин? Решили пойти по стопам родных братьев? Или воюете с женщинами?

Он так и не смог поднять голову, зарычал во всю свою дурь мотая головой.

– Связать сучку. Обездвижить и отключить её, сейчас!

Он отдавал команды рыча. И через несколько мгновений у моего рта и носа чья-то рука сжала вонючую тряпку. Я сопротивлялась, вырывалась и царапалась, но темнота накрыла быстро. Что было дальше не знаю. Но в моем вынужденном сне или бессознательности ко мне пришёл мой серый волк. Он ластился ко мне, тёрся и лизал лицо и руки. И я расплакалась обняв его.

И не знаю почему, я рассказала ему обо всем. И о Сергее Князеве, этой сволочи, гаде бессовестном, позволившем на моих глазах тереться об себя другой. Этот гад позволивший её мамочке и бабушке сватать и хомутать его на моих глазах. И он не просто позволял всему этому произойти на моих глазах с Олей, уже во второй раз, он был мягок и вежлив с ней.

Я рассказала каким он был со мной, когда не хотел меня видеть, не хотел быть мягким и вежливым, ласковым. Я жаловалась своему волку ведь я не испытывала вежливости и нежности, а с другой он был таким. Да, своему волку я призналась, наверное, я не только обижена, я ревную. Но эта ревность не от любви, в ней мы не признавались друг другу.

Эта ревность к нашему совместному, пусть и короткому проживанию. И вот, он не поставил на место влюблённую девицу, не выбрал меня, а мило улыбался и слабо отбивался. Так не поступают, когда есть кто-то больше чем просто знакомый. Так не поступают с тем, кто дорог, с тем, кто не безразличен. Жаловалась какая я дура и что на придумыва-

ла себе не весть чего. И мой волк скулил и ластился, лизал руки и слизывал мои слезы.

А когда я под конец слёзной тирады заявила, что младший братец серийных убийц-маньяков, со своими прихвостнями не хуже, чем у Сергея при нашей первой встрече, только побольше в численности, похитил меня бедненькую, мой волк взвыл и рыча заглянул мне в глаза. Он словно что-то хотел сказать. Но мне стало холодно и мокро, а щека горела огнём и болью.

Я открыла глаза. Так, руки связаны, ноги тоже. Я сижу на полу. Все серое. мрачное и полумрак, дверь в коридор открыта и только оттуда светит свет в мою... Так, а что это собственно, где я? Я осмотрелась по сторонам. Сырые стены, потолок и пол. А я вообще сижу в луже, а рядом ведро, наверняка из этого самого ведра меня и облили приводя в чувства. Одежда промокла насквозь, растрёпанные, мокрые волосы липли к шее, щёкам и лезли в глаза. В одном из углов светятся шесть маленьких огоньков и шевелится тень. Так, видимо тень это один из похитителей.

– Ну чего жмётесь в углу? Испугались девчонку или стесняетесь?

Голос порадовал, звучал ровно и даже жёстко. Хотя душа в пятках от страха. Что же делать, как выпутаться.

– Глупая девочка, отважная, но глупая. – Фонберин младший вышел из тени и приближался рассматривая меня брезгливо, словно грязь на его дорогих туфлях. – Только я чув-

ствую твой страх. Сладкий и липкий, словно карамелька. Я помню его вкус с тех далёких дней праздника костров, когда ты была ещё ребёнком. Ты смогла обернуться ещё тогда, совсем ребёнком. Сколько мы не пробовали потом, все погибали, если у кого и получалось, то только на половину. А ты выжила и даже вернулась назад сразу, я видел.

Он помолчал словно вспоминая.

– Братья хотели тебя себе. И они оба мертвы. А я жив. Нашёл тебя. Ты в моей власти, хотя я никогда не хотел именно тебя. Но что я вижу? У тебя уже есть метка и не простая – истиной пары. И с кем? С этим *Серым*? – Он выплюнул словно ругательство прозвище Сергея. – Ты должна была быть нашей! Все эти земли должны быть нашими! Наши!

Похоже человек свихнулся окончательно. Обороты, метки, земли... Псих, точно, все три братика психи и маньяки, а ещё педофилы. Может им тоже снятся сны про волков, как мне. Только они в них поверили и обезумели.

– Так, псих самоучка, какие к черту земли? Моей семье принадлежит один дом на хуторе и квартира в городе. И все. Слышишь – это все. Ох, права была бабуля – дикари.

– Не смей!

Он кричал и рычал одновременно. Но почему-то страх спрятался глубоко и далеко в душе. Он не ушёл полностью, но теперь лишь помогал мне, подталкивал к осмыслению сложившейся ситуации, а не владел мною парализуя. А прямо сейчас мне стало до абсурдно смешно. Именно, вся эта

ситуация была театром абсурда, все его слова и злоба. Смешно, не страшно. Я могу умереть, вот такая мокрая, связанная и запертая не известно где, но мне не страшно. Я даже тихо захихикала. Наверное, это нервное. Или лимит по страху мой организм превысил.

– Не смей!

– Прости – прости. Продолжай, я слушаю. – Я давилась смехом пряча его за кашлем. – Вот ещё чуть-чуть, и я обязательно испугаюсь и начну плакать, биться в истерике и умолять отпустить.

Все, мои собственные слова стали последней каплей. Я уже не пряталась, смеялась открыто. А мой похититель зарычал диким зверем и размахнувшись ударил по щеке ладошкой, на отмажь. Громкий хлопок и щеку опалило жаром и болью. Я не удержалась и завалилась на бок больно ударились плечом, встретившимся с каменным полом. С глаз полились не прошенные слезы сопровождая боль. Но и это не дало воли моему страху. Скорее помогло прийти в себя и начать думать. И первая мысль была о том, что не стоит больше его злить.

А Фонберин в это время не громко свистнул. Я вывернулась пытаюсь сесть и закинув голову посмотрела на него. Злость и какое-то бешеное нетерпение было на его лице, и он не скрывал этих эмоций от меня. В углу от куда он вышел чуть раньше послышался шум. Я уже почти села привалившись к стене, пыхтя и изворачиваясь. Не так легко это делать

со связанными руками и ногами. Повернула голову в тот самый угол.

Уловила движение огоньков, а потом они погасли, а на их месте в тусклом свете падающем из открытой двери появились скалящиеся морды. Сначала мокрые, черные носы и зубы, а потом и сами тела, огромные, мускулистые волчьи тела на мощных лапах. Таких же больших, намного больше чем в зоопарках, волков. Этот псих что, на самом деле помешался и держит волков?!

– Стеречь. Не рвать, сильно.

Он дал команду ухмыляясь и не смотря на меня. И просто ушёл. Не закрыв дверь, да и зачем, с такими-то охранниками при связанной и слабой девчонке. Три огромных волка, размером с сенбернара или дога. Они стали полукругом напротив и скалились порывкая. О, вот теперь я боялась, не с ужасом и замиранием, а с разумным страхом, вызывающим к инстинктам самосохранения. И он придал сил и уверенности, подтолкнул к действиям сразу же как в коридоре окончательно стихли удаляющиеся шаги.

– А ну фу! Хватить скалиться! Фу, сказала. И вообще, сидеть!

Говорила жёстко, отдавая команду, не крича и не двигаясь. В слова вложила всю свою волю и желание. И они подчинились. Хлопнулись на свои зады, перестали скалиться и рычать и даже уши прижали, словно осунулись. А потом вообще посмотрели друг на друга, как-то не по-звериному, слыш-

ком умно. Это вдохновило меня. И я уже улыбаясь и радуясь своей победе продолжила без тени страха.

– У-у-у, какие умненькие. Вы же умненькие? Да? И хорошие?

Наверное, я свихнулась. Видимо похитив меня били головой. Потому что мне показалось, что эти огромные волки напротив согласно мне кивнули своими мордами. Пусть приручённые, но они же животные. Эту мысль я и озвучила переводя взгляд с одного на другого. И на всякий случай уточнила:

– Я свихнулась? – Отчётливый отрицательный кивок. – Вы умные? – Согласный кивок. – Ну раз умные, развязывайте меня и валим отсюда. И вы со мной. Такие умненькие в хозяйстве пригодятся. Если выживем.

Двое волков подскочили ко мне виляя хвостом. А третий на пару секунд пропал в окутавшей его серой дымке, словно туман сквозь который ничего не видно. Я сглотнула. Сердце пропустило удар. Слишком это знакомо. Во мне поселилось не хорошее предчувствие. И оно оправдалось. На месте третьего волка сидел голый мужик. Может я все-таки свихнулась...

В голове пронеслись мысли, воспоминания из моего ночного кошмара. Там тоже были огромные волки. И я отчётливо вспомнила, что отец и дед и многие другие были голышом. Я вжалась в стену. По щеке потекли слезы и сердце застучало словно пойманная птичка в клетке. Нет, я не бо-

ялась. Я просто стала вспоминать. И многое стало видеться по-другому. А тем временем голый мужик придвинулся ко мне и развязав мне ноги потянулся к узлу за спиной стягивающему руки. Он слегка потянул за плечо молча прося доверится ему и развернуться.

А я не верящее уставилась на него погруженная в свои мысли, воспоминания. Я была готова сорваться на истерику. Глупо выпучив глаза разглядываю его и волков по соседству. Или нет, не волков – оборотней, из сказок и легенд. Он нажал чуть сильнее смотря мне в лицо. Я повернулась спиной, пусть развязывает. Потом буду предаваться переосмыслению и воспоминаниям. А мой глюк, я ещё пока не смирилась с обратным, заговорил.

– Только не забудь Волкова, ты обещала взять нас в стаю, если поможем и выживем. – Да, Волкова, влипла, пока ещё не знаю во что и как глубоко, но влипла и это точно.

– Я и не отказываюсь. Попрошу отца помочь. Стая... это значит есть вожак, узнаю кто он и попрошу. Но если вы зверствовали с ними – пеняйте на себя.

– Странная ты. Ты и есть вожак своей стаи. На тебе метка, свежая правда. И воля у тебя такая, что тогда на берегу он даже испугался и подчинился. Поэтому и связали тебя и тут держат, в одиночке, и тогда сознания тебя лишили.

– А где твоя одежда? – Все что он говорил слишком для меня. Я решила задать самый глупый вопрос из всех, лишь бы закрыть эту тему, пока. Я не готова.

– Ты совсем молодая. Мой волк чует твоего, но он словно скрыт. И не переживай. Мы новички. Мы из северных лесов. Были глупы и по молодости ища приключения ушли из стаи. Не так давно встретили этих на пути. Нам предложили присоединиться в поисках пустых земель или боя за новые. Ты наше первое задание. Только нам не по душе творящееся здесь и порядки внутри этой стаи. Да и все услышанное от бывалых...

Уйти мы решили почти сразу, когда поняли кто такие эти вожаки. У нас в стае тоже была встреча с ними и многие погибли тогда. Это было давно, когда были живы ещё все три брата. Мой отец так погиб, защищая девочек, я был тогда совсем ребёнком. – Он говорил, развязывая меня, помогая встать на ноги и поддерживая пока я делала первые не уверенные шаги на отёкших и замерших ногах. Он даже помял мне плечи и растёр руки и спину. – Мы втроем из одной стаи, и мы все кого-то тогда потеряли. Сеня, – он махнул головой на одного из волков и тот лизнул мне руку – он потерял мать, она защищала нас. А Дэн потерял двух старших сестёр, его родители не смирились с потерей... Словом, мы задержались с ними, только узнав о их планах. Решили помочь тебе и попроситься в стаю. Наши нас не примут назад узнав с кем мы связались. А ты сама предложила.

Он подталкивал меня к выходу. А потом и по коридору. А я молча слушала и боялась поверить. Но и не верить не могла. И в голове билась набатом только одна мысль: «обо-

ротни реальны, они существуют». А потом, уже на улице, когда я вдохнула прохладный воздух, я начала осознавать, мой отец, мой дед, я – мы все оборотни. И Сергей и вся его семья... Недомолвки, оговорки... теперь все выглядело совсем по-другому.

Меня тянули мимо каких-то полуразрушенных зданий старой фермы. Мои сопровождающие прислушивались, принохивались, останавливались и перебежками все дальше удалялись уводя меня от шума людей... оборотней. На улице мы все молчали, я от шока свалившейся на меня информации, а мои подельники опасаясь преждевременного преследования. Лишь пробежав через поле, среди посадки деревьев перед другим полем, со мной заговорил все тот же голый мужик, чьего имени я так и не знала.

– Дальше надо оборачиваться и уходить в крупный город. Так легче выйти на стражей и волчий суд. – Мои глаза округлились в немом вопросе. Но спросила я не о «стражах» и не о «волчьем суде», и даже не о том, как это оборачиваться.

– Правильно, а то голый тут ходишь и не стыдно?

Голый незнакомец засмеялся, оборотни тоже. Я так думаю их твякающий лай и хрюканье были смехом.

– Я кстати, Ян. И оборачиваться надо всем, иначе можем не уйти.

– Но я не могу. Я не знаю. Я не...

Меня охватила паника.

– Все, все, все. Не переживай. Я понял. – Он смотрел на

меня с жалостью и тоской и так же смотрели волки. – Ты не оборачивалась после того случая о котором рассказывал Фонберин.

– Я до сегодня вообще думала, что все то что случилось у костра плод моих фантазий. Особенно в части волков.

– Ясно, до города не успеем дойти. Будем возвращаться в твой хутор. Придётся бежать. И много. И я попробую пояснить тебе о связи с парой. В теории я об этом знаю. А ты если получится свяжись с ним, Князевы сильная стая, они помогут. Но все будем делать на ходу. Поэтому если хочешь в кустики, то сейчас самое время.

Мы бежали, много и без остановок. Два оборотня, один впереди, один позади, я и Ян. Он крепко держал меня за руку и тянул на бегу. Если я спотыкалась ловил и ставил на ходу на ноги заставляя бежать дальше. Бежали по полям и посадкам, пересекали реки вплавь. Ян оборачивался, а я хваталась за одного из оборотней и меня доставляли на другой берег. И мы снова бежали не останавливаясь ни на минуту. Ян говорил, как надо мысленно говорить со своей парой. Но я не понимала. Да и понять на бегу было сложно.

Меня одолевали другие мысли. На улице холодно, уже даже морозно, я мокрая, но холода не чувствую, точнее нет, чувствую, но не мёрзну как должна была бы. А ещё, мы бежим несколько часов, а моё дыхание хоть и тяжёлое, но не сбилось. Нет боли в боку и усталость, она есть, общая, но не от бега. Мне нравится сам бег. Внутри разливается удо-

вольствие, чувствуя ветер и что-то рвётся, спешит вперёд, обогнать, обойти...

А потом оборотни напряглись и забеспокоились. Они оглядывались и ускорялись, поскуливали и смотрели на нас с мольбой.

– Они обнаружили побег и идут по следу. Ещё далеко, но они в обороте и двигаются быстрее. Нам тоже надо ускоряться. Мы будем меняться в человеческом облики, не пугайся.

И Ян обернулся, рыкнул, гавкнул и один из волков обернулся подхватив меня за руку.

– Я Дэн.

Голубоглазый блондин с кудряшками широко улыбнулся мне. И мы побежали ещё быстрее. Я стала чаще спотыкаться и все мысли ушли на потом. В голове только билось: быстрее, быстрее, ещё. Дэн так же подхватывал меня на ходу и помогал восстанавливать равновесие и ритм. А потом он вдруг упал и продолжил бег на всех четырёх лапах в виде волка.

– Я Сеня для своих.

И Сеня подхватил меня на руки. Бег продолжился, но уже намного быстрее, я их задерживала и сильно и только сейчас поняла на сколько. Теперь ветер ожигал морозом, на вдохе Сеня со мной на руках успевал сделать несколько шагов. И ещё, он был горячим. Я прижалась к нему. Теперь, когда я сидела на руках не двигаясь я стала подмерзать. Зато теперь я смогла обдумать слова Яна о связи со своей истиной парой. И отбросив все обиды и недомолвки попробовать передать

ему свою мысль. Точнее крик о помощи. Требование о спасении. Я прикрыла глаза. Представила себе Сергея. Его запах, улыбку, вкус его губ. Его дыхание, как его грудь поднималась и опускалась под моей щекой, когда я просыпалась с ним.

Где же ты... Мой ли ты, как все говорят... Отзовись. Я, я...

В мыслях возникла песня, старая песня в исполнении и авторстве Александра Иванова. Мои сверстники не слушали такие, но я, услышав однажды, зазубрила её наизусть и сейчас она сама возникла в уме словно ниточка с каждой строчкой, с каждым словом она тянулась к нему.

*Как получилось, не знаю,
Но среди белого дня,
Ты, словно пуля шальная
Мимо промчалась меня...
Как растерялся тогда я,
Чувствуя сердцем беду...*

*Я без тебя пропадаю,
Я без тебя пропаду!*

В голове звучала мелодия, я пела, пела моя душа и сердце. А ещё я чувствовала, что кто-то внутри меня, не чужой, а часть меня, забытая и ослабленная часть меня самой, тоже подпевала, подвывала мне зовя свою половинку. Мой волк, осознание словно ведро холодной воды привёл в чувства. Я

сбилась с ритма и открыла глаза. Не вовремя открыла. На пару шагов впереди бежал голым Дэн, а Сеня кинул меня ему в руки и обернулся. Я завизжала. Жалобно и не громко. Но когда меня поймали быстро замолчала.

– Прости, мы ослаблены, поэтому меняемся часто. Плохое питание и долгая дорога. Фонберин гнал нас за тобой с Москвы, всю стаю гнал, без полноценного отдыха и нормального питания. А потом, схватив тебя, мы больше суток бежали на ту ферму. Это земли и ферма твоей семьи и там его брат планировал обосноваться. Поэтому ему знаком тут каждый кустик и нам надо спешить. Но ты не отвлекайся. Пытайся достучатся до своей пары.

И я глубоко вдохнув прижалась к своему спасителю и транспортному средству. Я грелась прижавшись к его груди. Снова прикрыла глаза. Снова представила Сергея и даже почувствовала вкус его поцелуев. Где-то глубоко во мне зашевелилась моя волчица. И я попросила её помочь мне. Медленно и глубоко дыша я попросила её найти того, кто дорог нам обоим. И она словно услышала и поняла. Она сливалась со мной и скулила знакомую мне мелодию. Я ощущала, как она перестаёт быть собой. Как я перестаю быть собой. Мы становимся одним – единым. Я и есть эта волчица, тот зверь внутри меня – это я сама. Моя суть. Как говорила бабуля, мой древний род с тайной. Вот она вторая тайна которую мне не успели сказать. Я оборотень и волк не внутри меня, а часть меня. И я зову своего любимого – оборотня. И я запела

и заскулила одновременно.

*Отзовись, помоги мне,
найди меня. Отзовись!
Я без тебя, я без тебя,
Я без тебя пропаду!*

*Что за причина такая?
Чем я обидел тебя?
Если виновен – то каюсь,
Душу свою беребя...
Ночью на звёздах гадаю,
Места себе не найду...*

*Я без тебя пропадаю,
Я без тебя пропаду!*

Кажется, я уснула. Потому что меня разбудили тормоша и рыча почти в ухо.

– Волкова, просыпайся. Черт тебя дери. Волкова!

– Что случилось. Я что уснула? Тогда почему он не пришёл? Почему он не пришёл во сне? Он всегда приходил ко мне во сне, всегда!

По щёкам потекли слезы. Я даже забылась и не заметила, что будивший меня, уже Ян, говорил испугано. И не сразу поняла, что уже ночь и судя по звёздам над головой глубокая ночь.

– Князева прекрати истереть, нет на это времени. У нас

проблема. Нас нагоняют. Нам ещё часа два три бега до ближайших домов. Но там простые люди и идти к ним опасно для них. А до твоего хутора, где полно таких как мы, не меньше четырёх часов и плюс надо реку переплыть. Мы не успеваем. Нас нагоняют. Я чувствую их даже в человеческом облике. Нам не оторваться.

– Ян, я правильно поняла, нас догонят в любом случае?

– Да, правильно. В человеческом облике слишком сильный запах остаётся и сил меньше, поэтому нам не оторваться.

– А в волчьем?

– В волчьем есть шансы.

– Тогда оборачивайся и бегите.

– Нет. Это даже не обсуждается.

Ян строго, словно отчитывая напакостившего подростка отчитывал мне за эти слова, а волки ему согласно подрыкивали и подгавкивали.

– Все я поняла. Меня не бросят одну. И мы пропадём все вместе. Такой у вас план. Вы говорили у меня метка вожака стаи. Значит решать мне. – Волки заскулили. – Если бросать меня вы не хотите, то разделимся. Двое самых быстрых из вас пусть в облике волков бегут на хутор и все расскажут моему отцу или бабуле, если его нет дома. Да кому угодно из наших. Пусть поднимут всех. Пусть привлекут ваших стражей и судей, о которых вы говорили. Можно и просто полицию вызвать, Фонберин в розыске. А я и ещё один смертник

будут бежать людьми пока нас не нагонят. Так шансов будет больше.

Через несколько мгновений рядом со мной бежал голый Сеня и ловил меня брошенную ему в руки.

– Хорошая мысль вожак. – Он улыбнулся, скованно, но ласково. – Из всех я самый выносливый, легче переношу боль. Поэтому с тобой останусь я. А ребята побегут вперёд разделившись. Так и след запутают и шансов больше, что догнав нас, в азарте, их запах не заметят.

Через пару минут ребят, оборотней, уже не было видно. А мы бежали уже вместе держась за руки. Иначе мой запах будет не чётким, и преследователи могут разделиться. А так мы, возможно уведём их за собой.

Через пол часа я уже слышала далёкий вой. Страх не было. Был азарт. Я оборотень и вся моя натура рвалась в бой и в бег. Не смотря на усталость и холод все горело внутри. Хотя нет, вру даже себе. Я боялась, но не в ужасе или панике, а в испуге за то, что будет дальше. Удастся ли наш план. Успеют ли ребята. Останемся ли мы в живых. И ещё опасения, что все ошиблись, и Сергей не моя пара, метка не настоящая и он не отзовется, не поможет, не услышит и не придёт уже больше во сне серым волком... Но этот страх только придавал сил и заставлял бежать не останавливаясь.

Я оступилась. Как обычно меня подхватил и помог не сбавляя темп обрести равновесие мой спутник. При этом Сеня обернулся и сбился в дыхании. Я обернулась в том же на-

правления. За нами бежали волки, много, очень много...

– Он гонит всю стаю... Одно радует, все идут за нами.

Часть 13. ...От любви до любви

Металлический бой.

Только выдох и вдох

И я рядом с тобой.

Ранним лучом к тебе

Летним дождём к тебе

Снежной зимой к тебе

Нежной весной к тебе

Ранним лучом к тебе

Птицей в окно к тебе

Только к тебе

Снова к тебе...

(исполнитель А. Барыкин)

Ночь. Тёмное небо в россыпи звёзд. Свежий, морозный воздух. И это все хорошее что есть в сложившейся ситуации на этом и заканчивается. Ну разве что шанс на то, что Дэн и Ян доберутся до хутора и за ними нет погони. Что нас найдут и найдут вовремя, живыми. Ну и я стою не одна. Рядом со мной друг, мой новый друг и он не бросил меня, не отрёкся. Стоит абсолютно голый и крепко сжимает ладошку прикрывая меня собой от прибывающих оборотней.

А я, вот сейчас я замёрзла. Моя одежда покрылась морозной коркой. Вода превратила её в тяжёлую и жёсткую. Каж-

дое движение и замёрзшие складки моей одежды раздражающе царапают. Из горла вырывается пар при каждом выдохе. Зубы стучат. Да, если выживу, то слягу, впервые в своей жизни, с простудой. А ещё, я боюсь, за себя и за ребят, особенно за Сеню.

Первые волки нагнали нас ещё минут десять назад. Это были молодые, худые и усталые ребята и девчонки. За ними прибывали и прибывали волки. Чем позже приходили волки, тем хуже был их внешний вид.

Худые, некоторые на столько, что бока были впалыми и торчали ребра. Шерсть не лоснилась, совсем, у многих отсутствовали клоки и были проплешины. Многие были в шрамах, некоторые в свежих. И все замученные и грязные. Даже дикие стаи волков выглядят, наверное, лучше, чем эти оборотни.

А в глазах... Если у первых было торжество погони, ненависть и предвкушение. То у последних прибывающих было сочувствие с усталостью и безысходностью, от них словно исходила аура тленом и готовностью умереть, но не идти дальше. Вокруг нас собралось много оборотней и все в волчьем облике.

Я насчитала в около двадцати, но могла сбиться. Они сидели, лежали и прохаживались по кругу. Все ждали Фонберина. Я уткнулась лбом в плечо Сени. Прикрыла глаза. Не смотря на одолевший меня холод до дрожи и стука зубов, постаралась дышать ровно.

Я опять вспоминала Сергея и звала его. Теперь не делая себя и зверя, я – это я. И я всем своим существом хочу, чтобы он меня услышал. И я опять запела и заскулила, я подвывая себе. Кажется, скулила я вслух. Я не просто звала Сергея, я молила отозваться его душу, его сердце.

*Я без тебя, я без тебя,
Я без тебя пропаду!*

*Только надежда не тает
В отзвуке прожитых дней...
Лесенка жизни крутая –
Вместе идти нам по ней.
Я в облаках не витаю,
Лёгкого счастья не жду...*

*Я без тебя пропадаю,
Я без тебя пропаду!
«Маленькая моя, Леночка? Где ты, родная?».*

Он ответил, он услышал. Я всхлипнула, слезы потекли из глаз по щёкам и по спине Сени. Он напрягся, спину и без того ровная, словно окаменела.

– Не раскисай Волкова, ещё есть время. – Он шептал, но видно волчий слух намного лучше, чем я представляла. Потому что я услышала лающие рыки, открыла глаза и увидела смеющихся волков. Если это можно назвать смехом. Ну

да, сначала скулила, теперь плачу и жмусь к мужику. И со всхлипом я прошептала.

– Меня слышали Сеня.

– Тем лучше. Смеяться надо, а ты слезы льёшь. Продолжай. Скажи мы сейчас на северо-востоке от хутора в двух – трёх часах бега волком. И скажи пусть сам пробивается к тебе, ты слаба и не опытна, на долго не хватит.

– Ты слышишь, Леночка, родная, где ты?

– Тот серый волк – ты. – Я не спрашивала, я констатировала факт. – Мы на северо-востоке от моего родного хутора Тумак, часах в двух-трёх бега, волчьего. Меня похитил Фонберин Вячеслав, он младший брат того, по делу твоего отца, тут вся его стая. Мне помогли бежать три новичка. Но мы не смогли оторваться. Двое бегут на хутор, я их послала за помощью и предупредить. Один со мной сейчас, Сеня. Нас уже догнали. Вся стая тут, самого Фонберина нет. Я боюсь, если он придёт на хутор, там много детей и стариков.

– На хутор я отправил своих людей, ими руководит Петья. Туда же вызвали стражей, не переживай. Я ищущу тебя. Сразу как ты во сне сказала, что тебя похитил этот урод.

– Мне плохо удаётся звать тебя.

– Потому что ты не обращалась.

– Сеня сказал, чтобы ты сам пробивался ко мне. Мне не хватает сил и их все меньше.

– Мы ищем тебя. Я ищущу тебя. И я буду рядом, хотя бы

мысленно, я ...

Меня резко дёрнули за руку оторвав от Сени и рассеяв концентрацию. Я открыла глаза. Самого Сеню уже оттаскивали нанося удары несколько молодых ребят обернувшись людьми. Сеня не сопротивлялся. Чуть дальше лежала огромная сумка и оборачиваясь молодые волки одевались и обувались. Ещё дальше стоял внедорожник с выбитым боковым стеклом. Наверное, Фонберин его украл и ехал следом с вещами. А я пропустила момент возвращения, этого психа, Фонберина младшего, к своей стае. Он подтянул меня к себе резким рывком и приподняв за подбородок заглянул в глаза. Внимательно смотрел, искал что-то.

– Уже спелась со своим щенком?

Он оттолкнул меня, и я упала на спину. Подмёрзшая перепаханная земля больно впилась в спину. С глаз прыснули слезы. Я поднялась на руках и оглянулась. Не раскисать, держаться. Села. Вдох, выдох. Чуть дальше развели костёр и что-то варят в огромном котелке, и когда успели. Видимо вожак этой стаи соизволил покормить стаю. У костра собрались уже одетые молодые оборотни. Те что слабее держатся подальше от костра. Все оборотни в человеческом облике были истощены и выглядели устало.

– Осмотрись, сучка. Мне плевать на метки пар и прочую чушь. Ты будешь моей подстилкой и с тобой ко мне перейдут и земли. К месту не привыкай. – И он закричал уже для всех. – Едим и трогаемся в путь.

Меня связали, и кто-то постоянно дёргал, щипал или пинал меня не давая сконцентрироваться. Сеню я не видела.

Поев прямо из общего казанка, огонь затушили и вещи собрали. Приехал грузовик все загружались прямо в кузов. На угнанном внедорожнике за рулём сидел Фонберин, меня посадили на заднее сидение, по бокам село двое молодых ребят. Впереди молодая девушка. В багажник закинули избитого и без чувств Сеню, он тоже был связан. Когда меня впихивали на сидение, я видела, как проносили связанного Сеню, всего в крови, в разорванной и грязной одежде, в синяках и открытых ранах.

– Куда мы едим?

– Какая разница куда, главное с кем. Ты со мной и это не изменится. Запомни. Смирись. Прими меня своим мужчиной, тебе ещё понравится. Иначе каждый раз буду ломать. До тех пор, пока ваша связь сама не испариться. Ты же знаешь, что происходит со связью пары и с меткой, если она с другим покувыркается? – Он посмотрел в зеркало заднего вида настроив на моё лицо. – Не знаешь. Что ж, Динка расскажет тебе. Да Дина? – Он посмотрел на девушку на пассажирском сидении и улыбнулся ей. И она ответила, даже протянула руку и провела ей по щеке. Слишком нежно и ласково.

– Это больно, физически. – Она говорила ровно, даже безразлично, слишком уж безразлично. – Связь и метка причиняет боль воспринимая касания другого изменой. И каждый раз, когда ты получаешь удовольствие в других руках метка

темнеет, а связь... Она тускнеет, а потом и вовсе исчезает. А метка, она становится похожей на вдовью.

– Но тебе не стоит переживать, мне доложили, что твой щенок кинулся по следу. Сам за тобой отправился. Так что твоя метка, вдовья, будит настоящей. Причём очень скоро.

Ехали мы долго и в итоге я уснула, может сопровождавшие меня прозевали или сами устали и не заметили, но меня не разбудили. И во сне мой серый волк меня ждал. Он рванул ко мне через всю поляну и в последнем прыжке обернулся. А я, я увидев своего волка просто упала на колени и разревелась обнимая себя за плечи. Он уже человеком подошёл и не смело обнял меня. Притянул к себе, а потом и вовсе взял на руки. И целуя лицо, нашёптывая нежные и успокаивающие слова нёс в лес.

– Куда мы?

– У каждой стаи есть совет. Я рассказывал. И только он может принять новенького в стаю.

– Но у меня есть стая. Моя семья... – Он перебил говоря быстро и чеканно.

– Ты вожак, у тебя проявилась метка. Принять тебя в стаю мы не можем, даже моей парой. Но мы можем объединить стаи. Сейчас. Это даст право моей стае стать на защиту твоих не спрашивая разрешения у стражей. Ты же не против объединения?

И он замер на месте заглядывая мне в глаза.

– Не знаю... Я то и вожаком как стала не знаю...

Слезы полились с новой силой, а Сергей крепче прижал меня к себе.

– Милая. Я все понимаю. Ты жила много лет думая, что реальность это всего лишь сон, страшный сон из детства. Но я должен услышать ответ, да или нет.

– Да.

Я прошептала, но он услышал. Крепче прижал меня и понёс бежал, почти летя в гущу леса. На поляне полупрозрачными ликами были волки, много волков. А в центре у костра стояли люди... Точнее оборотни в человеческой шкуре.

– Стая поддерживает твою просьбу об объединении со стаей твоей пары, Сергей. – Этот полупрозрачный образ женщины и голос... Я вынырнула из укрытия на руках у Сергея и посмотрела в сторону голоса. Тётя Катя, а рядом Князев Николай Фёдорович и Петя, и Владимир Григорьевич, и девушка, ещё совсем молоденькая, но такая серьёзная.

– Не трясись малыш. Это совет нашей стаи. Я тебе о нем тоже рассказывал. Надеюсь помнишь. Такие вопросы даже вожак не решает сам. Только совет. Я будущий вожак, из всех членов нашей стаи только у меня есть та воля, которая позволит стать вожаком. Смещать отца я не собираюсь. Поэтому у меня нет метки вожака. В твоей стае после смерти вожака, им был твой дед, вожака нет. И вот ты вернулась, сильная и смелая и метка возникла сама, потому что стая тебя приняла. Объединение стай, это не слияние. Поэтому твоя стая просто будет под началом нашей, но все решения

будут приниматься только с вожаком или советом двух стай. И не во вред никому. Просто поверь мне. – Он уже шептал мне на ухо наклонившись, ведь поставив меня у костра рядом с собой на ноги разница в росте ощутимо выделяла меня.

– Я верю.

– Волкова Елена Макаровна, вожак Волгоградской стаи, внучка погибшего вожака и его наследница, по твоей ли доброй воли ты идёшь на объединение твоей стаи с нашей? – Голос тёти Кати был серьёзен и строг и так не вязался с тем, который я привыкла слышать, что я не вольно вжалась в Сергея и схватила его за руку. Этим заслужила смешки со всех сторон, даже волки скалясь гавкали словно смеясь. И я покраснела от стыда. Вот вам и вожак, смелая и сильная, ага. Сергей же, только сильнее прижал меня и поцеловал в макушку.

– Да. – Уверено произнесла. – Я добровольно соглашаюсь на объединение во благо обоих стай и прошу защиты и помощи.

Не знаю от куда я взяла силы, но голос мой стал уверенный и даже слегка рычащий, отстаивающий своё право. Видимо удивление от услышанных собственных слов, точнее того как они прозвучали, было ярко отобразено на моем лице, потому что совет стаи опять улыбнулся, но уже тепло, по добром.

– Совет стаи вынес этот вопрос на обсуждение всей стаи, и стая поддержала ваше с Сергеем предложение. Но условием

этого решения будет то, что Сергей не сменит стаю, даже если соглашение об объединении стай будет разорвано. – Говорил это Князев, говорил строго и безапелляционно, посматривая то на меня, то на Сергея. – Согласна ли ты на условие. Понимаешь ли ты последствия решения. Принимаешь ли ты их.

Я тяжело вздохнула. Да от куда я могу знать и уж тем более понимать последствия? Я о стаях узнала вот только-только, я ещё даже до конца не поверила во все. А тут такие вопросы и решения и не только за себя, не только за свою семью, но и за всю стаю, которую я даже не знаю. Сергей за моей спиной ободряюще сжал моё плечо и поцеловал макушку. Это ободрило. Я хочу верить этому человеку, нет, головой я понимаю, что мы по сути чужие люди, но что-то внутри ему верит безоглядно. И я снова согласилась на все и со всем. Думаю, хуже не будет.

И Вожак пролил кровь, Николай Фёдорович разрезал ладонь и несколько капель попали в огонь. Сергей подвёл меня к костру и мне передали тот же нож, маленький с рисунками не понятных символов на лезвии и ручке, а на самом краю ручки был большой лунный камень. Я не смело взяла его в руки и всунула в руку Сергею. Протянула ему свою ладошку и зажмурилась. Опять услышала смешки со всех сторон, но глаза не открыла. Он поцеловал мою ладонь и только после этого порезал, резкая боль дала мне понять, что дело сделано. Я открыла глаза и проследила как капли уже моей крови

падали в огонь.

– Жертва принесена, признана равноценной, закрепим договор объединением крови и этим объединим стай.

Николай Фёдорович говорил как-то по-особенному, торжественно и подавляюще. Все вокруг прижались к земле от его голоса, все кроме совета, меня и Сергея. Вот сейчас я почувствовала и силу, и волю вожака и не склониться стоило мне больших трудов. Николай Фёдорович сделал пару шагов ко мне и протянул мне свою разрезанную руку, я протянула свою. Мы сжали руки. Серая дымка и золотые искорки разлетелись в стороны от этого пожатия, а огонь объял словно скрепляя. Я не успела ничего спросить и удивиться. Просто почувствовала резкую боль. Открыла глаза. Я была на земле и меня больно били ногами по животу. Бил сам Фонберин.

– Тварь. Хитрая тварь. Но тебе не поможет и это. Слышишь? Ты станешь моей подстилкой.

Каждое слово, каждую фразу он выплёвывал желчно, кричал и сопровождал все новыми и новыми ударами. Боль была такой, что слезы лились сами по себе, а сознание было на грани. Я словно была и тут наяву, и там, в беспмятстве. Я видела и всех собравшихся здесь, всю стаю Фонберина. И там, на поляне у огня, я видела и их. И видимо они видели меня, призрачные волки скалились, а Сергея удерживали Николай Фёдорович, Петя и Владимир Григорьевич.

Держали его и не могли удержать. Я понимала, на каком-то подсознательном уровне понимала, что если не разо-

рву эту связь двух мест, то Сергей сделает глупость, возможно не поправимую. Фонберин перестал бить. Присел рядом со мною на корточках и взял моё лицо за подбородок поворачивая к себе. Я приподнялась на локтях без возможности вдохнуть, боль пробивала сознание. Но я оттолкнулась и поднялась ещё присев.

Одной рукой обняла себя, скорее всего у меня сломаны ребра. Второй опиралась о землю. Я посмотрела в призрачную гущу событий, туда, где уже почти вырвался Сергей и прошептала одними губами «Я жду тебя». Потом закрыла глаза и глубоко вздохнула. А когда открыла глаза, то была видна лишь стая Фонберина, и он сам. Я посмотрела на его лицо, внимательно, изучающе. И из последних сил на выдохе сказала, как можно твёрже и жёстче.

– У тебя, псина, не хватит силёнок сломить меня, бей не бей. Но сейчас у тебя ещё есть шанс выжить, в отличии от твоих братьев, не сдохнуть бездомной псиной.

Резкий удар по лицу и я потеряла сознание. Не было встречи с моим волком, точнее Сергеем, не было и совета их стаи. Никого. Я просто провалилась в беспмятство.

А очнулась уже на закате нового дня, который я провела в беспмятстве, как и ночь. Очнулась на поляне у костра привязанной к какому-то столбу. Привязанной стоя и не имея возможности пошевелить ни рукой, ни ногой. Даже головой толком не пошевелишь, мало того, что она дико болит, так ещё и верёвка на шее мешает. Ну хоть жива. Осмотримся

что к чему.

Костер, вокруг несколько волков и пару молодых чахликов, иначе худющих ребят не назовёшь. Чуть дальше какое-то здание на три этажа и из окон горит свет. А за ним лес. Справа стоит уже знакомый мне грузовик и внедорожник. Надеюсь Сеня ещё жив. Моё пробуждение заметили. Ко мне подошёл худой парень. Он был в резиновых галошах и грязных, рваных джинсах, сверху была надета на голое худое и бледное тело куртка. Я была привязана к столбу, избита психом и не известно где находилась, но жаль мне было не себя, а его. Ещё молодого, но такого больного на вид оборотня.

– Проснулась? Это хорошо. Вячеслав будет рад.

Он говорил со злорадством в голосе, предвкушая что-то мне не известное и вряд ли приятное. На его слова оглянулись остальные. Один волк подошёл хромя и поджимая лапу. Я смотрела на них и моё сердце жалось от сочувствия и переживания за них самих. Не знаю видели ли они лучшее или пришли как Сеня с друзьями, но они были словно тень самих себя. Я видела не так много оборотней, точнее я знала, что видела именно оборотней не так уж и много, но и тех, кого я видела для сравнения достаточно. Те же Сеня с друзьями, они присоединились к этой стае недавно и были широки в плечах и мускулисты. В отличии от этих, они не были бледны и истощены, их кости не обтягивала кожа, подчёркивая худобу. Тело всех, кого я видела были в шрамах, старых еле видных, новых и совсем свежих, ещё не затянувшихся.

– Заткнись Костлявый. – ещё один мужчина, взрослый, лет сорока или даже старше, такой же худой и с усталостью во взгляде подошёл ко мне со спины. – Не волнуйся девочка. Если переживёшь, если выживешь, будет легче.

И столько печали, столько безысходности и даже горя было в его словах, в его тоне и взгляде.

– Я вожак своей стаи. – Я говорила не громко, слова и глубокое дыхание причиняло боль. Но мой голос звучал словно сталь. – Моя стая объединена со стаей Князева, у вас есть только один шанс выжить – подчиниться.

Все тот же старик посмотрел на меня, внимательно, изучающе. В какой-то момент в его взгляде засверкали искорки ... надежды. И он заговорил со мной, совсем уже другим тоном.

– Мы стая и во главе нас вожак. Мы те, кого не волей, а силой подчинили. И мы не принадлежим себе. – Последнюю фразу он шептал. И дальше говорил скрывая ото всех промелькнувшую надежду уже и в голосе. – Но многие хотят другой жизни и поддержат вожака, пойдут за ним, за тобой, если ты сможешь им стать в этой стае.

Дальше он отстранился от меня и говорил с наигранной угрозой играя на публику, а её было уже не мало. У огня, вокруг столба где я была привязана собрались люди и их было много. Видимо это и есть стая Фонберина. Люди разного возраста, худые и измученные, в шрамах были даже дети, одежда была не по размеру, и какая-то застиранная и зано-

шенная.

– Ты будешь сегодня принята в нашу стаю. Ты станешь сучкой вожака. Ты...

– Я Волкова Елена Макаровна, вожак своей стаи, объединенной со стаей Князева, дам свободу и волю тем, кто не нарушил, по своей воле, закон и даже приму в свою стаю и дам защиту. Но сейчас, вы должны сейчас это решить для себя, потом будет поздно.

– Что девчонка может решать. Сопливая девчонка. Ты станешь сучкой Вячеслава, и твоя стая станет его. А твоё объединение... Это сказка.

Один из молодых ребят говорил уверенно и нагло. Но это было уже не важно. Я видела в глазах оборотней, окруживших меня те самые огоньки надежды. Старики и женщины, прижимавшие своих детей, многие молодые оборотни, они боялись, боялись даже шевельнуться и этим вызвать подозрение Фонберина.

Уверена, он наблюдает за всем. Но в их глазах был огонёк, слабый, но что стоит разжечь пламя там, где уже горит слабый огонь. Я через боль выпрямилась, расправила плечи и осмотрела всех, до кого могла дотянуться взглядом. Я смотрела на оборотней, я заглядывала каждому в глаза. Я видела в них рождалась надежда, но страх все ещё был силен.

Кто-то проводил по своим шрамам, кто-то прижимал к себе детей, женщин. Но никто так и не посмел ответить. Но поймав взгляд того мужчины, который шептал мне одно, но

говорил во все услышанные совсем другое, я поняла, я все сделала верно. Он словно поощрял меня взглядом и сам уже пылал большей уверенностью. В дали послышался волчий вой и все спешно разбрелись. Не знаю сколько времени прошло, я даже успела задремать.

Из сна меня вырвал чей-то хрип. Открыв глаза не сразу смогла рассмотреть. Вокруг уже было темно, а огонь был прямо передо мною. Но проморгавшись увидела Сеню. Он уже не был связан, зачем это. Если его ноги и руки были многократно поломаны тело было все в ранах, царапинах и следах укусов, глубоких, местами не хватало кусков. Раны кровоточили, все тело было в грязи смешанной с кровью, и одежда отсутствовала. Он хрипло не глубоко дышал. Глаза закрыты и заплыли синяками.

– Держись Сеня, держись.

Он захрипел громче, но даже не пошевелился. А меня одолела злоба, она заливала и давала силы. Я уже не чувствовала боли, все выместило злость и ненависть к Фонберину. И я взвыла, сначала хрипя и крича как человек, а потом мой крик стал волчьим воем. И с леса, из здания напротив, со всех сторон мне откликнулись волки.

Мой вой подхватили и округу огласил многоголосый вой. Вот сейчас, своим воем я подчиняла, я ломала чужую волю. И каждый откликнувшийся подчинялся. Одни сами этого хотели и не сопротивлялись, в их ответе я слышала радость и веру в меня. Другие сопротивлялись, но подчинялись

моей воли подхватывая мою песню. Фонберина я узнала сразу, хоть и видела лишь тёмную фигуру в тени.

Он шёл, не подчинившись моей воли. Шёл тяжело, сопротивляясь и рыча в никуда. Тряс горловой словно отгоняя мою волю. Я оборвала вой и ответы умолкли. Лишь, когда он подошёл я увидела в его ушах наушники и даже услышала тяжёлую музыку, звучащую в них. Он приблизился и дал мне пощёчину. Взвыл призывая стаю. И стая пришла. Все оборачивались людьми и одеваясь собирались у костра. Но в их глазах была растерянность, недоверие и надежда. Многие смотрели на меня и ждали, ждали продолжения.

– Эта сучка посмела подчинить вас, мою стаю. Но не переживайте, я ваш вожак и это не изменится. И что бы никто не сомневался, я приму её в свою стаю своей самкой. Ты станешь моей подстилкой и ещё будешь вымаливать моё внимание к себе, тварь.

Он говорил громко для всех, но смотрел только на меня. И в его глазах я увидела страх, еле мелькнувший, но он был. Я ухмыльнулась и склонила голову на бок. Ну-ну, бей в барабаны, пока меха не порвали, не долго осталось. Ещё одна пощёчина. Я чувствовала, что он разбил мне губу и потекла кровь, но он не смог выбить из меня злость. Я уже не чувствовала боли, не испытывала страха. Я знала точно. Я смогу, я справлюсь.

Я думала до этого я попала в сказку, легенду из прошлого об оборотнях, где все не реально. Но то что было дальше...

Вот они картинки из кино о не реальном. Вот они картинки из книг о придуманном. Тот самый мир, скрытый и не объяснимый, о котором фантазируют, мечтают, который избегают.

Дальше было что-то не объяснимое. Точнее я, человек из двадцать первого века не находила всему происходящему объяснений. Вся стая обнажилась сверху до бёдер. На женщинах остались бюстгалтеры, а некоторые разделись полностью. Какой-то старик вынес чан с чем-то парящим, в него добавили кровь.

Прямо на глазах у всех перерезав горло пару лисицам и зайцам и сцедив в него кровь. Потом тот же старик что-то напевая полушёпотом обходил всю стаю измазывая получившейся смесью оборотней. Всех подряд, он обмазывал лицо и оголённое тело спереди и со спины.

Все, кого уже обмазали подходили к огню. Садись и раскачиваясь из стороны в сторону что-то подвывали старику. Все это вызвало лишь улыбку у меня. Нет, может я не знаю традиций оборотней, но все моё естество говорило, что этот бред и ересь лишь показуха и устрашение слабых, ну и подчинение заодно. Фонберин стоял спиной ко мне.

Он подозвал нескольких оборотней и что-то им сказал махнул головой в мою сторону. Они оттащили Сеню в сторону. Он был совсем плох, когда его подхватили он даже не отреагировал. Просто безвольной куклой, хрипя на вдохе и выдохе обвис в чужих руках. А потом те, с кем переговаривался Фонберин подошли ко мне. Они перевязали верёвки.

Теперь меня держала верёвка под руками, под и над грудью, а сами руки были связаны сзади обнимая столб, на котором я была связана. Мои ноги получили относительную свободу, как и голова. Верёвка не впивалась больше в шею и дышать стало легче, хотя каждый вдох и выдох причинял боль. Я не сопротивлялась. Я зло буравила спину Фонберина, зная, я дам отпор и связанной. Вот не знаю, как, но смогу.

У огня сидели раскачиваясь уже всей стайей. Старик подошёл к вожаку, к ним подошла Дина, подбежал мальчишка, ещё совсем ребёнок и тот мужчина с которым я говорила, который шептал мне. Это совет, догадалась я. Что ж, какая стая такой и совет. Слабый и подчинённый вожаку без права голоса. Старик измазал лица членам совета и себе, потом подошёл к Фонберину и отдал ему чан или миску, не знаю, я не рассматривала.

Вожак взял её и рыча поднял над головой, а потом задрал голову завыл и ему ответила вся стая. Он оборвал свой глупый вой и открыл рот обливая себя остатками этой не понятной жижи глотая. Он тоже был обнажён по пояс и в отличии от остальных он был сыто сложен, если можно так выразится.

Он не был болезненно бледен, не был худ до обтягивающей кости кожи. Жижа стекала по вполне себе сформированным мышцам. Жижа закончилась, и он откинул чашу. Резким движением головы струсил с себя потеки и рукой размазал по лицу. Он обернулся ко мне и стал приближаться. Словно хищник, жадно рассматривая меня.

Дина подбежала ко мне обгоняя своего жоака. Она упала на колени и стала снимать с меня одежду, джинсы, белье. А потом ползком удалилась к костру. Все у костра прекратили раскачиваться и подвывать. Все повернулись к столбу и смотрели на меня. К ним присоединился мальчонка и старик. А тот мужчина, который играя на публику тайком шептал, он смотрел на меня смело и чуть заметно качнул головой, а потом так же ушёл к костру и сел рядом с каким-то мальчишкой прижимая его к себе и закрывая рукой ему глаза.

Я перевела взгляд на Фонберина, он так же смотрел на меня, жажда и безумие читалось в его взгляде. Он стоял в паре шагов от меня рассматривая. А подойдя ко мне стал разрывать остатки одежды на моей груди с болью вырывая обрывки из-под верёвок.

Жадно заглатывая освободившиеся соски. Втягивая и кусая. Властно сжимая руками до синяков. Но я не чувствовала, я словно отключилась в этот момент. Я не хочу чувствовать и ощущать ни его рук, ни его губ на моем теле, ни языка, зализывающего укусы, до крови, которые сам же и оставлял своей грубой лаской. Я словно со стороны смотрела на эту тварь. Он хотел меня.

Я видела его возбуждение. Он желал реакции на свои касания, но я словно столб, к котором меня привязали, я была не в его руках, не в его власти. Он видел, чувствовал это. Моё дыхание не сбилось, а тело не реагировало, я словно в

транс ушла. Словно была в себе, но при этом отдельно от тела. Фонберин злился. Он хотел преподать урок, хотел реакции. Любой.

Молила бы я о пощаде, стонала бы от удовольствия, вырывалась – не важно. Он хотел реакции, которой он бы наслаждался, ломая меня и устрасая всю стаю. А я просто стояла, чуть рвано не глубоко дышала от боли впивающихся веревок и поломанных рёбер. Стояла смотря на него, наблюдая за реакцией насильника, не меняясь в лице. В душе меня выворачивало от омерзения и брезгливости.

Но тело, оно меня не подводило, не выдавая ни страха, ни презрения, ни чего. Я справлюсь. Я все переживу. Меня не сломать.

Фонберин с рыком подхватил меня под бедра. В такой ситуации женщина должна обнять партнёра ногами. Но мы не партнёры, мы враги и я по-прежнему не поддаюсь ему и обвисаю. Он рычит и что-то кричит, обращаясь к стае. Злясь, стервенея. Ко мне со спины подошло двое и подхватили под бедра.

Руки Фонберина освободились и он, вжав сой меня в столб медленно поднялся руками по моему телу. Зарылся руками в волосы, сжал до боли. Но я не реагирую. Пусть от его удара телом и моего впечатывания в столб стало нестерпимо больно. Пусть его руки жгли. Пусть дышать все больнее. Пусть.

Но его глаза, этот взгляд взбесившегося, проигрывающе-

го слабого, он стоит этого. Терпи. Не дай себя сломать. Ты сильнее его. Ты сильнее всего этого. Ты не выживешь, ты победишь. Дыхание слабое и не глубокое, но до чего же больно даже просто дышать. Взгляд ровный, взгляд сильного, взгляд победителя, отстранённый и равнодушный. Он с болью стелкивает наши лбы, не отрываясь глубоко дышит по-прежнему с болью сжимая мои волосы.

– Сломаю, подчиню, слышишь? Я своего добьюсь.

Он скользит языком по моим губам, скуле, щеке, кусает за мочку уха. Противно. Больно. Я чувствую, как с уха капает кровь мне на голое плечо. Он слизывает её своим шершавым и слюнявым языком. Противно. Больно. Горю внутри не реагирую снаружи.

Его руки отпускают волосы и скользят по телу. На пальцах, от злости и бессилия не ногти, уже звериные когти. Он теряет контроль. Бесится. Оставляет глубокие царапины на теле и больно впивается. Как же больно. Как же противно. Не реагирую. Я не знаю от куда во мне столько сил, столько воли. Но его злость лишь наполняет меня силой.

Внутри все горит и рвёт, выворачивает. Номой враг видит чувствует другое. Мой равнодушный и надменный взгляд следящий за ним и поверхностное дыхание сквозь боль. Ни страха перед ним. Ни боли его ласк. Ни даже омерзения. И уж тем более нет места возбуждению. Лишь превосходство, сила. Он бесится. Целует, кусает, царапает, сжимает в руках и припечатывает к столбу – не реагирую. Рычит.

Он давно возбуждён, но от меня нет реакции, никакой. И он меняет тактику. Становится сдержанней, наверное, даже нежный. Но разве может быть враг и насильник нежным, нет каждое касание словно ожог. Словно новая царапина звериными когтями, синяк грубых пальцев, укус.

Теперь он словно вымаливает ответную реакцию. Целует еле касаясь губами. Руки нежно танцуют в страстной игре. Он возбуждён и захвачен игрой. Его зверь все чаще порывается наружу. Я вижу, чувствую. Но по-прежнему словно замкнута глубоко внутри или вовсе отсутствую в собственном теле. Там, где-то глубоко все рвёт и жжёт. А для всех наблюдающих и для Фонберина лично я равнодушна, надменна. Меня не сломать.

Фонберин увлёкся. Его ласки чередовались со словами, иногда ласковыми, иногда грубыми. Он шептал о моем вкусе, шептал о характере и обещал, много обещал. И о том, как сломает, подчинит, подомнёт и о том, как мне понравится, как доставит удовольствие. Я не вслушивалась. Лишь внутри все сильнее разгорался огонь, злость, ненависть...

Это давало сил и снаружи я была все так же надменной и равнодушной. А он, я чувствовала, как он менялся, он словно не завоёвывал, а подчинялся. Все больше ластился и тёрся. Ласковым щенком пытаюсь заслужить похвалу и нежность хозяйки. Он не замечал изменений в своём поведении.

Но я видела и чувствовала. Как и реакцию стаи на эти изменения. Фонберин опустился на присядки лаская меня, и я

перевела взгляд на стаю у костра. Бегло просмотрела застывших оборотней и поймала, зацепившись взглядом за знакомое лицо. Того самого мужчины, который мне шептал не о, что говорил во всеуслышание, того самого из совета этой стаи, кто сжимал одной рукой мальчонку пытаясь второй закрыть ему глаза. Того, в чьих глазах первым увидела вялый огонёк надежды.

Сейчас он сидел, расправив плечи и прямо смотрел. Нет, не со страхом и не с вожделием. Он не рассматривал меня скользя липким взглядом по телу. Нет. Он смотрел прямо мне в лицо, в глаза. И в его взгляде бушевал огонь. Там уже была не просто надежда, там была твёрдая уверенность и вера. Вера в меня. Я видела это и чувствовала. Он, этот мужчина чьего имени я не знаю, он словно вливал в меня силу своим огнём, своим взглядом, своей верой, уверенностью.

Фонберин не добившись успеха своими ласками стал подниматься, продолжая ласкать я зыком. Медленно, уверенно. Он решил. Сейчас он поднимется и перейдёт от ласк к действиям. В голое мелькнула предательская мысль о Серее, нет, я не винила его в том, что он опоздает или не придёт. Таких глупостей в моей голове не рождается. Не винила и в самой ситуации с Фонбериним, я понимала, я давно была целью этой семейки. Не сейчас та раньше или позже, но мы бы встретились. Я лишь радовалась, тому что в моей жизни был Сергей и понимала, что после того, что сейчас произойдёт я ещё долго не подпущу к себе никого. Ну а Сергея... его,

наверное, никогда. Не наказывая, а наоборот, освобождая.

Я вернулась взглядом к Фонберину, когда он встал передо мной. Он взял мои волосы в куру и глубоко вдохнул мои волосы.

– Ты вкусно пахнешь и скоро будешь пахнуть только мною.

Он приблизился ко мне ближе. Провёл рукой по щеке. И стал спускаться к бёдрам смотря на меня. В его глаза блестела страсть, вожеление и нетерпение. Он приблизился к моему лицу едва касаясь поцеловал губы. И в этот момент подхватил меня под бедра. Я не сдержалась. Моя бравада дала трещину, и я отвела взгляд и отвернулась. Он торжествующе рыкнул мне в шею пытаюсь войти в меня. Не так это и легко с девушкой, привязанной к столбу.

– Развязать.

Рычит двоим за моей спиной. И они отпускают меня в руки Фонберину. Ему не удобно, я слишком низко, сама низкая и мелкая, да ещё и привязанная так, что не подвижна особо. И когда я оказываюсь всем весом в его руках. Он снова вдыхает мой запах у шеи и трётся щекой об неё. Я опять смотрю вперёд. Но уже нет той уверенности и безразличия. Нет, мои чувства ещё не вырвались наружу, но я чувствую, что уж скоро.

Но теперь вся боль меня поглотила. Я явственно ощущаю каждое противное мне касание и его запах, и дыхание на моей коже. Он трётся своей щекой об мою. Шепчет «моя». И

целует, едва касаясь губами. Крепко держит под бедра слегка сжимая ладони. Ему приходится изгибаться стоя чуть дальше склонившись. Мой рост и то что я все ещё привязана к столбу даёт мне небольшую отсрочку.

Он опять трётся своей левой щекой о мою правую цепля укусенную им же до крови мочку уха и снова капает кровь из потревоженной раны. Он подхватил губами и слизал кровь. А потом ещё нагнулся и уже правой щекой потёрся о мою шею и плечо. Именно сейчас меня развязали.

Его шея, открытая и прямо передо мной, вот она – тут. В олове словно стая птиц взметнулись воспоминания, когда мой волк рассказывал мне о стае и о вожаках. О том, как можно стать вожаком. Волей и силой. Я действовала на инстинктах доверившись моей волчице себе самой. Я вцепилась в горло своего врага. Не рвала, нет.

Стоит мне разомкнуть челюсти и второго шанса у меня не будет. Обмякнув в его руках и оперившись затёкшими и усталыми руками в его грудь. Я с огромным трудом подтянулась и опёрлась в плечи. Только сейчас заметив на руках звериные когти и чувствуя уже совсем не человеческие зубы. В рот и по шее текла чужая и горячая кровь. Я чувствовала её солоноватый вкус.

Я чувствовала, как с каждым ударом его трусливого сердца мой рот наполнялся и по шее стекало все больше крови. Порвать, уничтожить, единственное моё желание – убить. Но чувства и желания бьются о стену хладнокровного расчёт.

Разожму челюсти и все, он или убьёт меня, или просто не даст второго шанса. Он держит меня на весу, боясь лишнего движения. Любое его не обдуманное движение приведёт к его смерти.

Он медленно прижимает меня к себе. Я чувствую его голое тело своим. Чувствую его дыхание рваное. Я чувствую запах его крови и страха. Это пьянит, и я чуть сильнее сжимаю челюсть рыча. Он отваживается заговорить. Медленно, не громко и голосом ласкового и нежного, даже любящего...

– Ну же, девочка моя сладенькая. Отпусти, будь умницей. Заигрались. Не стоит рисковать. Ты же не хочешь стать убийцей? Не хочешь убить и попасть в тюрьму. Ты же сломаешь себе жизнь. Не стоит детка.

Он хочет успокоить. Хочет отвлечь. Хочет заговорить. Он понимает, что я не разбираюсь в законах стаи и пытается на этом с играть. На глупости мелкой девчонки и её неосведомлённости. Только кто из нас двоих ещё глуп?! Даже если бы мне не рассказал в тех снах мои серый хитрый волк подробностей как стать вожаком. Даже не зная того что я знаю.

Кто сказал этому глупому «мальчику», возомнившему себя вожаком, что «девочка» глупа. Что «девочка» не понимает, что, если отпустит его сейчас, разомкнёт челюсти, что она поверит и что выживет. Или что этот «мальчик» не продолжит с того на чем остановился или не начнёт с начала и сделает её своей, как и обещал.

Злость. Ненависть.

Они отрезвляют и дают силу ослабшим от усталости и побоев рукам и челюстям. Рычу и сжимаю ещё сильнее челюсти на его шее, чуть-чуть, но достаточно чтобы пробить артерию. Сейчас от кровопотери его спасает только мои челюсти. Чуть ослаблю и откроется кровотечение через артерию, дёрнуть и порву, сожму сильнее и пробью насквозь.

Когтями я впиваюсь в его плечи, на которые опираюсь и ослабляю хватку, снова впиваюсь. Он матерится, и крепче сжимает мои бедра прижимая к себе терпит. Угрожает. Я рычу, плюясь и брызгаясь его кровью. Он замолкает, но ненадолго. Дышит рвано и не глубоко. Бойтся пошевелиться. Его жизнь сейчас на кончиках моих челюстей. Буквально в моих зубах-клыках. И я продолжаю впиваться когтями и отпустить, а потом опять впиваться. Он крепко держит.

– Ты хоть понимаешь, что означает наша поза? Ты хоть представляешь насколько это все интимно, девочка моя.

Фыркаю и снова со звуком выплёвывается и разбрызгивается кровь, его кровь.

– Значит знаешь. – Он меняет тон. Больше нет в голосе нежности и ласки. Нет компромисса и нет уговоров. – И когда успел просветить, щенок.

Он злится. А я довольно растягиваю губы в улыбке. Теперь передо мной тот самый Вячеслав Вольфович Фонберин. Достойный своих братьев и отца, равный им по отсутствию морали, принципов, силы воли и взявший не своё силой, ослабив до предела стаю. До того предела, когда ему не

смогут противостоять. Мой личный враг и враг всей моей стаи и не только моей.

Я словно всем телом почувствовала, как он изменился. С него спало наваждение страсти и вожделения, давно, ещё тогда, когда мои челюсти сомкнулись на его шее. Но его игра прекратилась именно сейчас, в этот момент. Голос стал жёстким, привыкшим приказывать и подчинять. Руки на моих бёдрах напряглись и когти впились глубоко в тело. Он словно стал твёрже, жёстче и увереннее.

– Что ж, сучка. Надо было тебя брать сразу. Это не победа. Это подлый удар. Тебя не признает моя стая если убьёшь меня так. Да и сама себя сожрёшь с потрохами если сейчас убьёшь. Если вообще сможешь убить. Это ведь не так просто, оборвать чью-то жизнь. Тем более так, подло и кроваво. На это у тебя кишка тонка.

Я фырчу и закатываю глаза. И о подлости мне будет говорить эта шавка? Довёл стаю до изнеможения. Рвал, ломал, калечил своих же, не жалея ни старого ни малого. Убивал, насиловал чужих, да и своих наверняка тоже. Не совести. Ни морали. Ни чести. Зато учит меня, критикует. Он не видит, как я закатываю глаза, как кривлю губы в подобие лживой улыбки, но чувствует мой настрой, мой скептицизм. Ощущает брызги и потеки собственной крови. О да, нервничай, «мальчик», твоя жизнь на кончиках клыков «мелкой сучки».

Той самой сучки, шавка, которая сожрёт тебя без каких бы то ни было угрызений совести. За мной моя стая, я бо-

рюсь не за свою жизнь, не только за свою жизнь. И я готова убить. Здесь и сейчас. Но как же хочется большего. Хочется наказать тебя, чтобы ты жил долго и не счастливо, совсем не счастливо. Жалел о том, что не сдох каждую секунду своего существования. Чтобы каждый мог пнуть тебя, плюнуть и дёрнуть. Чтобы это стало уроком всем сегодня и в будущем. Чтобы твоя жизнь стала существованием, и ты мечтал о смерти, но продолжать существовать.

И я рычу. Его кровь снова летит во все стороны из моего рта. А я рычу, держа в своей звериной пасти на кониках клыков его жизнь и все его планы на будущее. Рычу угрожая и подавляя. Я не вижу других. Весь мой мир сейчас и здесь сомкнулся к этому нелюдию. Я и он. Он по-прежнему крепко держит меня под бедра вогнав в тело свои когти и не шевелясь, думаю даже дыша через раз.

Я так же опираюсь о его плечи и так же плотнее сжимая свои когти, вгоняя ему в тело и вынимая, повторяя свою грубую игру пальцев. Под руками уже хлюпает от крови и разорванного тела, его тела. А я рычу и чуть сжимаю челюсть. Едва заметное движение, так чтобы не проткнуть насквозь артерию, но чётко определить намерения. И он сдаётся. Он принимает поражение. Он кричит об этом стае. Но эта глупость, уловка, не достаточная для помилования. Я не верю ему. Мы оба это понимаем и продолжаем стоять в той же позе с той же угрозой и той же борьбой.

Когда вокруг костра замелькали тени я не заметила. Я да-

же не услышала звуки борьбы, чьих-то слез, ничего не видела и не слышала кроме того, чья жизнь зависит сейчас от меня. Я продолжала свою борьбу в руках своего врага держа его жизнь в своих зубах. Меня не смущала нагота, я о ней не думала и уж тем более не чувствовала себя не защищённой из-за того, как пишут в слащавых бульварных или шаблонных романах. Я лишь почувствовала горячие руки на своих плечах и заботливый, ласковый, но при том строгий голос дорогого мне человека – бабули.

– Девочка. Ты держи его крепко, а мы рядом постоим, подкажем, что делать надо. Ты не сама, мы тут, рядом.

По моим щёкам потекли слезы, горячие на столько, что казалось они обжигают мою кожу. Или наоборот, я замёрзла на столько, что слезы кажутся горячими. Я не сама. Сердце сжалось и пустилось вскачь. А бабуля продолжила, но уже громко, для всех.

– Я член совета стаи Волковых, объединённой со стаей Князевых. Сейчас и здесь говорю от лица нашего вожака Волковой Елены Макаровны. Наш вожак взяла силой право стать вожаком этой стаи. – Последнее слово бабуля выплюнула, словно оскорбляла их. – Согласно традиции она должна убить вашего прошлого вожака. Но его разыскивает полиция простых людей и стражи нашего сообщества. У него много долгов перед нашей объединённой стаей и перед другими тоже. Поэтому, сейчас он признает свой проигрыш и даёт клятву отречения. И только так его жизнь будет сохра-

нена. Все вы не вмешиваетесь. Кто ослушается погибнет. А ты, шавка, не думай, что умрёшь не дав клятву. Мы переломаем тебе руки и ноги, искалечим и свяжем так, чтобы ты не смог исцелиться или обратиться. И таким, слабым, побеждённым ты явишься на суд стай.

Бабуля говорила громко смотря на Фонберина и уничтожая его тоном, она это умеет, я точно знаю. Не раз за шалости меня ругали не повышая тон, но играя интонацией так, что мороз по коже гулял. И я ухмыльнулась одними губами. А Фонберин начал говорить, сломленным голосом, но при этом злобным, ненавидящим.

– Отрекаюсь от стаи. Отрекаюсь от права быть вожаком этой стаи. – Бабуля прокашлялась. – Отрекаюсь от права претендовать стать вожаком любой стаи. – тут же исправился Фонберин. – Отрекаюсь от всех прав вожака. Свою клятву подтверждаю кровью, пролитой сильнейшим и своей сутью волка. – Тут Фонберин ухмыльнулся, я не видела, а чувствовала это. Он что-то задумал, пакостное, но не известное мне и поэтому не предугадать, не предупредить я не смогу. – Вверяю свою судьбу вожаку, победившему меня и по древнему закону требую защиты побеждённого от победителя на суде.

Кто-то выругался за моей спиной. Бабуля только ахнула и гневно задышала. Но были и те, кто довольно заскулил. А сам Фонберин скалясь паршивенькой улыбкой, я прямо чувствовала её всем своим существом, громко зашептал лично мне.

– Малышка, ты долго жила вне законов стаи. Ничего не знаешь о них. Давай я тебя просвещу, слегка. Ты победила силой свергла вожака. Сейчас обычно бьются до крови. Раньше просто давали клятву, как я сейчас. Но у побеждённого было право требовать защиты себе или своим близким. Я потребовал защиты себе. Я мог потребовать её у вожака или у совета. Я взял своё право на защиту вожака. Отказать ты не можешь. Как и выполнять свою работу не добросовестно тоже не можешь. Иначе прощай права вожака, тебе и твоим потомкам. Так что теперь ты должна выложиться по полной защищая меня на суде.

Он не громко засмеялся кашляя. А за спиной у меня бабуля прошептала отпускать его. И я отпустила. Разжала уже порядком усталые мышцы и развела челюсть. Я сплюнула остатки его крови и ухмыляясь зло и громко проговорила ему и всей стае сразу. Я говорила наблюдая как Фонберин частично обратился крепко сжимая шею где совсем недавно смыкались мои челюсти держа в моих зубах его жизнь.

– Я принимаю твою просьбу. И клянусь всеми силами и связями оправдать тебя на суде, на людском суде. – Я выдержала театральную паузу наблюдая как меняется лицо Фонберина. Он только открыл рот чтобы возразить, как я продолжила ещё громче. – А вот на суде стай, я как пострадавшая сторона защитником быть не могу. И тут, не смотря на незнания законов стаи, я сомневаюсь, что есть разница с человеческими законами. Поэтому клянусь сутью волка и пра-

вом вожака, я сделаю все что умею, воспользуюсь всеми возможностями, как законными, так и не законными, чтобы передать тебя живым на суд стай и выступлю там как пострадавшая лично от себя и от своей стаи.

Радостно взвыли волки, которых я раньше не замечала, волки моей стаи. Счастливо улыбалась бабуля приобнимая меня за плечи накидывая мне на плечи плед. А я смотрела на Фонберина победно и с вызовом.

Дальше суетились все. Волки моей стаи обратились, и я видела знакомые лица наших хуторских жителей, друзей своего детства. Видела тех двух ребят, Дэна и Яна. Видела Петю и Владимира Григорьевича. Видела и не верила до конца во все это. В оборотней, в своих близких, в свой сон... А они грузили в знакомый уже мне грузовик людей из стаи где был вожаком Фонберин, а теперь их вожак я.

Меня усадили в знакомый внедорожник. Кто-то сидел сзади, кто-то за рулём. Я не знаю. Я уснула ещё до того, как мы выехали, сквозь сон слышала, как кто-то переговаривался, но не понимала сути и не узнавала голоса. Во сне я тянулась к Сергею. Но видимо спала не достаточно крепко, потому что его лицо было рядом, но таяло стоило мне к нему потянуться.

Проснулась уже я уже перед своим двором. Меня на руки бережно брал Сергей и испуганным, злым голосом требовал ответа, что со мной. Я открыла глаза и заметила, что спрашивал он подавляя своей силой и давил он на МОИХ род-

ных не подпуская их ко мне. А чуть дальше стояла Ольга. Та самая Ольга. И одета она была весьма вызывающе. Обтягивающие черные джинсы, красный свитер крупной вязки с декольте по типу «все на виду» и косуха на распахку.

И в глазах щенячьи верность и участие. И так меня это злило. Сергей заметил, что я пришла в себя и стал что-то мне шептать и целовать лицо. А меня это только сильнее злило. Как он смеет? Где он был? Он тут отсиживался со своей Ольгой, пока я там была сама. Пока выгрызала свою жизнь. Пока все шли по следу. Пока все искали и нашли. А он, где был он и с кем? А теперь ещё и смеет не пускать моих близких ко мне.

Я вывернулась из его рук и прыгнула на землю. Я по-прежнему была голой и плед, которым укрывала меня моя бабуля, он остался в руках Серея, когда он пытался удержать меня. Я расправила плечи и чуть запрокинула голову, иначе мне не видно его лица.

– Мы объединили стаи. Я поверила тебе, что это во благо. А ты пришёл в мой дом. В мою стаю и пытаешься подавить, подчинить её?! – Я говорила чётко, разделяя слова. Сухо, но строго. Не позволяя истерики выскользнуть наружу и голосу дрогнуть. – Я требую от вожака стаи Князевых и от совета ваших стаи запрета быть тебе тут. Находится на территории моей стаи без приглашения или разрешения. А до принятия решения я требую, чтобы ты покинул наши земли. Немедленно.

Видимо говорила я громко. Потому что вокруг все замерли и затихли. А Сергей, его лицо сначала, на первых моих словах, было полное скорби и печали. Но когда я закончила говорить... Его лицо отображало только злость. Жевали ходили ходуном. Он даже губы сжал в тонкую линию. Смотрел мне в глаза и молчал. Не делая ни шага ни ко мне, ни от меня.

Сейчас я видела того самого Сергея, как и в первую нашу встречу. Я чувствовала его силу. Но я не боялась. Я вожак и моя сила не меньше. И в этот момент наших взглядов на его плечо легла женская рука. Я перевела взгляд на тонкую белоснежную и ухоженную ладошку на его плече. Потом перевела к владелице за его плечом.

Ольга стояла за ним, словно женщина за своим мужчиной, за каменной стеной. И смотрела она на меня осуждающе. Чистое лицо, слегка накрашены губы и подведены глаза, аккуратно собранные волосы. Ни чета мне. Грязной и израненной. А Сергей, он прикрыл глаза и глубоко вздохнул. Открыл глаза и бросил мне покрывало с одной лишь фразой на прощание, фразой словно пощёчина ударившей меня своей холодностью тона и насмешкой.

– Прикройся, вожак.

Он уходил непобеждённым, уходил молча. А Ольга шла следом за ним. Верная спутница, его спутница. Опять по щекам дорожки горячих слез. Этот мужчина слишком часто становится причиной моих слез. Не так, совсем не так я представляла нашу встречу. Не так, все не так. Он словно

не видит моей боли. Словно не чувствует того огня, который горит во мне. Не понимает... Или не хочет понимать.

Плечи сами собой словно втянулись. Сил быть вожаком, сильной и стойкой не осталось совсем. Я молча плакала смотря в удаляющую спину. У моих ног лежал брошенный плед. Ко мне подошёл отец и подняв плед укутал меня. Мама стояла у порога облокотившись на косяк двери. Бледная и заплаканная, у неё не было сил двигаться. Ко мне подошёл Петя и взяв на руки понёс в дом.

Меня уложили на кровать, напоили травяным отваром, и я уснула. Сон пришёл быстро, я просто легла на подушку и прикрыла глаза, я думала, что только прикрыла глаза. Но о том, что я уже сплю поняла по тому, что окружал меня лес, и я стояла прислонившись к дереву, а где-то вдалеке мчались волки. И самым первым оторвавшись вперёд бежал знакомый серый волк. Он почувствовал меня, взвыл и побежал ко мне. Остановился у моих ног. Просто стоял и смотрел, злой и пыхтящий. Я опять плакала.

Так хотелось коснуться моего волка. Так хотелось обнять его и зарыться в шерсти. Но мне было так больно. Он не мой волк. Он тот, кто делает мне больно, тот, кто заставляет меня плакать. И я зашептала, на большее просто не было сил, но я знала, он слышит.

– Как ты мог? Как ты мог не прийти, я ждала, ждала тебя. А ты не пришёл. Ты отсиживался в тепле и уюте. Ты подчинял мою семью. Как ты мог? – Я повысила голос, но сипло

захрипела. А волка окутала серая дымка. Я знала, что сейчас он обернётся и передо мной будет уже не волк, а Сергей. Но я не хотела его видеть. Не хотела его слышать. Я отвернулась от него опёрлась лбом о ствол дерева. – Как ты мог быть рядом с другой, когда я так нуждалась в тебе?

Я закрыла глаза желая разорвать эту связь. Желая разорвать этот не сон в ключья. И я проснулась, снова в слезах. Перед самым пробуждением я успела почувствовать его дыхание на себе, жар его, такого близкого тела. И услышать лишь одно слово, наполненное печали и раскаяния, только моё имя.

Рядом лежала мама, она тоже проснулась. Молча обняла меня и прижала к себе. Так мы и сидели на кровати, обнявшись раскачиваясь из стороны в сторону и молча плача.

Часть 14. Стая, старая-новая-объединённая

Проснулась я, когда день был в разгаре. Сколько проспала не знаю точно. Помню, как меня ни раз будили, чем-то поили, и я погружалась в темноту и беспомощность. И вот я отдохнувшая проснулась. Видимо меня обтёрли, потому что сильной грязи не было. Но волосы ещё хранили остатки той жижи с ритуала, под ногтями была засохшая грязь и кровь. И сама я пахла не розами.

Я пошла в ванную, надо привести себя в порядок. Уже под струями горячей воды натираясь мочалкой с ароматной пеной я заметила затянувшиеся шрамы на своих бёдрах. Им словно был не первый год, бело-розовые полосы от когтей.

Вот такая память о той ночи, на всю жизнь. Мылась я долго и тщательно. Успела и поплакать, и пожалеть себя и взять себя в руки.

Поэтому выйдя мытой и благоуханной, завёрнутой в огромное банное полотенце, морально я была готова к бою. Хотя и чувствовала себя, хоть и отдохнувшей, но словно поломанной и криво собранной игрушкой больших дядь. Только мне нельзя быть игрушкой, нельзя быть маленькой. Я вожак, наследница и я в ответе за всех, особенно за тех, кого приручила. Я оделась в удобные брюки, свитер и куртку, обула кроссовки.

Пора.

В доме было пусто. Как и во дворе. Да и улица словно вымерла. Я прислушалась отпуская свои инстинкты на волю. Все собрались в конце улицы на поляне, где дети гоняют в футбол. Сейчас там горели костры. Я чувствовала там и своих, знакомые запахи и голоса и чужих. Я чувствовала волнение, страх. И огонь, он как-то особенно пах. Я быстрым шагом направилась туда. Чтобы там не происходило, там должна быть я.

Поляна была окружена кострами. У них сидели дети, ещё не умеющие оборачиваться и просто ещё юные девчонки, и мальчишки. С ними были и взрослые, я присмотрелась и принялась, это простые люди, не оборотни.

Видимо чьи-то жены и мужья. В центре был совет стаи Князевых и сам вожак. Там же стояла моя бабуля, мой друг

детства Костька, он был просто огромным. Широкий, высокий, мускулистый. За его спиной пряталась юная девочка, знакомый запах, но не знакомая она сама. И опираясь на палочку, скрюченный и усталый стоял дед Тимофей. Сколько же ему лет?

Он был стариком на фотографиях ещё с моим дедом и со мной, ещё совсем малышкой. Совет двух стай, наших объединённых стай. Все они стояли в противовес семи крепких мужчин, одетых во все чёрное. Перед ними, тоже в чёрном строгом брючном костюме стояла женщина лет сорока. Строгое и бескомпромиссное лицо, затянутые в хвост светло русые волосы, минимум косметики. В руках бумаги и ими она слегка жестикулируя строго отчитывала своих оппонентов.

Рядом с ними сидели оборотни с бывшей стаи Фонберина, и он сам. Все связанные. А за спиной моего совета и совета Князевых были взрослые жители хутора, моя стая. С ними стоял Петя, Владимир Григорьевич, там же стояли и те ребята, что напали на меня при моей первой встрече с Сергеем. Там были и мои родители. Там же стоял и сам Сергей. Что-то больно кольнуло в груди. Но я задавила это щемящее чувство на корню.

И расправив плечи уверено пошла к центру, где сейчас, видимо уже не по первому кругу пошёл спор. Шла я с подветренной стороны и все были увлечены спором, к тому же мои размеры позволили добраться не замеченной. Поэтому

мой рычащий и подчиняющий голос заставил подпрыгнуть от неожиданности даму в строгом костюме и сжаться большинству здесь присутствующим.

– Что здесь происходит в моё отсутствие? – Дама быстро взяла себя в руки. Распрямила плечи и уже надменно смотря на меня сверху вниз заговорила тоном, словно несмышлёному ребёнку поясняла простые вещи.

– Я старший страж бригады. И согласно закону стай, я пришла за преступниками. – Она указала бумагами в своих руках на сидящих связанными уже моих членов стаи, пока ещё всех, кроме Фонберина, моих.

– Преступниками? А кто решил, что члены моей стаи преступники? Я их вожак. Я и только я могу отдать на суд или в руки стражей члена своей стаи. Поэтому, – я давила волей, не сильно, и не на всех, только на эту «блондинку» – я повторяю. Что здесь происходит в моё отсутствие?

Дамочка сжалась, глаза потухли. Но надо отдать ей должное, она боролась и старалась не выдавать своего подчинения моей воли. Я ослабила давление, но продолжала демонстрировать свою силу уже всем стражам. Дамочка расслабилась и глубоко вдохнула, а потом продолжила, чётко и уверенно в своей правоте.

– Они преступники. Вы и сами это знаете. И может по неопытности не знакомы с работой стражей нашего мира... – Я перебила. Жёстко и требовательно говоря с ней, словно это она мелкая девчонка без опыта и знаний смотрящая на

меня снизу-вверх.

– Значит так, дамочка-стражница. Мои знания и опыт не ваше дело. Это моя стая, это земли моей стаи, и я тут вожак. И если вы не будите вести себя как гость, то я обращусь в суд с требованием напомнить вам о ваших обязанностях стража. И я глубоко сомневаюсь, что имея доказательства вины моих людей в преступлениях, ваша обязанность прийти ко мне домой и диктовать свои условия, даже не переговорив с вожаком стаи. Уверена ваши обязанности, обязанности стража, искать преступников до того, как их поймает стая, которой нанесли вред. Так что, документы можете оставить совету стаи. Мы ознакомимся и примем решение. О нем вам, точнее стражам, и сообщим.

– Девчонка! – Взвилась стражница, на что я лишь ухмыльнулась заломив бровь. – Когда это они стали частью твоей стаи? Пока ты удовлетворяла их вожака? Или пока отсыпалась? – Я слышала рыки и тяжёлое дыхание за своей спиной. Никому не нравилось, как эта стражница говорила со мной.

– Когда победила силой их бывшего вожака и приняла его клятву в обмен на защиту. Но меня интересует, от куда такие знания подробностей моего пребывания в гостях у Фонберина у рядовой стражницы, пусть и бригадира, до официального сообщения стажам о происшествии? Думаю, вам стоит задержаться у нас в гостях, под присмотром. – Я не оборачиваясь подняла ладошку и сделала приглашающий жест. – А ваши коллеги передадут начальству о моих подозрениях и

принесут доказательства вашей непричастности в обмен на вашу свободу.

Семь стражей отступили на шаг давая понять, что я в своём праве. А из-за моей спины подошли трое мужчин, все мне знакомы с детства, один учитель физкультуры в школе, вот почему он всегда был словно скала, двое родителей моих друзей детства. Они смотрели на меня с гордостью. Забрали бумаги из рук стражницы, взяли её под руки и увели передав бумаги моей бабули. Оставшиеся стражники попрощались и ушли. Через несколько минут я услышала звук заведшейся и удаляющейся машины.

Только тогда мне стало легче дышать. Бабуля подошла ко мне и обняла, поцеловала в макушку. А потом еле слышно прошептала, что надо решать, что делать с бывшей стаей своего врага. Я глубоко вдохнула и еле видимо кивнула. Я не знала законов стаи, действовала по наитию. Поэтому сначала попросила Князева и его совет стать свидетелями и советчиками, поддержкой и опорой. А свой совет попросила помочь и не стесняться советовать мне в каждом отдельном случае. Окинула внимательным взглядом связанных оборотней. Глубоко вдохнула, выдохнула.

– Развязать, вымыть и накормить детей, всех детей. Расселить их и дать выспаться, кому нужна медицинская помощь – помочь. наших детей тоже увести. Даже тех, кто по деревьям и кустам подглядывает. И... Я обращаюсь к женщинам, займитесь детьми сейчас, они пострадали уже.

Мужчины прошлись по рядам и развязали детей и подростков. Они не сопротивляясь, сбившись в стайку и низко опустив головы, пошли за женщинами уводящих их с поля к улицам, к домам. Они были словно дети с фотографий концлагерей фашистов в учебной литературе по истории.

Потерянные лица с полной покорностью, грязная и местами порванная одежда, висящая свободно из-за худобы, болезненной худобы детей. Меня передёрнуло от этих мыслей. И видимо не только меня, многие женщины увидев это кинулись им в след и уже на краю поля я услышала их щебетания о баньке у Тимофеевых, о варенье и джеме, о блинчиках и жидком в виде супчиков и молочка, они словно квочки вокруг цыплят планировали что и где будет делать и от куда что нести. Я улыбнулась.

Дети в надёжных руках. И вновь глубоко вздохнула, и выдохнула настраиваясь. Ещё раз окинула всех взглядом и запнулась за бледное лицо Сени в первых рядах среди связанных. Я похолодела и кажется перестала дышать. Он жив. Я так боялась даже спрашивать о нем. А он жив.

Я сама кинулась в толпу и развязала его. Потом кинулась ему на шею обняла и плача повторяла только одно: «жив!». Он захрипел и завалился потянув меня за собой. Я только оказавшись на нём поняла, что мои объятия ему причиняют боль. Я вскочила, помогла ему встать и прося прощения стала осматривать толпу связанных людей закусывая губу. Я искала Яна и Дэна, только вот я не особо их разглядела, я

даже не помнила цвет волос, что говорить о внешности.

– Сеня, а где Ян и Дэн?

Я говорила слегка растеряно, а он закатил глаза и хрипло засмеялся. Идти без поддержки ему было тяжело. Я попросила отца помочь ему. Сеня указал на двух крепких, в сравнении с остальными связанными, ребят. Их я потребовала тоже развязать. Попросила пару ребят из своей стаи помочь им дойти до моего дома. А потом попросила маму принять их дома как дорогих гостей, как братьев мне. Сначала объяснив, что они пошли против воли Фонберина и помогли мне бежать. После этих слов мама тоже кинулась обнимать их.

А дальше была рутинная работа. Я попросила совет озвучить документы стражницы. Там были имена и фамилии и перечень преступлений. Мы развязали бывший совет стаи Фонберина, читая грехи каждого члена стаи выводили в центр. Потом бывший совет объяснял каждое обвинение, и мы давали слово самому обвиняемому.

Убийства, похищения, насилия, пытки, грабежи, контрабанда и даже торговля наркотиками. Список обвинений был огромен. Часть оборотней мы оправдали. Не по причине невиновности, нет. Виновны были все, даже дети участвовали в преступлениях, всех кроме насилия. А по той причине, что были те, кто не соглашался идти на страшное.

Их били, ломали, но они не сдавались и только для выживания, своего и близких, участвовали в грабежах и контрабанде, даже наркотики сбывали, но никогда не насилова-

ли, ни убивали. Им мы предложили прийти в себя и решить, остаться в нашей стае или уйти на все четыре стороны. Их разместили по домам сначала отправив в баню и накормив. Но таких было не много.

Были и те, кто с гордостью рассказывал подробности своих деяний и те, кто был не согласен с моей победой над Фонбериным. Находились и те, кто требовал реванша бросая мне вызов. Нет, я не дралась ни с кем и не доказывала своё право на победу, я просто подавляла их своей волей заставляя обернуться и скулить виляя хвостом словно домашнюю собачку. Этим накормив, снова связывали и говорили о том, что их передадут на суд стай.

Но большая часть была из тех, кто участвовал во многом, но жалел и сопротивлялся, а потом сломался, смирился. Некоторых шантажировал Фонберин, кого-то заставлял силой. Мы не знали, что с такими делать, пока не знали. У кого-то не было выбора, кто-то сломался, но в отличии от предыдущих, никто из них не хотел так поступать, не радовался своим поступкам.

Больше всех впечатлил не в самом лучшем смысле старик из совета, тот самый, что устроил цирк с кровью перед стаей у костра. Старик из бывшего совета Фонберина, был, кстати, идейным вдохновителем, он придумывал изощрённые пытки и лично участвовал во многих наказаниях собственной стаи. Он был другом и соратником отца Фонберина и приглядывал и направлял его сыновей после смерти последне-

го. Такой себе серый кардинал стаи. Его мы тоже по окончании разбирательств отправили в толпу, предназначенную «на суд стай». Он словно маньяк с изощрённым удовольствием рассказывал сам и подтверждал, а порой утонял в жестоких подробностях, холодящих душу рассказы других.

Сложнее всего было с женщинами. Им угрожали жизнью и здоровьем детей, мужей, родителей. И они молча соглашались на все. А чтобы не сомневались в угрозах и их правдивости, Фонберин старший ввёл в стаи, а правило, со старикашкой регулярно устраивали игрища, которые подхватили остальные братья.

В них дети дрались за право сесть за стол с вожаком и отъестся в волю. И дрались они голыми с ножами в руках. Изрезая и уродуя друг друга и порой даже убивая. И не участвовать могли лишь те, чьи родители послушно выполняют все, что он скажет безоговорочно. За этот вечер и ночь мы наслушались многого, о чем вряд ли забудем когда-нибудь.

Фонберины на глазах мужей насиловали или пускал по кругу женщин своей стаи за право не участвовать её ребёнка в этих игрищах. Угрозами жёнам одних, заставляли насиловать жён других. Многие женщины узнав о беременности делали все чтобы скинуть ребёнка. Но не у всех и не всегда это получалось. Некоторые подкидывали своих детей в деревнях людям. Никто не хотел своим детям судьбы остаться в стае Фонберина.

Все началось с их прадеда, которого изгнали из стаи, он

старшим сыном вожака и взял силой собственную сестру. Тогда он выкрал её и сбежал. Без земли он странствовал и собирал вокруг себя отщепенцев и изгнанников. А потом стал воровать женщин с других стай. Раз за разом их стаю отлавливали и пытались уничтожить. Многие гибли, но не Фонберины – эти словно уж на сковородке изворачивались и избегали наказания, подставляли других и уворачиваясь от закона.

И уже отец придумал брать не взрослых самок, а воровать детей, ещё щенками и воспитывать послушных жён. Он и был первым, кого пострадавшая стая наказала, не дожидаясь ни стражей, ни суда. Его растерзали отцы и матери за своих дочерей, многих так и не вернули в стаю. За него мстили сыновья под началом старшего, напав на стаю моего деда. Именно он, старший из братьев, стал моим кошмаром в детстве.

И именно тот маньяк-дед из стаи Фонберина придумал как отомстить моему деду и лично помог братьям его опотить чем-то обездвигив и похитив, а потом растерзать живо, связанного, но уже пришедшего в себя и не способного сопротивляться. То с каким блеском в глазах и ностальгической мечтательностью в голосе старикан-маньяк вспоминал всё, рассказывая на распев подробности холодило. Не дыхание и сердце замирало от услышанного, а сама жизнь с каждым словом уходила, отступала убивая душу. Убийство моего деда заняло у них десять часов.

Десять часов они терзали его заживо резали, не позволяя умереть рвали его плоть. Слушая это, бабуля не выдержала. Она тихо плача просто уплыла в блаженную бессознательную темноту, чего не могла себе позволить я. Её подхватил Князев и передал отцу, а тот уложив себе на руки, не приводя в сознание до конца этой исповеди. Больше бабуля не позволила себе слабину и не проявила себя ни вздохом, ни взглядом.

Через три дня многие из тех, кто был помилован на нашем совете был принят в мою стаю, по своему желанию. Моя семья, в лице пополнивших ряды Сени, Яна и Дэна нашла своё утешение. Бабуля просто постоянно кормила и молча обнимала ребят, скорее утешая себя, чем их. Отец и мама носились с ними словно с сыновьями, а ещё бабуля часто одаривала подзатыльниками за их регулярные слова о том, что они нас притесняют.

Мама при каждой такой фразе с их стороны устраивала смотрины, порой по пару раз в день и говорила отцу, что, если мальчиков женить, они останутся в семье. Мальчики перспективой жениться вдохновлены не были от слова совсем. И в итоге клятвенно пообещали маме и бабуле не противиться их материнской заботе и стойко сносить бремя членов семьи и стаи Волковых со всеми вытекающими и выпекающими съестными и не только в обмен их свободе от смотрин.

Все эти дни я изучала законы стаи, нашей, Князевых и общие для всех стай и ближайших соседей, потенциальных

противников и союзников. Основа была общая у всех. Только в силу обстоятельств были определённые традиции, прописанные в законе каждой стаи отдельно, но не перечисляемые общим.

Я входила в курс дел стаи и с помощью Князевых строила планы на развитие. Не без своей выгоды они согласились спонсировать многие не законченные проекты деда и начать новые. Помочь, безвозмездно, с жильём для новых членов стаи, а также с психологической реабилитацией. А спустя неделю, когда в помощь мне от Князевых остался только Петя, к нам наведались стражи с официальным визитом. Но уже соблюдая все формальности.

Они известили Князевых, хоть и в последний момент, но все же, заранее сообщили мне. К такому мы были готовы. Вообще мы планировали их приезд и давно проиграли все возможные варианты и способы пустить ход переговоров в нужном нам русле. Князев заверил о верных соратников в их рядах. Поэтому к приезду стражей совет и вожаки нашей объединённой стаи были в полном составе. Как и вся моя стая с её новыми членами. Наглую дамочку мы отпустили на следующий день с претензией о неподобающем поведении на следующий день. Поэтому были уверены, что она приедет в новом составе с планами мести «девчонке» в моем лице.

Часть 15. Суд нашей стаи. Преступление и наказание ли? Стажей прибыло много, очень много и среди них была, и та самая самодовольная дамочка с взглядом торжества и

превосходства. Все были в той же одежде, строгая, чёрная, безликая. Как и лица, все без особых эмоций, все кроме одного. Курсы у них там что ли, по держанию лица без эмоций. И приехали они за Фонбериным и его стаей.

Всех их встречала я и за моим плечом стояли Князев и совет мой и Князевых, но не по отдельности, а вместе, вперемишку. Мило переговариваясь и шутя. Особо не обращая внимание на приехавших гостей. Мы прошли на поле, где раньше вершили свой суд и принимали новых членов в стаю. Мы были готовы. Там уже были разложены костры, которые разожгли с нашим приходом. Там была вся моя стая, от молодых до старых. Все, кто должен был быть, кто хотел быть. Все, кто не смотрел за совсем маленькими детьми и, кто мог оторваться от дел, все были тут.

Костры взяли нас всех в круг по периметру. В центре был расстелен ковёр, на него я и села, а за моей спиной так же, как и при встрече сели два совета и сам Князев. По правую руку от нас на подстилках сидели те, кого мы хотели отдать на суд и среди них был и сам Фонберин. Все надёжно связаны и с кляпом во рту.

По левую, так же на подстилках, свободно сидели те, кто не был принят в стаю, но кто раскаивался в сделанном и кому мы поверили. Их мы не связывали. Просто кого-то стая отказывалась принимать, но хоть и винила в своих бедах – оправдывала поступки. Я пригласила перед собою на ковёр стражей.

Они сели молча двигаясь почти бесшумно. По иерархии, впереди всех сидели пятеро. Трое из которых были преклонного возраста судя по морщинам и седине, но их движения, осанка и мышцы в обтянутых чёрных одеждах вселяли уважение к силе. Одна женщина, помоложе, с затянутым хвостом тусклых рыжих волос и отчаянным огоньком в глубине глаз, который она не смогла скрыть. И один молодой и молчаливый мужчина, внешне очень похожий на Сени, только старше и больше. В смыли он выше и шире в плечах и лицо, словно перекаченное. Он словно более старшая, равнодушная и перекаченная версия Сени.

Уже моего Сени. За это время эти три друга, Сеня, Дэн и Ян, стали мне родными и близкими, уже не друзья – братья. В отличии от Пети, они не были молчаливы и спокойны. И каждый раз сбегая от опеки моей семьи они с огромным удовольствием хватались за любую работу, особенно за помощь мне.

За спинами этих пятерых стражей, остальные были словно одна сплошная чёрная и безликая стена, слившаяся в единое. Слово взял пожилой мужчина, представляя всех из пятерых как назначенный старшими стражей. Передал нам документы. Их подхватил один из мелких мальчишек, взявшихся из ниоткуда и передавший их совету за моей спиной.

Из представления я узнала имена. Женщина Виктория. Старшая версия Сени – Александр. Трое пожилых людей – это Георг Михайлович, Игорь Валерьевич и Вацлав Карло-

вич. Мы не представлялись. Совет изучил и зачитал вслух документы.

И понеслась душа в рай...

Сначала старейшины нашего совета зачитали список принятых в стаю, и тех, кто теперь под защитой стаи, но не в ней, а значит их выдавать мы отказались. Каждое имя члены совета выгрызали с моего молчаливого согласия у стражей. Да, все это время я молчала лишь кивком соглашаясь или отвергая предложения. Но всех, кого мы приняли в стаю мы отвоевали и с них сняли все обвинения. Так же отбились от обвинений подопечных стаи.

О тех, кто сидел слева, от меня и имел свободу передвижения, теперь уже во всех смыслах этого слова, всех их мы в документах определили, как жертвы и свидетели. С них не сняли обвинений полностью.

Это решит суд стай, но мы, Волковы и Князевы, будем в защите у них и за их право свободы и снятия обвинений по праву жертв. А это право им обеспечивало все показания, которые мы, а своём суде на этом же поле зафиксировали как письменно, так и в виде видеозаписи. Об этом в своё время позаботился Князев, все писалось тогда и пишется сейчас.

Поэтому тех, кто слева от меня, мы не передавали стажам. Мы их приютили до приглашения на суд стай. Вот эти слова вызвали шепотки и переговоры в рядах стражей. Безликая стена без эмоций загудела и очеловечилась. Кто-то не сдерживаясь стал возмущаться и выкрикивать недовольство уже

вслух. А я все так же молчала и сидела только изредка кивая.

Наверное, это и взбесило ту дамочку-стражницу, что приехала к нам в прошлый раз. Она вскочила с места и буквально подлетела к пятёрке. Но мои были быстрее. Они ждали этого, были к этому готовы. Стоило ей остановиться у пятёрки как два волка уже обращённых, стояли рядом, скалясь по обе стороны от меня. Мой друг детства Колька, который вымахал двухметровой детиной что в человеческом облике и размером с раскормленного медведя в волчьем и Петя, ничуть не меньше в размерах.

На поле была тишина, лишь рык моих оборотней по обе стороны от меня и сорвавшееся дыхание той дамочки. Я улыбнулась, слегка, только одними уголками губ. Не смогла сдержаться. С этой лёгкой улыбкой на лице я осмотрела пятёрку стражей и увидела в их глазах понимание и такое же удовлетворение ситуацией. Так вот они, надёжные друзья Князева.

Мне не показалось, они участвовали в том, что мы делаем. Даже больше, мне показалось они разделяли наш план. Я, опираясь на своих защитников встала и их морды при моем росте были почти на уровне с моим лицом. Я не сдержалась и потрепав их за ушами прошептала им, но тишина разнесла мои слова среди всех оборотней.

– Разъелись, не волки, а медведи. Вы чуть назад станьте, а то меня, маленькую, за вами и не видно.

Я услышала хмыканье и шепотки с явным хихиканьем с

задних рядов за спинами пятерых. Это придало уверенности наглой дамочке. Она не вышла вперёд пятёрки, соблюдая субординацию, но подошла вплотную и обратилась к ним лично и ко всем стражам сразу.

– Вацлав, Георг, Виктория, из-за семьи Фонберина и его стаи вы лично потеряли всех родных. Вы стали стражами из-за них. Что вы позволяете этой девчонке? Я могу понять Александра, его младший брат был в его стае, он не может быть нейтрален. Игорь, ты назначен старшим, что ты позволяешь ей делать с законом?

– Один из стражей уже дважды придя на территорию моей стаи нарушает закон.

Я говорила, не повышая голос, но давя своей волей всех стражей кроме пятёрки старших. Мне объяснили, что нападение на пятёрку – это нападение на стража. Остальным же, демонстрация силы и правоты – это просто демонстрация. И дамочка скривилась. На лицах многих промелькнула боль и борьба. Я усилила давление на всех, и они втянули головы, а многие даже пригнулись или согнулись полностью. Я резко убрала давление со всех сконцентрировав его на дамочке. Она упала на колени и заскулила.

– Её поведение и требования вне закона. Её вмешательства в дела моей стаи – преступление. Её вмешательства в разговор вожака и старшей пятёрки – преступление. Я вожак и от имени моей стаи требую справедливого наказания. Наказание волка, не подчиняющегося закону стай и без защиты

собственной стаи. И наказание человеку не уважающего мою стаю и моё право, и закон. Наказание стажа, превышавшего доверие оказанного нашим миром и всеми стаями.

– Взять под арест и снять знаки отличия стража. – Спокойно и ровно проговорил Игорь Валерьевич. – Вы в своём праве вожак. Есть кто-то, кого вы сегодня отдадите стражам для заключения до суда стай без словесных баталий?

– Да. Все они в вашем распоряжении до суда. – Я указала рукой направо, где сидели связанные и обездвиженные с кляпом во рту те, кто виновен, кто не раскаялся, кто до сих пор верит в свою исключительность и безнаказанность. – Все, кроме Фонберина.

К этому времени странную стражницу взяли по конвойное двое в чёрном и уводили с поля к машинам, предварительно связав. Она взвилась. Вырываясь стала подливать масла в огонь недовольства остальных стражников.

– Продажные твари. Вы все заодно. Вы хотите его отпустить. Или хуже, оставить себе.

Стражники подскочили на месте и заговорили уже в слух не таясь, косясь на старших и на пленников. Тут и пятёрка не выдержала. Они так же встали на месте. Но не спеша, а важно и сохраняя достоинство. Вацлав с лёгким акцентом возмутился от имени всех стражей.

– Какое право вы имеете покрывать преступника. Или забыли, то что он убил вашего деда и сестру.

Каюсь, не сдержалась. Я обрушила свою волю подчиняя

стражей за спиной пятёрки с такой силой и злостью, что они все попадали и согнулись, скуля и корчась. Я услышала за своей спиной рык ещё обернувшихся волков из своей стаи. Почему-то даже не сомневалась, что среди них были, и мои братья Сеня, Ян и Дэн. И взгляд Александра мне подтвердил мою уверенность.

– Слишком многое стражники позволяют себе на моей земле. – Я говорила рыча, продолжая подавлять и подчинять. – Почему-то, когда Фонберин напал на стаи, на мою стаю. Убивал, похищал и насиловал. Когда Фонберины вели стаю пленников убивать мою сестру и деда, стражей не было на этой земле. Как и не было их на земле стаи Князевых с которой мы объединились, когда похищали и насиловали девочку из их стаи.

Как и на землях других стай, когда были нужны стражи, никого из вас не было. А сейчас вы пришли ко мне домой на все готовое. Когда наш враг, враг наших детей связан и обезврежен без вас и смеете требовать у меня, на моей земле пеняя на потери моей стаи в которых мы виним вас?

Я выражаю недоверие стражам и отказываюсь выдавать им кого бы то ни было. Я позволяю остаться здесь только старшей пятёрки. И обязуюсь привести и пострадавших выступающих свидетелями и виновников на суд стай лично. И требую открытого суда всех стай и проведении проверки в рядах стражей выражая недоверие.

Ко мне подошёл Князев. Он стал рядом со мной, он сжал

моё плечо тихо попросил отпустить стражей. Я послушно ослабила давление. Медленно, начиная с самых дальних рядов осматривая каждого, после того как они садились на ковёр осматриваясь по сторонам и фиксируя свой растерянный взгляд на мне.

– НАШИ стаи – он словно гром прозвучал нас всеми выделяя слово «наши» – выражают недоверие стражам. Основание: показания Фонберина и его бывшей стаи. Их безнаказанность и годы террора всех стай. И передадим на суд только после проверки в рядах стражей и публичных судебных разбирательств. Всю связь со стражами мы будем поддерживать только в телефонном режиме напрямую с вожаком или советом. Пятёрка старших может остаться здесь, если пожелает, для контроля за пленниками. Остальным стажам без разрешения суда стай, подписанного большинством, появляться на территории стай Князевых запрещено.

– И Волковых. На этом разговор закончен. О достигнутых сегодня соглашениях и запрете мы сообщим совету стражей, суду стай и всем вожакам стай, с которыми сможем связаться.

И волки двинулись к стражам выводя их к машинам.

Пленников увели и заперли. Костры погасили, ковры собрали, и стая разошлась по домам. А я с Князевым и нашим советом сидели на веранде и обсуждали итоги. Всё пошло не совсем так, как мы планировали. Мы хотели отдать пленников, всех кроме Фонберина. Но мы планировали срыв той

дамочки, чьё имя я даже не запомнила. Благодаря ей мы планировали выказать недоверие стражам.

Но все пошло не совсем по плану. И теперь пленники у нас, мы за них отвечаем и не известно какого саботажа ждать в связи с этим. Стажи и мы в непонятном и пока в не вооружённом конфликте. Да, мы хотели просеять и найти среди стражей предателей и отложить суд.

Чтобы сдать людям Фонберина и оправдать его там. А теперь мы не знаем, что делать и с чего начинать. Постепенно на наши посиделки пришли многие из стаи и пятёрка старших стражей. Мы долго так сидели кто где нашёл свободное место и пили в молчаливых раздумьях. Бабуля поставила на стол сладкое, самовар, домашнее вино, фрукты. Первым нарушил тишину Вацлав.

– Знаешь, Коля, когда мы обсуждали сегодняшний день, то договаривались о другом.

– Да уж. – подхватил Георг. Вот не получалось у меня даже мысленно их называть по отчеству. Как-то слишком молодо и активно они выглядели. – Знаешь Коля, я вот смотрю на тебя и себя, вроде уже седые и далеко не молодые, да у нас же трое внуков на двоих, а как свяжусь с тобой, так вечно как мальчишка вляпываюсь. И как всегда в неприятности меня втягиваешь именно ты.

И они засмеялись. Громко и от души. Их смех подхватили и остальные. Уже утирая слезы и прекращая смеяться, мы все понимали, что выплёскивали напряжение смехом.

– Ну что ж, мальчишки. Послушайте теперь *взрослых и мудрых* женщин. – Заговорила бабуля, когда сил смеяться не осталось. – Сделанного не воротишь и не изменишь. Но нам надо самим сообщить другим стаям свою версию и как можно быстрее. Быстрее других.

– Поэтому, – вклинилась в разговор Виктория – пока остальные витали в облаках и мечтали, мы с Сашкой подстраховались. Мы скачали контакты всех стай, телефоны вожakov и экстренные контакты стай, их электронную почту. Только там столько данных...

– Можно создать общие группы в интернете, в разных сетях, где добавить все контакты. Тех, кого не будет в них, обзвонить лично и сделать рассылку со ссылкой на группу. Также заархивировать видео с суда стаи и сегодняшней встречи и сделать рассылку на почту для подстраховки.

– Правильно Сашка. – Подхватил Игорь Валерьевич и Князев. – Ты и займись этим.

– Петь, Сень, Ян, Дэн, Коль, организуйте все. Соберите ноутбуки по домам и организуйте группы. От моего имени и от имени Николая Фёдоровича, обязательно в каждой группе должны быть его и мой контакт. Сделайте списки. Кто подозрительно активен, кто подозрительно не активен в группе. Отдельно, кто не в сети и не отметился. С этими надо связываться лично. Также с почты, моей, только не личной. Создайте, если нет электронной почты нашей стаи. И делайте рассылку всем. Тоже с почтой Князевых. У них должно быть

одно и тоже от двух источников, от двух стай. И берите всех, кого надо в помощники из стай.

Из-за стола ушла вся молодёжь. Старшие тоже постепенно расходились. В итоге остались только родители, совет, стражи и я с Князевым. Они вспоминали былые времена. Говорили о молодости подсмеиваясь друг над другом. Было тепло и уютно. До те пор, пока Георг вдруг не спросил у Князева:

– Тебя можно поздравить дружище. Младший сын нашёл пару. Когда-свадьба-то? Говорят, вы уже ждёте прибавления?

Я как раз запивала чаем разжёванный пряник. Напротив, сидел собственно сам Князев, там же Георг и мой отец в обнимку с мамой. Как в плохой шутке, все прожёванное и запитое равномерно распределилось по собеседникам, сидящим, напротив. Только мама умело прикрылась отцом нырнув ему за спину.

– Вот же гад. Запрещаю. Вообще запрещаю появляться и этой лживой сволочи и его Олечке, и деточкам их.

Мне было плевать на немые и ошалевшие взгляды всех присутствующих. Плевать на оплёванных мужчин, которым не повезло сидеть напротив меня и на ловко увернувшуюся маму тоже. Я злилась. И мне было больно. За столом была тишина. Я встала после своей гневной речи и вылезла из-за стола. Уже на пороге, уходя к себе в комнату, я из последних сил сдерживая предательские слезы глубоко вдохнула и не поворачиваясь с выдохом произнесла.

– Я вожак и от слов не отступлюсь. Все наши договорённости в силе, с моей стороны уж точно. Но я запрещаю ему быть на моей земле и ей тоже запрещаю.

Плакала я долго. Ушла в ванную и плакала, открыв воду. Глупо надеясь заглушить все звуки. Рыдала сначала жалея себя. Потом кляня себя. А потом его и его Олечку. Потом вспомнив слова о прибавлении, заливалась слезами кляня себя и его и желая здоровья и будущей маме, и ребёнку.

А когда слез не осталось, как и сил, ушла к себе и уснула едва, коснувшись подушки. На утро выползала из своей комнаты зная, что мне предстоит ещё целый день в заботах и точно зная, как я выгляжу. И застав дома только бабулю, я завтракала молча, вспоминая и коря себя за несдержанность, а заодно вспоминая, когда именно моя размеренная и спокойная жизнь превратилась в пороховую бочку или скорее катание на горках вверх-вниз, мёртвая петля, затишье и опять то вверх, то вниз.

Сытая, без настроения, но серьёзно настроенная я шла к местному клубу. Там ребята организовали целый компьютерный клуб. Каждый сидел за ноутбуком и общался в одном из чатов отслеживая и пополняя информацией. Собирали истории у других стай. Ребята работали всю ночь. Сейчас объясняли тем, кто их сменит. Пришедшие на пару часов раньше меня пятёрка стражей с Князевым и моим отцом бурно обсуждали что-то. А заметив меня, резко стихли. Вообще затихли все. Нет, никаких косых взглядов или ещё че-

го-то. Просто тишина.

– Что случилось? И насколько это серьёзно?

– Ничего из того, что мы не обсуждали раньше. – Взял слово Князев. – Но все равно не очень приятное.

– Да что вы тяните-то? – Не выдержал отец. – Одни молчат в страхе. Другие жаждут женить своих бездарей на тебе и только тогда поддержат. Третьи вообще за мир во всём мире, а поэтому против насилия. Словом, все они примкнут к победителям, когда глотки уже будут перегрызены. В основном это все стаи к кому Фонберины не приходили с визитами или кого они почти раздавили и уничтожили. Но половина стай поддерживают нас. Точнее они готовы к открытым разбирательствам со стражами и Фонберина. И к противостоянию.

– Ну все ни так и плохо. Чего-лица-то такие. А вообще, я тут подумала. Нам нужна демонстрация силы и своей власти. Но в рамках закона стай. Даже больше, демонстрация закона стай от нас и пренебрежение или замалчивание, или лучше, увиливание со стороны стражей.

Помнится, в общих законах всех стай, есть положение о компенсации от стражи расходов, если стая или её члены пострадали от их действий или бездействий, которые можно было избежать. И я вот думаю. Если мы призовём к ответу стражей одновременно с мирским судом над Фонберинным.

В том смысле, что моя стая потеряла детей, сама отследила виновника, потеряла вожака и была брошена в смутные времена на произвол судьбы и без поддержки стражей. Мои

люди разорились, многие в долгах, многие земли были захвачены или отняты.

А стража молча отсиделась в стороне. Уверена, бабуля обращалась за помощью, а значит есть документальны, след где они отказались помочь и возможно кто-то нажился на этом. Найти бы.

Мысль эта мне приходила ещё, когда этот закон мне объясняли, приводя примеры из истории. И вот сейчас, она обрела реальные очертания.

– Тогда, – добавила вдруг Виктория, – к этому иску против стражей, нужно добавить иск и от стаи Князевых. Коля, твои дети, все без исключения. Писали письма с просьбой помочь по причине того, что все эти события, связанные с нашим миром и вылезли наружу. Стражи обязаны контролировать и своевременно ограничивать информацию среди обычных людей о подобных происшествиях.

Да и юриста должны были предоставлять. У меня даже есть копия письма твоей внучки, она просила спасти дедушку, потому что он спас её от чудовища. Там даже рисунки есть. И история ребёнка, которого похитили и причинили боль. История ребёнка, к которому не пришли сильные и бесстрашные стражи, которые в нашем мире легенды. История о том, как она ждала их и не дождалась, как она просила их помочь своему герою и не допросилась.

– А ты права Волкова. – Оживился Александр. – Деньги привлекут и другие стаи. Те, которые нас поддерживают

помогут и в этом. А остальные кинутся за наживой. А мы организуем свой клуб юристов-оборотней для суда стай. И возглавит его знаменитая Волкова выигравшая проигрышное дело одного из вожаков, одного из нашего мира, когда стражи были в стороне. Приемница дела не менее знаменитого деда.

– Заодно, это даст доступ к внутренним документам стражей, и мы выясним кто давал и подписывал приказы, которые помогали Фонберину. Они даже не будут знать, что мы собираем компромат, отбиваясь от исков по денежным претензиям.

Я словно девчонка подпрыгнула на месте и хлопнув в ладоши начала их потирать. А потом закричала во все горло.

– Петя! Бегом отдыхать есть и мыться. Мы в деле. Мне надо рабочее место. Свободный ноутбук, списки всех с юридическим образованием из нашей объединённой стаи. – Я подхватила его под локоть и потянула назад к дому. Его надо накормить и нужно приступать.

– Нам в команду нужны представители всех поколений. Пару отвлекающих манёвров в виде пышногрудых, но не глупых, а лишь создающих такое впечатление дам. Пару мелких мальчишек, юрких и быстрых из подростков. И главное, все они должны быть преданы нам на все сто. И наша команда, их или их предков должны знать, как надёжных и побеждающих. И они должны быть только из наших стай или тех, которые с нами со всеми потрохами, но лучше наших.

К обеду мы составили список и во время обеда в составе двух вожаков, двух советов и пятёрке стражей обсуждали кандидатуры. К ужину мы составили исковое заявление в суд стай от наших стай по отдельности и даже отправили по электронке секретарю суда с запросом на документы за соответствующий период касательно наших стай. И даже назначили время, обе следующего дня, когда придёт наш представитель за документами в Москве.

Что мне нравилось в суде стай, там нет сроков выдачи бумаг, если ты приходишь лично за ними. У суда есть четыре часа, на регистрацию запроса, обработку, ответ и предоставление нужного. И отказать на запрос от имени вожака или совета по своей стае не имею право. Поэтому завтра бумаги будут у нас. А во избежание неприятных «случайностей» с архивами, к открытию там уже будет наш человек мозолить глаза и контролировать посещение архива.

Об исках в общих чатах мы сообщим уже после обеда. А пока только проверенным, целиком и полностью нашим союзникам. Потому что к вечеру мы должны подготовить исковые заявления и им тоже. Чтобы к нужному времени забирать документы и по их стаям.

Временные рамки в документах мы расширили с учётом три года до происшествия и пять после. И так по каждому исковому происшествию. Суммы компенсации рассчитывали заведомо выше реальных для адекватных выплат.

А ещё, мы отправили Фонберина в Москву с Владими-

ром Григорьевичем. Никому не говоря, тайно на утро после встречи со стражами отправили их машиной. Машиной никак не связанной со стаями. И по договорённости Фонберина задержит свой человек из органов случайно встретив его в общественном месте. И он уже там затребует меня в защитники. Так же мы подготовили основу для защиты этого подонка. По некоторым обвинениям мы подобрали подставных виновников. Да и саму линию защиты уже набросали. Поэтому я ждала звонка со дня на день.

Часть 16. Звонок со всеми вытекающими

Вас разрывали сомнения? Била ли вас дрожь от осознания, что все знают правду, но вы врѐте глядя в глаза человеку, который мог быть вашим союзником в хорошем деле? Я была сейчас в такой ситуации. Чтобы совладать с собой, чтобы ни словом, ни делом не выдать своего истинного отношения ко всему происходящему, я пью успокоительные и до крови кусаю собственную щѐку.

Да, звонок я ждала, но когда он прозвучал он все равно стал громом. Нет, не было уже давно чистого неба, в переносном смысле, конечно. Мы бились за правду, а у неё, в отличии от лжи, только одна версия. Но, к нашему счастью, много дорог, ведущих к ней. И вот он, сам звонок.

– Дознаватель, старший лейтенант Никитин, я разговариваю с адвокатом Волковой Еленой Макаровной?

– Да, это я.

– Задержанный гражданин Фонберин Вячеслав Вольфо-

вич, ваш подзащитный?

– Да, а в чем дело? Какова причина задержания?

– Он отказывается говорить без вас. Насмотрелся иностранных фильмом. Вы могли бы явиться в СИЗО номер 5, на Выборгской?

– Старший лейтенант Никитин, не явиться, а приехать к клиенту. И да, могу, но не раньше, чем через три дня. Я Сейчас нахожусь за городом в Ростовской области. Поэтому дорога займёт время. Как давно задержан мой клиент?

– Он разыскивался по ориентировки. Задержан был в общественной столовой под Тверью. Задержание произошло два дня назад, отконвоировали его в Московское СИЗО вчера вечером. От общественного защитника отказался в вашу пользу.

Следующая, вполне стандартная фраза для адвоката, далась мне с огромным трудом. Я буквально душила себя замыкая свои эмоции.

– Надеюсь его здоровье, во время конвоирования и ожидания меня не пострадает, иначе ведомство ждёт жалоба.

Думаю, в моем голосе прозвучало что-то такое, что почувствовал дознаватель. Иначе его более весёлый голос и фраза на выдохе ничем иным не оправдывается.

– Адвокат Волкова, мы не первый год служим и общаться с такими нелюдями умеем и без вреда для погон и совести.

Он даже хохотнул.

– Надеюсь на ваш опыт и совесть. Так как я могу задер-

жаться, мало ли, пробки, на рейс не успею. А мой подзащитный должен быть изолирован и осознавать своё положение в ожидании меня сохраняя здоровье.

На рейс мы с Петей и Сеней собирались не спеша. Даже «случайно» опоздали на регистрацию и перенесли вылет на следующий день. По прибытию «случайно» забыли договор с клиентом. Который с моей конторой оформили задним числом, спасибо Владимиру Григорьевичу, все продумал.

Потом я случайно проговорила, что мой помощник, Пётр, не имеет с собой корочки помощника адвоката, и нас не пустили к клиенту. Ведь я без помощника ну никак не могу. В итоге, с дознавателем, уже через неделю заключения Фонберина, мы даже сдружились и попивая чай мило общались дожидаясь самого заключённого.

Как выяснилось, сам Никитин тоже из нашего мира, он из стаи Рыжих, что в Белоруссии. Влюбился в обычную женщину, не оборотня и последовал за ней. В его стае тоже пострадали от семьи Фонберина. И скрывать от него мы ничего не стали. Честно все выложили и о том, что собираемся его вызволить и о предстоящем суде стай и о моей клятве. Он помог нам наладить отношения со своей стаей и добиться поддержки от них.

Ну а время, проведённое Фонбериним в СИЗО порадовали всех его состоянием. Потухшие глаза, явная боль при резких движениях. Он получал то, что обычно давал другим. Но при этом ни царапины, ни синяка, ничего что выдаст побои.

В другой ситуации я бы требовала осмотра врачей и освобождения под подписку.

Но сейчас я стала той, кто молчит и отворачивается. Время я тянула умышленно. Даже дознаватели это видели. Я методично добивалась своего. Снимала обвинения по эпизодам. Добивалась передачи ещё сырого дела в суд. Но каждый мой шаг был словно после раскочки долгой и порой не обоснованной, не уверенной. Все понимали, я тяну время, не знали только почему.

Одновременно с этим у меня была и другая проблема. Сергей. Теперь я была не на своей земле. И он осаждал меня каждый день. Я жила в снятой до отъезда квартире однокурсника, и он каждое утро приезжал туда до работы. Звонил в дверь, что-то пытался объяснить с порога.

В квартиру его не пускал Сеня и Костя, он тоже приехал ко мне, для помощи и охраны. Петя обычно стоял в сторонке, безучастный и отстранённый. А моя квартира превратилась в склад цветов, конфет и тортиков. Хотя нет, конфеты и тортики уминались в тот же день. Ребята не подпускали ко мне Сергея, но не вмешивались.

А Сергей не унимался, он приезжал на офис после своих уроков и срочных дел. Приезжал по утрам и вечерам ко мне домой. Но я игнорировала. Видя его, каждый раз, моё сердце сжималось и так хотелось подойти и утонуть в его руках. Но что-то внутри больно кололо и останавливало. Он приходил во снах, волком ластился и я позволяла ему это.

А человеком, я игнорировала его и во снах, просто видя его в панике начинала метаться и просыпалась. А потом долго плакала прячась в ванной. Все же в своей съёмной однушке, я жила не сама, на полу спали Сеня и Костя. Но спасибо ребятам, они молча лопали сладости, ну не совсем молча, но при этом не влезали в душу.

Параллельно мы вели дела по судебным искам, которые сами же массово и составляли, в суд стай. Как и предполагалось, многие стаи пошли на поводу у жажды наживы и присоединились к исковым требованиям. А нам это давало возможность изучать связи стражей с событиями, ставшими бедой не одной стаи.

Мы подбирались к истине. Выяснили от кого были регулярные дезинформирующие указы. Кто подписывал и проводил проверки по фактам провальных операций. И кто регулярно увеличивал свои доходы после разгрома одной из стай руками Фонберина с его стаей. Мы находили доказательства и вели они не к рядовым страхам, а к самой её верхушке.

Эти факты складывались один к одному. Только после смерти моего деда, трое из стражей стали богаче на три завода моей стаи и несколько гектар лесного массива. Все перепродавалось и полученные деньги, прежде чем прийти к счетам этих стражей, проходили не один этап вкладывания в имущество и его дальнейшее продажу.

Порой это были инвестиции в ценные бумаги. Иногда

«случайные» выигрыши в розыгрышах недвижимости или автомобилей, порой драгоценностей. И если все не сложить и не отследить сами деньги, не совсем законным путём, то все оставалось шито и крыто. Но эти сведения мы собирали для решающего иска. А пока в суде стай тянули время исками от стай на возмещение и частично даже выигрывали.

А в обычном суде уже было назначено предварительное слушание по делу Фонберина. И утром этого дня меня ждало разочарование. Как всегда, прозвенел звонок, и ребята открыли дверь. Но выйдя из кухни с чашкой кофе в руках я увидела на пороге только Петю. И ни цветов, ни сладостей.

Петя отводил взгляд. А я, я так растерялась, что даже вышла на площадку, чтобы лично убедиться в его отсутствии. Это кольнуло. Но я не расстроилась. Мало ли. Но его не было и днём, и вечером. И ночью ко мне ни пришёл даже волк. Я отвлекала себя делом Фонберина, судами стай, подготовкой нашего главного иска. А он просто ушёл и не вернулся. Ни днём, ни ночью его больше не было рядом. Я не спрашивала ни у кого причин, но видела, как каждое утро появляясь на пороге квартиры, Петя отводил взгляд.

Так шли дни, недели, месяцы. По судам стай на возмещение компенсаций, почти все иски были удовлетворены, лишь корректировалась сумма компенсаций. По Фонберину суд вообще напоминал фарс. Я играла роль, и всю свою обиду и злость изливала в зале суда.

Одно за другим обвинения, один за другим эпизоды я раз-

валивала и опровергала. Находила алиби или другого виновника, чаще его старших братьев. Фонберин, в глазах не посвящённого обывателя, стал мучеником. Он стал ребёнком выросшем в семье жестоких маньяков и подвергавшийся насилию со стороны родных.

Я отбивалась от обвинений, а в тех эпизодах, где не могла, уже не я, а люди Князева, находили виновных делая из Фонберина только свидетеля. Мне было противно от себя такой. Но я была связана клятвой и понимала, что моя цель наказать. А наказание от стай тех, кто пострадал, будет намного справедливее, чем обычное заключение. Хотя и это заключение не было для Фонберина обычным.

За решёткой ему приходилось не легко. Заключение знали, что кроме эпизодов о насильственной и жестокой смерти, Фонберина обвиняли в насилии девушек и детей, а также их похищении. Но я не испытывала жалости к этому нелюдю. Да и все мои мысли занимала собственная боль – Сергей, он просто ушёл из моей жизни.

Да, я просила его уйти и не возвращаться, просила оставить меня в покое, но не верила в такой исход. И вот получила то, что просила и прятала слезы под душем. Каждый раз замирала по утрам, когда на пороге появлялся Петя. Уже два месяца, как Сергей ушёл. Сегодня было последнее заседание суда и на следующей недели будет объявлено решение.

В своей победе я не сомневалась. Но и поздравления не радовали, я их избегала за широкими плечами Пети. С чем

поздравляли? С тем, что мы оправдали преступника? С моей разгромной и победной работой? Это не радовало. Восемь месяцев непрерывной работы над, нет, не защитой клиента, а над разносом дела. И никакие уверения, что так надо, так лучше для всех никак не доставляли радости. На душе было паскудно, а на сердце тяжёлым камнем тлел огонь собственной вины и боли.

Ночью опять был сон, я на нашей поляне, опять сама. Я металась, звала и искала его. Но он опять не пришёл. Я снова проснулась среди носы в поту и слезах. И снова сползала с постели чтобы укрыться в душе, поплакать и привести себя в порядок. Но в этот раз я не сделала и шага. Мою ногу схватил Сеня и дёрнул на себя.

– А-а-а-а. Ты что творишь?

Я упала к нему на грудь. Своим криком, уверена, разбудила и Костю. Но не страх меня сейчас обуревал. А возмущение и досада. Он что, решил, если Сергея нет в моей жизни, то его место займёт он сам?

– Сразу скажу, я был против с самого начала. Но не мог не дать клятву совету стай. Поэтому включи мозги, Волкова. Я ничего не буду говорить, только спрашивать. А вот какие выводы ты сделаешь из моих вопросов и собственных ответов...

– Сенечка, ты о чём вообще?

– Сеня не надо. – Вклинился Костя. – Так лучше для всех.

– Что лучше, мальчики? О чём вы?

– Кому лучше? Она изводит себя. Её волчица истощена. Она сама на грани. Из сильного вожака она может стать ущербной самкой. Потому что с самого начала сомневалась, а теперь не может понять в чем дело и убивает свою волчицу. Или ты не ведёшь того же, что я вижу каждую ночь?

– Да, о чем вы?

– Волкова. Что ты знаешь о парах? О истинных парах, когда и волк, и человек едины в своей любви и это взаимно?

– Сеня, вот только не надо...

– Надо, Волкова. Ты уже достала своим скулежом. Отвечай, что ты знаешь о парах и как они сочетаются.

Я и рассказала, о метках на ауре, о зове, о снах, о связи и смещении кровью. Но говорила я то и так, как воспринимала сама. Поэтому во многом скептически. На что Сеня не выдержал и даже залепил мне подзатыльник. Смачный такой, я аж согнулась от его «нежного касания». После чего он встал и потянул меня на кухню. Там мы втроём за заваренным кофе, готовя и уминая бутерброды стали слушать Сеню.

– Я расскажу тебе почему я ушёл из своей стаи. Может так ты поймёшь, о чем я пытаюсь тебе сказать.

У волка не может быть много самок. Он выбирает один раз и на всегда, как и самка. Это человек может изменить себе предав своё сердце, а волк никогда. Мой отец вожак и я с младшей сестрой и старшим братом от его второго брака. Первый был по выбору человека.

Он полюбил, возможно взаимно. У них появились дети.

Три дочери и долгожданный сын. Ему было семь, когда наша стая столкнулась с семейкой Фонберина. Тогда, идя по следу стаи Фонберина, он забрал наших самок, среди них была и жена моего отца, отец потерял сына. Он кинулся защищать маму и сестёр и умер.

Быстро, один меткий удар и ребёнок, ещё совсем щенок, умер на месте. Но не это было бедой. Первая жена моего отца, она была истинной Фонберину. Им стоило встретиться взглядом и все стало ясно. Она не смогла вовремя кинуться на защиту собственных детей, смотря в глаза тому, кто был её судьбой. Но все решилось в ту секунду, когда на глазах матери, тот, кто был её истинным, убил её сына.

Эта заминка стоила жизни её ребёнку. Тогда она кинулась на Фонберина и впилась в шею. Он скинул её и в драке тоже поранил её. Они обменялись кровью. И круг замкнулся. Она человек ненавидела. Она волк любила. Они чувствовали друг друга. Во снах встречались в волчьем обличи. А проснувшись она рыдала. Пыталась убить себя, но отец не давал. Он всё понимал, она не властна над своим сердцем и душой, а они принадлежат другому. В стае допускается развод, если оборотень встретил свою истинную.

Их развели, и отец убедил не убивать себя. Он воспользовался их связью, выследил Фонберина. Объединился с твоим дедом и ещё тремя стаями и выследил их. И его, теперь уже бывшая жена помогла свершиться мести. Она не смогла причинить вред своей паре и не смогла дальше жить без

него и с осознанием, что её заминка привела к смерти собственного сына.

Она кинулась в бой и погибла, когда отбивали наших самок. Отец похоронил её как свою самку, как свою жену. Там он встретил и свою пару. Моя мама была заложницей стаи Фонберина три года. Дикая, изнеможённная и не верящая никому. Она смогла открыться только отцу. Не приняла детей, всё боялась, что с ними будут поступать, как у Фонберина.

Нас воспитывала стая. Отец был предан стае, жене и ему было не до нас. Или может он не мог пережить потери старшего сына. Ни три дочери от первого брака, ни я ни моя младшая сестра не видели в вожаке отца.

Да и в матери не было матери. У них были они и стая. Всё. Только мой старший брат, ему, наверное, повезло, он имеет волю вожака, и отец готовит его к этой участи. Но и с ним он не отец, а скорее воспитатель преемника.

Так вот, Волкова, когда оборотень встречает свою пару, истинную пару, он не видит других жениц. Любая другая может стать только другом, сестрой, дочерью или быть матерью...

Но женица одна и навсегда.

Человек может влюбляться в кого угодно, увлекаться и даже жить дея кров и постель с кем угодно. Но если Волк выбирает, то не важно кого, это больше чем просто чувство. Это связь души в каждой из жизней, которую душа

проживает. И это навсегда и не изменится ни со смертью одного из пары, ни с жизнью уже сформированной семьёй.

Он дал время обдумать всё. А потом продолжил как ни в чём не бывало. Из голоса и с лица пропала боль. Даже больше, в глазах появилась злость и раздражение.

– Твоё поведение с Сергеем Князевым – глупое. Вы пара. Чтобы ты не увидела, чтобы не пытались сделать другие... В его сердце и душе есть только ты. И как бы ты себя не убеждала, в твоём живёт только он. И ваша разлука, она делает вас слабее. Его волк воспринимает это как отказ от него, словно измену. А твоя волчица... Ты сильная, очень. Ты подавляешь свою волчицу и этой разлукой, и подавлением ты её убиваешь. Ты становишься слабее и делаешь его уязвимым. И если ты решила окончательно от него отказаться, то учти, ни ты, ни он не смогут в волчьей ипостаси никого другого принять.

– Значит я ещё и виновата? Это он трётся с этой Олечкой, отсиживается с ней на хуторе и вообще...

– Волкова! – Сеня рыкнул, нет, страшно не было. Я чувствовала, я вожак и он не смеет претендовать на большее, не сможет. Но так он впечатляюще рыкнул мою фамилию... – Ты вообще слышишь меня? Ему плевать кто об него трётся. Просто безразлично. Его буря это ты. Ты сводишь его сума и от тебя его эмоции от крайности до крайности плещут. А остальные словно фон. И ты ему совсем не помогаешь успокоиться. Да ему и человеком и волком плевать если вокруг

все мисс вселенные с претендентками голыми канкан исполнять будут. Он видит, чувствует только тебя и никого больше. Как и ты, кстати. Иначе бы хотя бы заглядывалась на меня или Костю, или любого другого оборотня. Или ты считаешь нас не привлекательными?

– Э-э-э...

– Вот именно, Волкова. Да тебе плевать. Ты не просто не смотришь на нас как на мужчин, ты не заметишь даже если мы тут голышом ходить будем. У тебя есть мужчина. И он уже плотно обосновался и в твоей душе, и в сердце и даже в голове. Только ты никак этой самой голове подзатыльника не дашь, чтобы не мучала не тебя не мужика. Мне прямо жаль Серого.

Я сидела красной от стыда и недовольно пыхтела. Потому что вот сейчас, после такой постановки вопроса я заметила, что ребята сидят в одних только боксёрках. А у Кости вообще на самом любопытном месте ещё и картинка пошленькая. И сидят не стесняются и видно не впервой они так, а я и не видела. Ни этих мускулистых и поджатых тел, ни полуголых видов. М-да...

– Вижу, услышала и осознала.

– Тогда почему он не приходит, почему его нет даже во снах. Волка-то я никогда не гнала.

Я говорила из чистого упрямства и с детской обидой, уже чувствуя, что это не все что мне предстоит выслушать.

– А вот это правильный вопрос Волкова. Сколько бы ты

его не гнала, он приходил каждый раз, как только мог, не мог лично прийти днём, и вы резвились ночью. Ты гнала человека и к тебе приходил волк. Отсюда и вопрос, почему твоя пара не приходит к тебе... Ему же не меньше твоего больно и душевно и физически от разлуки

Мне поплохело. Если он не приходит, значит что-то случилось. И если он не приходит даже во снах, значит случилось что-то серьёзное. Это серьёзное длится уже два месяца. И об этом знают все кроме меня. Я посмотрела на ребят за столом. Злость и страх били в висках. И одно слово, наполненное всем этим, слово не просьба – приказ, лишь оно прозвучало от меня.

– Рассказывайте.

Они схватились за головы и скуля упали на пол корчась от боли. Я кинулась к ним в страхе уже за них. Свою волю, исходящую с приказом сама смела и развеяла не замечая.

– Волкова, – опять рыча, но уже от боли, заговорил Сеня – ты же убить можешь.

– Ленка, я с детства знал, что ты мужиков недолюбливаешь. – До этого молчавший Костя говорил вроде в шутку, но взгляд его говорил иначе. Он осуждал.

– Волкова, я же сказал, мы связаны клятвой совету. Но будь умнее.

– Он жив?

– Да.

– Это связано с Фонбериным?

– Да и не только.

– И с делами против стражей?

– Да.

– Я смогу с ним связаться.

– Нет.

– Князев, Николай Фёдорович, связан клятвой совету?

– Не могу ответить. Но могу сказать, что ты вожак и совет не может с тебя брать такие клятвы.

– Я могу повлиять на ситуацию.

– Да, но только в худшую сторону. Пока. Но я обещаю, попросить тебя задать мне вопрос, когда ситуация изменится, и ты не навредишь.

Когда пришёл Петя мы были собраны и готовы к делам. Я была собрана и сосредоточена. Все видели изменения, но не знали причины. А я, в моей душе был покой. Я беспокоилась о своём волке, но теперь я была в нем уверена и это помогло обрести равновесие. Я с новыми силами принялась за дело.

Мы уже точно знали кто из стражей наживался на страданиях стай. Мы знали этих нелюдей, по сути сообщников семьи Фонбериных. И иск о наказании мы готовили соответствующий. Мы хотели судить этих стражей не просто как сообщников Фонберина, а как со организаторов всех преступлений.

Мы отследили все поступления и приумножения продажных стражей. Рассчитали все прибыли от незаконных дел и описали все приумноженное имущество за счёт разорения

стай у самих стражей и их близкого круга. Это были баснословные суммы. Сами Фонберины не имели столько от собственных дел, как эти стражи.

Семь оборотней, семь предателей. Джон Вильмус, Закир Сай-Шахбан, Ивета Озолс, Иван Кирпичёв, Луис Крэц, Федор Копань, Азалия Первакова. Именно эти семь стражей стали преемниками своих родителей и как мы выяснили именно от них и научились наживать таким вот путём. Именно благодаря этим стражам Фонберин, и его стая была неуловима, сами Фонберины всегда избегали наказания и беспрепятственно пересекали границы стран нападая на стаи не только в России и Европе, но даже на других материках.

И началось все ещё с деда Фонберина, чей внук сейчас под моей защитой в суде людей. Именно он вышел на предков Азалии Перваковой, занимавших не последнее место среди стражей в Румынии. И Именно они в итоге нашли единомышленников среди отступников из разных стран и продвигаясь в карьере наживались с помощью Фонбериных.

Решение суда по делу Фонберина не принесло никаких сюрпризов. Он не был оправдан полностью, но был осуждён условно. Он был жертвой с детства и вынужденным наблюдателем, а порой соучастником. Но этого бедняжку уже на выходе из суда ждали стражи. И не сложно догадаться, что трое из семерых присутствовали лично.

Но вполне ожидаемо, что мы это предположили и подго-

товились к такому развитию событий. Из зала суда Фонберин вышел со мной и моими сопровождающими. Но вот из здания суда я вышла с сопровождающими сама. А Фонберин был выведен через запасной ход и сопровождён приставами и охраной Князева в гостиницу.

Из страха мести от жертв, я ходатайствовала об инкогнито перед судом в день оглашения приговора и мне одобрили ходатайство. Поэтому просто и со вкусом мы разыграли карту не нарушая ни законов страны, ни стай.

Часть 17. Если хочешь узнать меня на века –

Отойди, и подальше меня держись!

Там на небе налил, кто-то молока,

И назвал эту странную штуку жизнь!

Так давай же сыграем!

Ты все свои ставки умножь на три.

И давай мы сыграем в игру,

Которая внутри!

Если хочешь узнать меня – сделай шаг,

Я тебя проведу по ночной душе.

Мы с тобой узнаем: есть ли душа,

Или что-нибудь вместо её уже...

Так давай же сыграем, с тобою сыграем –

Без правил, на будь всё или не будь!

И давай мы сыграем с тобою

В моё табу!

Мы допрыгаем вместе до той стены,

Где уже все закончилось семь морей;
Где осталось два слова: беги, вперёд!
Где осталось два слова: беги, быстрее!
Так давай же сыграем, с тобой разыграем,
Какой-нибудь редкий сложный дар
А потом мы сыграем с тобою
В мои города!

(автор и исполнитель Михаил Бублик)

На выходе из здания суда нас ждали стражи. Нет, не так. Нас сторожили, нас конвоировали, нас хотели застать врасплох. Но в эту игру можно и нужно играть каждой стороне. Была бы я сама, без поддержки своей стаи и мудрого совета, без помощи и поддержки самого Князева и его стаи с советом, без пятёрки стражей знавшей наперед как поступят их коллеги, я бы уже проиграла.

Потеряла бы главный козырь, передав в руки продажным стражам Фонберина, и скорее всего была бы ими обвинена в его побеге. Так уже было и не раз. Но я была не сама, за моей спиной были те, кому не все равно. Поэтому сейчас Фонберин под надёжной охраной, а продажные стражи с носом. Главное самой не пострадать в этой игре.

– Волкова Елена Марковна, вы обязаны передать Фонберина стражам. Где он?

В этот момент к нам, как по сценарию, ладно, вру, совсем не как, а по сценарию, подбежали журналисты. Те самые, которые досаждали в своё время Князевым. Под давлением

Владимира Григорьевича редакторы написали ряд подготовительных статей. В них Вячеслав Фонберин был жертвой своих родных, жестоких и психически не здоровых людей.

И Князев, став жертвой обстоятельств и заложником своего горя в семье соприкоснувшись с этой семейкой. Но именно он, прошедший долгий путь от жертвы до мстителя, замаравшего руки самосудом над жестоким маньяком, стал тем самым спасителем для Фонберина. По мнению журналистов, именно этот путь через все сомнительные прелести нашей правоохранительной и судебной системы подтолкнули Князева помочь такой же жертве.

Николай Фёдорович оплатил мои услуги как защитника Вячеслава Фонберина и собирался оплатить его лечение. И теперь меня окружили акулы пера с жадной грязных подробностей. История была продумана и запущена давно. Реализовывалась поэтапно давая шаг за шагом новые подробности разным изданием и этим подогревая интерес.

А ещё у нас нашлись весьма интересные молодые ребята, они открыли свои боги и подогревали мелкими, но известными только им, подробностями. Они и дали информацию о закрытом слушанье и попытке перехватить адвоката в день оглашения приговора. Поэтому сейчас нас ждала толпа и стоило услышать моё имя, они были уже здесь.

– А вы родственники пострадавших? – Заговорил один из наших блогеров обращаясь к стражам. – Вам уже известен приговор?

Стражей передёрнуло. Их план о тихом мирном обвинении во всем меня и мою стаю, о передачи им Фонберина и его побеге, все нарушено. Да ещё и их лица теперь будут, если не во всех СМИ, то во многих. Теперь личное присутствие и здесь не опровергнуть.

Круг замкнулся, и мы переходим к активным действиям. Теперь наша задача уже не тянуть время заискивая денежными компенсациями для стай. Теперь наша задача суд стай над соучастниками Фонберина. А дальше над самим Фонбериным и семёркой продавшихся стражей. Не просто продавшихся, а своё гнилое нутро передавшие по наследству новым поколениям.

– Уважаемые работники пера, несущие правду, я адвокат Вячеслава Вольфовича Фонберина, я утверждала ранее и повторю сейчас, наша защита этого человека строилась на правде. А правда в том, что он ещё ребёнком был заключён в ужас. Его дед, отец и два старших брата лично занимались его воспитанием. Но уже было доказано, что эти психически не здоровые люди, социопаты.

Люди убивавшие, похищавшие и насилловавшие, получавшие от этого наслаждение. В этой среде рос и воспитывался этот человек. Переживший смерть собственной матери от рук отца. Он воспринимал это как норму поведения, не видел иного примера. Это привело к ужасным последствиям, в которых виноват не только он, но и каждый из нас.

Это мы не уберегли ребёнка и получили то, что есть. К

счастью, его внутренняя сила противилась такому поведению. И не смотря на жестокие наказания со стороны отца и братьев, оставившие на его теле и душе не один шрам, не сломали его окончательно. Как было доказано на суде, в жестоких, кровавых, со смертельным исходом, инцидентах, лично Вячеслав Вольфович не участвовал. Даже порой был несильным свидетелем действий своего отца и братьев.

Поэтому мы считаем приговор суда о принудительном лечении с постановкой на учёт и условном сроке справедливым. Этот человек жертва и его надо спасти, а не наказывать за то, чему он стал свидетелем и невольным участником. Во избежание самосуда, мы просили суд тайно сопроводить на лечение Вячеслава Вольфовича прямо из здания суда и госпитализировать моего клиента инкогнито. А теперь простите, у меня есть и другие дела.

Я уходила к машине, там меня уже ждал Сеня и Коля, Петя шёл по пятам за мной. А журналисты кинулись с расспросами к стражам, оставшимся за моей спиной. Я чувствовала взгляд полный ненависти и даже отвращения, не один взгляд в мою спину. Но в том-то и дело, что я, что мы, оказались впереди.

Ещё пару месяцев ушло на завершение всех дел по искам о компенсации от стай к стражам. Все это время меня осаждали стражи с требованием отдать им Фонберина. Та продажная семёрка больше не появлялась лично, хотя в официальных требованиях почти всегда была резолюция одного из

них. Но я игнорировала все требования. Ответ всегда был один:

«Фонберин Вячеслав Вольфович находится под защитой стаи Волковой, согласно традиции клятвы побеждённому до суда стай. Его жизни и здоровью ничего не угрожает. В выдачи его стражам отказано по праву победителя согласно древним законам стай.

С уважением вожак стаи Волкова Елена Макаровна»

Два месяца противостояния и вот все дела завершены. Стаям назначены компенсации за ущерб. Среди стражей прошли громкие увольнения и отстранения. Но семёрку предателей это не задело. А через неделю были назначены открытые слушания по делу стаи Фонберина. Все, кого на суде нашей стаи мы описали пострадавшими и свидетелями уже расселились в Москве под присмотром стаи Князева.

Многих приняли в его стаю, кто был принят в стаи наших союзников. Одиночек не осталось. Те, кто был принят в мою стаю тоже прибыли. Всех их было не узнать. Живые глаза, общительные и игривые дети. Чистые, ухоженные, сытые. Они ещё боялись и жались в кучку, но уже не вздрагивали от громких звуков и не сгибались под прямым взглядом.

Сложнее было доставить наших пленников. Нам пришлось везти связанных людей сначала до железнодорожного вокзала, а потом в выкупленном вагоне, перевозить их в Москву. И все это делать так, чтобы не попасться на глаза любопытных обывателей. И что ещё сложнее, доставить их

до Москвы и в суд стай не потеряв их.

Мы до последнего боялись, что продажные стражи что-то предпримут. Поэтому бронь на вагоны были оплачены на месяц в каждом рейсе до Москвы. А так же аренда автобусов без водителей во второй половине того же месяца. Автобусы мы использовали с умом. В них мы провели благотворительные экскурсии. Просто в последний день собрали детей из ближайших детдомов и отправили их в Москву все оплатив. А так же в день отправки наших пленников была бронь на charterный рейс до Москвы.

Аренда и бронь были на кого-то из стай, каждый раз нового, но это не мешало им отследить все. Расчёт был верен. Первые две недели арендованные вагоны навещали заботливые стражи в ближайшем от нас городе. Дальше просто встречали их уже на подъезде к Москве. Все автобусы перехватывали и осматривали в дороге подальше от населённых пунктов. А charterный рейс просто взяли под контроль до подтверждения. Поэтому отказ от чартера был сюрпризом дня них и ещё каким.

Мы поступили просто. Арендовали вагон, загрузили наш живой груз, а дальше подцепляли вагон к разным составам. Постоянные смены состава увеличили время езды. Но благодаря связям и Владимира Петровича, никто кроме сопровождающих не знал в составе какого поезда в данный момент едет в Москву прицепной вагон.

Да и вагон был не пассажирским, а почтовым, поэтому

аренда была оформлена не через железнодорожную службу, а почтовую. Надо ли говорить, что появление среди ночи связанных людей в здании суда стай, где утром должен был состояться суд, был сюрпризом для всех, кроме доверенных лиц. Ну а для соблюдения всех законов стай, в сопровождающих были стражи, та самая пятёрка стражей, которым мы верили.

Фонберина на первом заседании не было. Я отказалась его приводить до суда непосредственно над ним. Все так же ссылаясь на своё право. И вот, суд стай. В этот раз у обвиняемых нет защитников, нет адвокатов. Их вина не нуждается в подтверждении. Весь суд только для того, чтобы определить наказание, вина уже доказана. Совет нашей объединённой стаи был в полном составе, мы с Князевым сидели рядом, в первых рядах, совет разместился вокруг и там же наши новые члены стаи.

Наши союзники тоже были рядом с нами, как и их новые члены стаи. Остальные подходили, здоровались со всеми и знакомились со мною, рассаживались на свободные места. Вообще зал суда здесь напоминал совмещённые арену и театр. На возвышенности за массивным столом сидели сами судьи. Судьями могли стать только избранные самой луной. Что это значит я не поняла.

Знаю только, что судьи – это отшельники нашего мира. Вне зависимости от пола, судить они могут только до брака. И при рождении они мечены луной. В прямом смысле, при

рождении будущего судьи, на теле младенца появляется родинка в виде полумесяца. И она обычно на видном месте: лоб, ладошка, щека, шея. Стоит судье пойти против законов стаи и метка выгорает доставляя боль и оставляя ожог носителю. А если судья встречает свою пару, то метка блекнет и после обряда совсем пропадает. Это означает, что луна отпустила своего судью и наградила за верную службу.

Хотя я принимаю всю эту волшебную процессию за обычную непредвзятость. Просто пока нет семьи ты отвечаешь за всех оборотней и не важно какая стая перед тобой. А когда за твоими плечами родные и близкие, ты предвзят и уязвим. Ещё, меня уверяли все, кого я спрашивала о судьях стай, что они чувствуют правду и ложь. Всего судей было семеро и один мальчонка секретарь. Как мне сказали, что он будущий судья.

Метка у него есть, но в состав судей стай он войдёт только когда один из судей уйдёт. На каждой материке есть свои судьи и их всегда семеро. И новый рождается только когда до ухода одного из них остаётся пятнадцать лет. Это происходит всегда все зависимости от обстоятельств. Сами судьи были разного возраста. Один был совсем юным мужчиной, ему на вид едва ли двадцать исполнилось. А один был седым и морщинистым, он был стар, очень стар.

Перед столом судей была круглая площадка не больше тридцати метров в диаметре. На ней в окружении стражников, прямо на полу сидели по-прежнему связанные и с кля-

пами во рту оборотни, те самые которых мы привезли. Дальше были десять рядов сидениями по кругу площадки. Мы сидели ровно напротив судей.

За этими рядами были новые, но они уже постепенно поднимались выше и выше. Каждый новый ряд был на пол головы выше предыдущего и тоже окружал площадку по всему периметру площадки. На самых верхних рядах сидели стражники. Зал был огромный, некоторые ряды просто уже не просматривались. Находился он в подземном этаже одного офисного здания, принадлежащего стаям нашего материка.

Он возвышался над Москвой, и никто кроме посвящённых не знал о наличии под самим зданием вот такого зала суда стай. Как и не догадывался о самих стаях и оборотнях, как совсем недавно об этом не знала и я.

Часть 17.1. Суд стай

... Так давай же сыграем, с тобою сыграем –

Без правил, на будь всё или не будь! ...

Первый день заседания суда стай.

О начале судебного заседания объявил секретарь, мальчишка лет тринадцати – пятнадцати с не по годам умным и серьёзным взглядом. С лунной меткой на правом виске. Он встал из-за края стола где сидели судьи и ломающимся подростковым голосом заговорил на весь зал. Не кричал, нет. Говорил спокойно и размерено, но голос разносился по всему залу.

– Заседание считается открытым. Перебивать говорящего запрещено. Наказание определяют судьи. Каждому, чьё имя было названо во время показаний будет дано право высказаться следующим. В случае отсутствия названного, за него может и должен говорить, и отвечать вожак или заседание может быть перенесено, до появления, названного.

Решение судей окончательно. Если у присутствующих появляются вопросы к говорящему, они могут написать их и передать через стражей судьям. – При этом в первых рядах встали несколько стражей в строгой чёрной форме с отсутствием эмоций на лице. – И они решат озвучивать их говорящему или нет. От имени стаи может говорить вожак и только вожак. Да свершится правосудие во благо нашего мира и справедливости.

В зале повисла тишина. С потолка подползли камеры, снимающие все происходящее. Сам зал стал темнее, освещение заглушили. А вот стол судей, сами судьи, секретарь и место перед ними, где теперь стояла кафедра, они стали ярко освещаться. За спинами судей опустился белым полотном экран. Один из судей заговорил не вставая.

– Сегодня мы собрались здесь на суд стай. По просьбе объединённой стаи Князева и Волковой суд будет открытым. Это значит, что все желающие и причастные могут присутствовать и участвовать в суде.

– Этот суд не на определение вины, поскольку вина доказана новым вожаком бывшей стаи Фонберина. В схватке на

силу между вожаком Волковой и Фонбериным, Волкова взяла верх. Она сохранила жизнь Фонберину взамен на клятву и свою защиту по праву наших законов.

– С момента признания своего проигрыша Фонбериным, – судьи говорили один за другим ровными голосами и создавалось впечатление, что они едины, хотя голоса и были разными, но тон и сама манера говорить сливались в единую речь, – вожаком стаи стала Волкова.

– По праву вожака, она провела свой суд, где оправдала часть оборотней и взяла под свою защиту. А часть была оправдана и по их желанию освобождена от обязательств стаи. Оборотни стали вольными.

– Многие из здесь присутствующих приняли свободных оборотней в свою стаю. Все оправданные их вожаком пришли сюда добровольно в качестве свидетелей и под защитой своей стаи и вожака.

– Чтобы не мучить и без того искалеченные души, суд принял решение, вместо их личных показаний, посмотреть видео с суда стаи Волковой. По необходимости возможны дополнительные или уточняющие вопросы к любому из них.

Со своего места встал мальчишка секретарь и задал вопрос всем сразу.

– Есть ли предложения судьям по уже сказанному, передайте записки стражам.

В тишине и полумраке зала кто-то зашуршал, а потом несколько записок передали судьям. Они прочитали их и пе-

редали секретарю две из трёх согласно кивнув. Секретарь зачитал первую.

– Одна из стай спрашивает, согласился ли суд стай с приговором вожака Волковой. – На вопрос ответили сами судьи.

– Все материалы, которые судьи предлагают вам просмотреть были изучены судом и суд согласился со справедливостью решения вожака Волковой в оправдании всех, кто теперь свободен.

– Суд снимает с них все подозрения и лишает права стай требовать или винить их в чём-либо, подтверждая статус жертв и вынужденных соучастников без права противостоять вожаку.

– Все их поступки против законов мира и стай приписываются вожаку, под чьей волей совершались.

– И эти обвинения семье Фонбериных судьи уже считают подтверждёнными.

Секретарь зачитал вторую записку.

– Могут ли стай претендовать на новых членов, тех, кого похитили у них. Или принятые в новую стаю теперь их заложники.

– Волкова выиграла бой силой и стала вожаком всей стай. Каждому, кого оправдали на суде стай и кого стая согласилась принять, было предложено добровольно остаться или уйти. Как и в другие стай все входили добровольно. Если кто-то претендует на членов стай другого, они могут это обсудить с вожаками стай и не достигнув соглашения обратиться

ся к судьям.

– Судьбу виновных, от кого отвернулась стая и кого вожак передал на суд, решаем мы и сейчас.

Третья записка была зачитана лично одним из судей. Мужчиной средних лет с родинкой в виде полумесяца под левым глазом, что создавало впечатление, что глаз «светится» банальным фингалом.

– От стражей поступила просьба к судьям не решать судьбу, а сначала определить вину обвинённых на основании исключения этих оборотней из стаи Волковой. – По залу пробежали шепотки. А я схватила за руку сидящего рядом Князева. – Судьи не могут отказать или согласиться.

– К нам поступило обращение о суде решающем наказание виновных от вожака Волковой, и оно было поддержано другими вожаками в большинстве. Волкова, будучи в своём праве, судила членов своей стаи и уже потом исключала виновных из стаи лишая своей защиты.

– Чтобы изменить саму цель суда с определения наказания на определение вины с наказанием, должны выступить вожаки в своём большинстве. Только так.

– Суд выносит этот вопрос на открытое голосование вожаков. Но только после просмотра показаний уже оправданных.

– Устраивает ли такое решение стражей. Прошу ответить обратившегося к суду.

К кафедре перед судейским столом подошёл Закир Сай-

Шахбан. Он прочистил горло не громким кашлем.

– Меня устраивает такое решение. И я настаиваю провести голосование после открытого просмотра оправданных вожаком Волковой обратной опросов.

Кажется, я проколола ногтями руку Николая Фёдоровича за которую схватилась, я почувствовала что-то мокрое и тёплое под своей ладошкой, а потом и запах крови. Я испугано опустила глаза на руку, а потом ещё более испугано перевела взгляд на лицо самого Князева.

– Дочка, не волнуйся. Мы и этот поворот событий просчитали. Даже больше, его мы ожидали больше других.

Он повернулся чуть боком и свободной рукой слегка сжал моё плечо. Я разжала ладошку и уставилась на свои ногти. Нет, не так, на свои звериные когти в крови. Мне передали платок из-за спины. Я машинально вытирала кровь со своей ладошки. Прослушала часть речей. Меня била мелкая дрожь.

Я плохо себя контролирую.

Это все о чём я сейчас могла думать. Когда паника уже стала меня поглощать, Князев приобнял меня за плечи и тихо прошептал.

– Дочка, возьми себя в руки. От нас сейчас зависит слишком многое. И жизнь моего сына в первую очередь. Не дай им повода.

Меня словно окатило ледяной водой. Утихла паника, ушла дрожь, пропал страх. Все чувства, кроме шемящей

сердце тоски, все пропало. Кажется, я не дышала, иначе как объяснить, что следующий мой вдох обжѐг внутренности.

Нет, после того разговора с ребятами я понимала, что с Сергеем что-то случилось и ничего хорошего в этом событии нет. Но я не знала подробностей и не пыталась их узнать. Мне дали понять, что всё под контролем. Но сейчас, сейчас я поняла ситуацию. Меня просто пытались успокоить.

Сергей у стражей и не просто у стражей, а в руках той самой продажной семѐрки, и он их рычаг. Все мои мысли заняла эта ситуация. Я прослушала все разговоры. Пропустила, когда начали просматривать показания оправданных нами оборотней. Лишь, когда в зале снова включили свет и заговорил секретарь я пришла в себя возвращаясь к реальности.

– Мы понимаем, что для многих увиденное и услышанное тяжело пережить и осмыслить, поэтому дальнейший просмотр переносим на завтра. Все материалы разделены на три части, материалы могут быть предоставлены вожаку по запросу судьям или стражам. Так же копии есть у вожака Волковой. Следующий просмотр будет завтра и после завтра в десять утра тут же.

Потом будет один день на осмысление увиденного. И уже тогда мы соберѐмся вновь здесь для решения вопроса по просьбе от стражей поступившего в лице Закира Сай-Шахбана. Присутствие вожаков и свидетелей обязательны при просмотре, остальные могут каждый решать для себя.

Пленники, доставленные Волковой для суда, останутся в камерах суда под охраной стражей добровольно проявивших желание к этому. На это время стражи поступают в полное подчинение вожака Волковой. По её праву вожака осудившего, до оглашения приговора судьями. Охрана пленников остаётся её обязанностью. Судьи прощаются с вами до завтра.

Я слушала слова секретаря на лице, которого, как и у судей, не мелькнуло ни одной эмоции. И ощущала эмоции из зала. Боль. Сочувствие. Сожаление. Я слышала чьи-то всхлипы. Я понимаю, что происходит со всеми. Увиденное не может оставить равнодушным, как и услышанное. И я даже рада, что когда все смотрели я выпала из реальности.

Поэтому сейчас я была расстроена, но не было в моих глазах слёз. Я была в глазах других сильная, не сломленная. Я подошла к пленникам. Рядом уже стояли стражи, и вся семерка была тут. Тут же была та странная девица. Но никто не смел трогать пленников без моего приказа. Я в своём праве. Я молча осмотрела всех добровольцев из рядов стражей.

– Я Азалия, стаж Петрова, я добровольно вызвалась для охраны. Можешь идти отдыхать со своей парой, а я с коллегами займёмся своим делом.

Вот же стерва. Сергей в их руках и она бьёт по больному. Или пытается сейчас повлиять на меня, запугать. Тварь.

– Спасибо страж Петрова. Но от своих обязанностей я не уклоняюсь. – И смотря прямо ей в глаза стала отдавать ука-

зания своим подошедшим ребятам. Все это мы оговорили и к этому были готовы. – Владимир Григорьевич, оцените ситуацию и вызовите всех, кого посчитаете нужным. У каждой камеры должно быть не меньше двух человек.

Особо по камерам не растягивайте, по одному развязать, напоить, накормить, дать возможность справить нужду, все под контролем на одного освобождённого по два человека. И плотненько разместить в камерах. Они заключённые, не на курорте. Через каждые четыре часа повторить, по очереди развязать и напоить-накормить, снова отконвоировать к нужнику и обездвигать.

Общение между собой и с другими не допускать. После кормёжки, заключённых сменить охрану. Стражей вызвавшихся помочь рассредоточить по этажу и коридорам. Без моего личного разрешения вам, к охране никого не допускать.

Пока не вынесен приговор они наша забота. Коля, первая смена твои ребята. Сеня, вторая – твои. Ян, третья – твои. Связь через Владимира Григорьевича. О всех внеплановых ситуациях докладывать ему сразу же. Приступайте.

– Дочка, – ко мне обратился Луис Крэц, мягко, по-отечески, – мы имеем больше опыта в таких делах. Зачем такой контроль. Зачем вообще такой милой девочке забивать себе голову этим? Иди отдыхать, а мы всем займёмся. Тебе ещё много предстоит, нужны будут силы со всем справиться.

Во время его обращения ко мне я по-прежнему смотрела не отводя взгляд от Азалии. Она видела, как меняются мои

эмоции и загорается блеск в глазах. Моя ухмылка и азарт в глазах совпали с лёгкой волной подчинения. Я надавила волей и перевела взгляд на говорившего Луиса сразу после того, как под моим давлением Азалия отвела взгляд слегка склонив голову в жесте подчинения.

– На время заключения пленников, в промежутках между заседанием суда стай, охрана пленников **моё право и моя обязанность**. Я требую уважения к законам нашего мира, о вашем поведении доложу вашему руководству и судиям лично. И не забывайте, стражи поступают в полное подчинение вожака Волковой, а не наоборот.

Мои слова подтверждались давлением. Я говорила так, как не ожидала от самой себя. Жёстко. Рыча. Подчиняя. Стражи склонили головы и ссутулились. Никто больше не решился продолжить бессмысленную беседу. Они разыгрывали карту своего пленника. Мы своего права.

Я ощущала их злость. Но были и другие стражи, от них исходило смущение и непонимание, растерянность. Значит не все заодно, есть и те, кто просто выполняет свой долг. Но рисковать мы не станем. Мы слишком многое поставили на карту. Играем по намеченному плану и мечеными картами, но отыграть должны ровно и гладко.

На выходе из здания меня ждал автомобиль Князева. В салоне была бабуля и сам Князев. Я села молча в салон. Глубоко выдохнула прикрыв глаза. Как же сложно. В зале суда выступать легче, чем все это. И как же сложно играть спо-

койствие, когда в душе буря.

Мы ехали молча до самого дома Князевых в Химках. Там нас уже ждали мои родители и многие вожаки других стай, тех, кто нас поддерживает и в ком уверен Князев. Сначала был ужин. В полной тишине и при полном составе семьи Князевых, всех кроме Сергея. К концу ужина приехал Владимир Григорьевич.

Видя лица сотрапезников и тишину за столом, он стал эмоционально рассказывать о моей стычке со стражами у камер, нахваливая меня со всех сторон. Потом рассказал о том, что после моего ухода они пытались «по-свойски» посоветовать и посочувствовать такому опытному человеку, вынужденному подчиняться девчонке. После жёсткой отповеди разошлись по указанным точкам намекая на ошибку с моей стороны и со стороны самого Владимира Григорьевича.

– Коля, – обратился к Князеву один из вожаков, – не перегибаем ли мы? Наша стая пострадала меньше твоего от Фонберина, но от стражей... Мы можем потерять очень многое.

– Святослав, у этих тварей мой сын, Сергей, мой преемник. Никто кроме меня не рискует сильнее.

– Как же так? Почему вы не обратились к суду с требованием выдать его немедленно.

– Потому что нам нужны не только факты прошлых действий и бездействий, но и то, что вскроет суть предателей сейчас. Мы знали, на что шли. Да и к тому никто не сообщил об официальном аресте. А все ментальные связи запечатаны.

– Прости друг. Я не знал, что все так серьёзно.

– Все очень серьёзно друзья мои. Настолько, что у нас есть доказательства предательства в рядах стражей с преемничеством в новых поколениях. Катюша сейчас приготовит чай, и мы все вам покажем и докажем. У нас уже нет обратной дороги. Теперь мы не просто наказываем исполнителей, а Фонберины и их стая всего лишь исполнители, теперь мы идём крестовым походом против предателей внутри стражей.

Уже за чаем мы обсуждали ситуацию. Дети Князева не присутствовали при разговоре. А я ждала, ждала, когда всем станет все ясно, и они уйдут. Я ждала, когда мы останемся в узком кругу и мне наконец-таки расскажут, что с Сергеем. В какой-то момент я устала переживать, ждать и нервничать. Я просто уснула.

Проснулась в комнате Светы, она мирно спала рядом, а по кровати пыхтя и кряхтя ползла к нам Лиза.

– Ты чего тут? Почему не спишь?

– О-о-о! Ты проснулась! – Она громко заговорила радуясь мне и улыбаясь. Я Цыкнула ей, но было поздно. Света открыла глаза и зарычала на шум. Потом увидела Лизу и тяжело вздохнув притянула её к нам.

– Вот же неуёмный ребёнок. От куда в тебе столько энергии?

– Пока дяди Серёжи нет, она копится. – Девочка теперь уже шептала.

– Да не шепчи уже, всех разбудила, чего уже-то.

– Я просто соскучилась за тётей Ленной. Её долго не было. А сегодня приехала, а у нас чужие и их так много. Но я молодец! Я не боялась и не пряталась. Я улыбалась и здоровалась, и помогала бабуле, я чай разносила и конфеты.

– Да, чай разносила, а конфеты лопала.

И мы тихо засмеялись вспоминая как Лиза носила всем конфеты смотря на гостей таким взглядом, что взять никто так и не решился. Отнять конфету у ребёнка ни смог никто. Зато как она их лопала не отходя от гостей и оглядываясь на дверь за которой скрылись родители всех забавляла. Это расположило к доверительной беседе. И помогло мне перевести дыхание. Кажется, именно увидев это я перестала трястись и уснула.

– Я тоже скучала. По всем вам, очень. – Я говорила и обнимала, сначала Лизу, разместившуюся между нами, а потом подтянула к себе и Свету.

– А почему тогда ушла? – Лиза с искренним непониманием и возмущением пищала где-то между мною и Светой в крепких объятиях. – Знаешь, как дядя Серёжа переживал, он даже с папой поругался. А деда ему по шее надавал и за ухо трепал. Дядя Серёжа обернулся, а деда его волком трепал за ухо.

– Да, отец очень доходчиво объяснил Серому где и в чём он был не прав. – Хмыкнула Света.

– В смысле, не прав?

– Понимаешь, Лен, Серый рос со мной, мы же близнецы.

Все его друзья были и моими друзьями, а мои подружки его. Он взялся опекать нас ещё с малку. Я и мои подружки для него словно маленькая армия сестрёнок, младших и беззащитных. Он так привык. Даже после того случая... Ну, словом, даже после того как я перестала общаться со всеми, он чувствовал себя обязанным заботиться о моих бывших подругах. Ты же помнишь каким открытием была влюблённость Оли для него?

– Он заявился с этой Олей ко мне домой! – Не выдержала я и даже перешла на визг.

– Лен, он дурак. За это его отец и поучал. Подробно объясняя, что в делах, когда идёт охота на насильника и похитителя, молодых волков, особенно волчиц, с собой не берут. А к своей паре вообще с другими волчицами не приходят.

– Угу, дедуля и Олю учил. Он позвал её бабулю, маму и всех троих сначала выругал, а потом заставил отрабатывать. Он всю семью отправил на ферму, они теперь доярками год отрабатывают с минимальным заработком.

– Папа сказал, что у старой корги ума нет, вот она ни дочке, ни внучке ума не передала. А Олин отец её выпорол. Он, когда узнал, что его дочурка вытворила и что сбежала не спросив у него разрешения, так рассердился, что снял ремень и прямо у нас дома отходил её. Знаешь, давно пора было уже. Она ведь видела метку, но все равно пришла.

Это её мама человек, не особо понимает, что к чему. А бабка и отец оборотни. Только бабка давно грезит Серого

охомотать. Вот и подговаривала внучку. Она даже какой-то приворот сварила, она же знахарка, слабая правда. Только на истинную пару это не работает. Отец вообще хотел изгнать их. Но когда узнал, что бабка с Олей задурили голову её матери, а отец вообще ничего не знал, передумал. Так что Оли теперь даже в выборе пары запрещено участвовать, до тех пор, пока у отца внуков от Серого не появится.

– Кстати, Свет, а что там говорят, что Князевым пополнения ждать надо? Я думала это про Сергея с Олей...

– Прекрати плохо думать о моем брате! – Как-то строго и с обидой перебила меня Света. – Он конечно дурак ещё тот, и доверчив, но он любит тебя. Да, когда до него дошло что ты подумала и как восприняла всю ситуацию, а объясняли ему, и отец с мамой и все сестры и Толик с Таней, даже Владимир Петрович со Станиславой Викторовной, он три дня обернувшись ходил, все выл и скулил.

– Угу, а ты как отрезала, не пускала его к себе.

– Да, мы тогда ни днём, ни ночью отдыха не знали. Я даже с мамой в городскую квартиру сбежали. А потом Владимир Григорьев привёз Галину Викторовну и он обернулся назад и взял себя в руки.

Мы помолчали.

– Так что за пополнение, ты что нашла кого-то себе?

– Кого? Я же все ещё особо не общительна, тем более с ребятами. Только начинаю возвращать ту себя, свободную и лёгкую. Ты кстати, как? Ты пережила все это уже второй

раз...

– Знаешь, сейчас это было не сложно. Галина Викторовна вправила мне мозги. И меня поддержали и помогли. Сеня, Дэн и Ян, они ... Они замечательные. Я же так и не смогла обратиться полностью. А когда они помогли мне бежать, то несли меня по очереди, на руках. А потом... Потом я поняла, что если они рискнули всем ради себя, ради того, чтобы вырваться из плена этого урода и помогли мне, то и я смогу. Ведь у меня намного больше причин выжить и отомстить...

– Он, он... он хотел тебя... он

– У него не получилось. Но он пытался. Знаешь, если у тебя никого нет, надо тебя познакомить с моими мальчишками. Они мне как братья теперь. Ты бы знала, как их бабуля с мамой закармливают пирожками... Сначала они уминали сметая все подряд... А сейчас не знают куда деться от вкусняшек.

Мы болтали, а Лиза уже во всю сопела.

– Знаешь, Лен, ты многое изменила в нашей семье. Ты дала нам надежду. Ты помогла отцу. Ты спасла меня и Лизу. Я никому не говорила, но я уже не раз думала уйти из жизни. Особенно после того, что случилось с отцом. А потом появилась ты и все стало с ног на голову. Ты боялась, как и я, но при этом боролась и даже нападала. А когда в семью вернулся отец...

Света подозрительно всхлипнула

– Я решила выйти за пределы своей конуры, как это на-

звала Галина Викторовна. Я восстановилась в институте, а же, как и Серый, на учителя училась только он на инязе, а я на филфаке. Правда пока сама боюсь на долго оставаться и со мной кто-то из наших всегда рядом. Но я теперь учусь и снова мечтаю и много о будущем. Спасибо тебе.

– Не за что. Думаю, вы все помогли мне не меньше. Я вовремя разобралась с прошлым и смогла его принять. Это помогло мне при встрече с Фонбериным, очень помогло. Так что и тебе тоже спасибо. Но не уходи от ответа!

– Вот же зануда! – Мы снова тихо смеялись. – Это Оля со своей бабушкой распустили слухи, что ты и Серый скоро подарите внука вожаку. Они так решили приблизить дату окончания своей ссылки.

– Вот гадины языкастые!

– Угу. Олька так допекла своего отца и мать жалобами и просьбами, что те попросили вожака расселить их по разным хозяйствам. Папа уже распорядился. Олин отец нужен в Зеленогорске и его жену отправляют туда с ним. Бабку отправляют на дальнюю ферму в глубинке.

А Олю хотят определить приглядывать за молодняком. У нас есть закрытый детский сад для оборотней. Там закрытая охраняемая территория и там учатся оборачиваться молодые и не стабильные. Поверь, работа там либо по призванию, либо в наказание. Так что для многих ты уже в положении. И пока отец с этим не спорит. Он хотел с тобой по этому поводу поговорить. Так что если что, я тебе ничего не говорила.

Так за разговорами мы и уснули. А на утро нас буквально стягивали с постели. И серьёзный разговор вновь отложился на потом.

Часть 17.2. Суд стай

...И давай мы сыграем с тобою

В моё табу! ...

Второй день заседания суда стай.

По пути в суд я спала. Мы плотно позавтракали и выехали, но я уснула сразу как попала в салон машины. За рулём был сам Николай Фёдорович, я сидела рядом, сзади бабуля и Владимир Григорьевич с женой. В салоне было тепло и разговор был тихим, убаюкивающим, было уютно.

Меня разбудили перед зданием, бабуля вручила мне расчёску и резинку для волос, а потом уже Николай Фёдорович дал мне бумаги и кофе. Несколько глотков ароматного и крепкого напитка привели в чувства. А бумаги настроили на нужный лад. В бумагах был доклад о всех попытках пообщаться с пленниками. И официальная жалоба для стражей с заявлением для судей.

Начальник стражей был уже в зале и слушал доклад подчинённого о прошедшем дежурстве. К нему мы и подошли.

– Доброе утро. – Я мило улыбнулась, позволила себе небрежно прикрыв рот зевнуть. – Как вам спалось этой ночью, уважаемый...

– Начальник стражей Москвы и области, сотник Гришин Борис Петрович, можно просто страж Гришин, как я могу к

вам обращаться?

– Вожак Волкова. Так как вам спалось страж Гришин?

– К-хе, нормально спалось...

Страж смутился. Удивительно, такой большой и опытный, взрослый дядька, а смущается словно мальчишка, даже покраснел. Для сотника это поистине удивительно. Вообще, сотники – это верхушка стражей. Их всего сотня на нашем материке, как и на других равных по количеству оборотней и площади обитания, от сюда и название. И они равные, они совет стражей, его глава.

– А мне, представляете, очень плохо. Я вчера дала распоряжение охране изолировать пленников. Вы же понимаете, как это важно. Не дай Бог, кто устроит самосуд. Но в обход моего приказа, в нарушение закона и попираательства моего права вожака, некоторые пытались обойти охрану. Мне звонили всю ночь докладывая о все попытках. Вот, – я протянула ему жалобу, – тут все изложено. Надеюсь следующую ночь мне дадут выспаться? Возьмите это под свой контроль и отсейте заранее всех, не способных выполнять приказ.

Стаж покраснел. Только теперь не мило от смущения, нет. Теперь он был налит злостью и негодованием. Он читал мою жалобу и начинал всё глубже дышать, словно сказочный дракон, того и смотри огнём плюнет.

– Прошу меня простить вожак Волкова. Я лично возьму этот вопрос под контроль. И, простите ещё раз. Это инициатива отдельных лиц, это никак не действия стражей как та-

КОВЫХ.

– Я рада, что вы разумный человек. Очень надеюсь, что о следующей ночи мне не придётся беспокоиться благодаря вашей заботе.

Страж опять мило покраснел. А мы под хитрые, смеющиеся глаза сопровождавших меня мужчин пошли к секретарю суда стай. Он что-то раскладывал на столе полностью погруженный в свои мысли.

– Простите, а передать заявление для судей до начала суда я могу через вас или дождаться начала и передать через стражей?

Я говорила ласково, все-таки он ещё ребёнок. И получила ещё одного смутившегося и мило покрасневшего мужчину, пока ещё маленького, но уже мужчину. Он улыбнулся мне в ответ и взял заявление у меня присев на корточки на краю возвышения, чтобы сравняться со мной. А потом тихо-тихо прошептал.

– Спасибо вам, вы мою маму спасли, у меня теперь ещё и сестрёнка есть.

Теперь смутилась я. Я прямо чувствовала жар приливший к щёкам. И ничего умнее чем сказать глупость в ответ я не придумала. А от моего ответа мальчишка даже хохотнул.

– У меня тоже, не в смысле мама, а в смысле родни. Целых три брата, правда здоровых, что медведи, рядом с ними я словно мелкая девчонка, сестрёнка, а не вожак.

– Знаете, – улыбаясь продолжил мальчишка, – вы даже

рядом со мной мелкая девчонка.

И он подмигнул мне. Вот же дамский угодник. Я даже покраснела.

– Умеешь ты заводить знакомства с правильной ноты. – Владимир Григорьевич говорил улыбаясь и с гордостью в голосе. – Страж Гришин известен своим нравом и строгим соблюдением закона. С ним не то что подружиться, с ним даже просто разговаривать побаиваются даже свои, равные ему. Ну а секретарь вообще юный гений и отшельник. Он говорит мало и только по делу или из необходимости. А ты за пять минут разговора сразу двоих покорила и смутила одновременно.

В зал зашли судьи и расселись на своих местах. Все разошлись по местам. Сегодня свободных мест на трибунах я уже не видела. Мои ребята вывели пленников в зал и стали вокруг них. Стражи расположились в стороне. Это не укрылось от зрителей и по рядам послышались шепотки. Их оборвал ровный голос мальчишки секретаря. Хотя уже не мальчишки. Серьёзный взгляд, без эмоциональное лицо, строгий и ровный голос.

– Доброе утро всем собравшимся. Не смотря на время, суд отсрочен на пол часа. А до этого будет рассмотрено заявление вожака Волковой. Её право вожака стаи этой ночью было нарушено попыткой обойти прямой приказ. Она подала заявление об отстранении виновников от занимаемых должностей в рядах стражей и наложить арест на все имущество

и счета до окончания разбирательства.

Суд ознакомился с заявлением и полностью поддерживает требования. Страж Гришин, возьмите под арест виновных в нарушении законного права вожака оборотней: Джон Вильмус, Иван Кирпичёв, Луис Крэц, Азалия Первакова, Нина Симонова, Дэнис Груц и Симон Вольф. Изолировать их от общения с другими и между собой, и не выпускать из здания. Выполняйте.

Для собравшихся суд поясняет. Вожак Волкова отдала приказ изолировать задержанных и по её суду уже виновных оборотней, не допускать ни общения между собой ни с кем бы то ни было из вне. Перечисленные стражи пытались обезвредить охрану и пообщаться с пленниками или устроить самосуд – это нам ещё предстоит выяснить.

На основании этого суд лишает этих оборотней права занимать место в рядах стражей за неподчинение прямому приказу. А за попираительство законных прав вожака Волкова и нанесение оскорбления всем стражам, наложен арест до момента определения вины и назначения наказания и суммы в счет компенсации предусмотренной законом стай.

Поскольку Вильмус, Кирпичёв, Крэц и Первакова из семьи потомственных стражей и ни к какой стае не относятся, то у них накладывается арест на все имущество их семей, а не только их личное. Объявляется пятиминутный перерыв.

Стражей взяли под конвой и увели. По залу разносились шепотки и даже выкрики. Оборотни, потерявшие близких

обиженно возмущались о их праве на месть не меньше этих стражей. Были выкрики о бездействии и злоупотреблении старей, о их безнаказанности.

А потом знакомый голос выкрикнул о справедливости судей и вожака Волковой. Ряды подхватили эту мысль и по рядам в голос заговорили, что я, Волкова, истинный вожак. И замолчали все только на замечание секретаря. Он строго с ничего не выражающим лицом объявил о начале заседания. И снова темнота и экран, где все смотрели суд моей стаи, где оправданные говорили, все в подробностях, о себе, о своих близких, о своих преступлениях и о том, что их сломали, запугали, заставили.

К концу просмотра, когда вновь помещение осветили лампы, мало кто из присутствующих и слышавших показания оборотней в первый раз остался без эмоций. У многих блеснули слезы на глазах, кто-то тяжело дышал пытаясь совладать с эмоциями. Даже некоторые из стражей были бледнее обычного и у некоторых были растерянные взгляды. Время было уже глубоко за полдень, секретарь с таким же лицом без эмоций громко объявил об продолжении завтра в десять и попрощался со всеми.

Судьи ушли, и он вместе с ними. Мои верные ребята подхватили с центра пленников и повели под арест. Ко мне подошёл страж Гришин. Князев напрягся, а рядом со мной, из ниоткуда, вдруг появились Петя и Сеня. Страж растянулся в какой-то покровительской и доброй улыбке.

– Вожак Волкова. Я предлагаю вам помощь от верных делу стражей, тех, в ком я уверен и за кого могу поручиться. И могу заверить вас, эту ночь вы проведёте в сладком сне.

Он говорил улыбаясь и посматривая на моих ребят за плечами, одобрительно, я скажу, поглядывал.

– Ну если Вы гарантируете Борис Петрович, то я только рада буду помощи. Добросовестных стражей. В моё отсутствие старший Владимир Григорьевич, он скоординирует выделенных вами стражей. И я рада, что вы не затаили злобы на меня. – Он снова ухмыльнулся громко выпустив воздух.

– В рядах стражей уже давно появились те, кто кого бы я лично с позором выгнал. Но я всего лишь старик, и исполнитель, страж закона и порядка стай. И я только рад тому, что мне предстоит стоять плечом к плечу с теми, в ком я уверен. Так что не вижу ничего плохого в зачистке, так сказать, не совсем чистых. Но прошу учесть, что и злоупотреблять, и порочить честь хороших оборотней не позволю. И поэтому прошу заметить, что молодые стражи, попавшие под влияние старших и опытных и нарушившие приказ, я говорю о Нине Симоновой, Дэнисе Груц и Симоне Вольф, будут при разбирательстве под моей протекции.

– Спасибо за откровенность. Уверена вы сами найдёте правильные методы воспитания оступившихся не опытных ещё по сути детей. И я вам в этом даже поспособствую.

– Не смотря на юность и не опытность ваших лет, вы довольно рассудительны. Спасибо вам. И ещё, я передам ва-

шим ребятам пару бумаг... Я заметил какие документы вы запрашиваете в архиве. Уверен они будут вам полезны. Но надеюсь вашей рассудительности хватит на то, чтобы не говорить о том из чьих рук к вам попали эти документы.

Он резко развернулся и ушёл чеканя шаг, словно мы растались поспорив и не найдя компромисса. Я стояла смотря в удаляющуюся спину, глубоко дыша и ничего толком не понимая. Из раздумий меня вывел голос Владимира Григорьевича.

– Знаешь, Коля, эта девочка заводит друзей и союзников, даже не стараясь. Мне страшно представить, что будет, если она приложит усилия.

– Да, Влад, стать на её пути страшно даже мне. – Вот взрослые мужчины, с детьми и внуками, а стоят и смеются тут надо мной, словно мальчишки.

– Да ну вас. И вообще, пора уже открыть мне тайну, покрытую мраком. Так что выбирайте место и к обсуждению.

Я говорила разговоре о том где сейчас Сергей и что с ним. Меня так и не посвятили в подробности. Мужчины сразу посерьёзтели. Пропали с лица улыбки и озорство, даже в глазах была печаль и что-то ещё, мне не понятное. Это кольнуло в сердце болью. Мне не понравится правда, очень. Но лучше знать.

– Сначала обед, а потом дела. Поговорим мы дома, точнее в квартире. Там нас не услышат лишние.

Я молча согласно кивнула Князеву, и мы пошли на выход

из здания. Обедали мы в кафешке в парке у дома. А потом я в сопровождении Князева, Пети и Сени отправились в квартиру, но не в ту где жили мы с Сергеем, а в ту, о которой он говорил, что принадлежит его родителям. Князев поставил чайник, заварил зелёный чай с фруктами и сел за стол. Он внимательно посмотрел на меня, словно собирался с мыслями. Я не торопила.

– Я начну с далека. Ты помнишь процедуру объединения стай? – Я угукнула и положительно кивнула головой. – Тогда мы все были в разных местах, но собрались вместе, словно в одном общем сне. Вожак стаи связан со своей стаей, он может мысленно дотянуться к любому. Может так говорить и слушать.

Я потом научу тебя. Чтобы связаться сразу со всей стаей вожак прибегает к помощи совета. Сам даже самый сильный оборотень не справится. Со своей семьёй может связаться любой оборотень имея достаточно сил или при помощи своего вожака, совета. Я могу связываться со своей семьёй. Всегда мог. Так и нашёл тогда девочек. Ещё есть связь пар, особенно сильная она у истинных пар. Такой как ваша.

Поэтому Сергей смог приходить тебе во снах ещё до объединения. Он даже не знал, что приходит к тебе, думал, что ему просто снится то, о чём мечтает. Знаешь, это моя вина. Он рос в любви и заботе и не понимал, что бывает иначе, пока с девчонками не случилась беда. Поэтому до сих пор ведёт себя порой словно мальчишка, глупый мальчишка. ... Обо-

рвать связь можно.

Резко сменил тон Князев.

– И не только смертью. Фонберины принимали в стаю и ломали человека и волка – это рвало связи. Ещё причиняя боль, сильную, до потери рассудка. И... Наркотики, сильные наркотики разделяют разум человека и волка. Волк прячется глубоко внутри, и оборотень даже теряет способность к обороту. Он в тумане, остаётся зависимый и слабый человек.

Он замолчал. Обнял своей рукой чашку с остывшим чаем и уставился в одну точку. А потом с резким вдохом проговорил, зло и печально одновременно.

– Он дурак. Был не осторожен. Стремился побыть в одиночестве. Он очень переживал из-за своей глупости. И этим воспользовались. Его предали его ребята с качалок. Несколько подростков и пару взрослых мужиков. Их подговорили оплатив не малой суммой предательство. Они подсунули ему бутылку со снотворным и отвели его на пустырь. Помнишь ту стражницу, что дважды устраивала сцены у тебя дома, она забрала его и увезла. Я не могу пробиться к нему. Ни сам, ни с советом. Ни как. И он сам не связывается. Думаем его накачивают наркотиками. Знаем только одно точно, он жив.

Князев замолчал уставившись на меня, внимательно, изучающе. Я же, у меня все внутри скрутило. Мне даже холодно стало.

– Как давно это случилось?

– Через три дня после его отъезда с твоих земель, в по-

следнюю вашу встречу.

– Откуда вы узнали о причастности той стражницы и почему она на свободе?

– Мы нашли тех, кто его предал. Они заключены под охрану. Они и рассказали о той, с кем договорились обо всем. За стражницей Буровой следят. Её трогать нельзя. Ты же понимаешь, что она разменная пешка в игре больших людей, точнее оборотней. Слежка, скрытая. Из того, что нам уже известно она часто была на посылках у Вячеслава Фонберина и даже влюблена в него. Толи она действует от себя ради своей влюблённости, толи с кем-то, мы до конца не знали. Поэтому слежка и разведка и никакой спешки. Она не одна. Мы это точно знаем.

Князев посмотрел на Сеню и кивнул ему. После этого жеста продолжил Сеня.

– Тебе приходили электронные письма. В скрытых чатах. Мы все их перехватывали, но чаты не отследить даже до айпишника. Там были угрозы его жизни и здоровью с видео и фото подтверждениями. В них требовали выдать Фонберина, точнее организовать ему побег и нескольким его приближенным. Тому деду из совета и паре молодых оборотней. Вчера мы согласились на их предложение пообщаться стражам с заключёнными.

– То есть вы вывели на чистую воду заговорщиков и даже поймали крупную рыбу, даже не одну. – Я не спрашивала, констатировала факты подводя итоги. Перед глазами все по-

плыло. Кажется, я плачу.

– Да. И это моё решение. Я решил рисковать сыном, я и только я.

– Я не осуждаю, я все понимаю. Только почему вы мне не рассказали?

– А ты смогла бы быть дерзкой сегодня зная всю правду? Смогла бы смотреть как вожак, а не женщина? Я с трудом справляюсь быть не отцом, а вожаком на людях, в глазах врага. Я не хотел, чтобы ты переживала тоже. К тому же... Тут такое дело... Та оборотница, Оля, она ...

– Я знаю о слухах про беременность. Света раскололась ночью, когда Лиза нас разбудила мы поболтали о своём, девичьем.

– Мы делаем упор на то, что у тебя будет наследник от Сергея, поэтому мы пойдём до конца даже рискуя им самим. Прости меня, девочка. Я отец, но я и вожак.

– Не надо. Я понимаю. – Я говорила растирая слёзы по щекам. – Вам не легче моего. Я знаю.

Он просто смял меня в объятиях. Сжал уткнувшись в макушку и кажется даже позволил себе поплакать. Иначе почему там стало влажно. Хотя может это его тяжёлое и горячее дыхание...

Потом он уехал по делам, а ко мне с Сеней присоединился Петя. Они долго сопротивлялись моим просьбам и требованиям показать мне видео и фото Сергея от шантажистов, но все же сдались. Я смотрела молча и даже не плача.

Внутри меня все просто заledenело, съѣжилось в комок не давая ни слезинке пролиться. Поздним вечером я с бабулей снова отправились к Князевым в Химки. Ужин прошёл в молчании. И не смотря на мои мысли я уснула почти сразу добравшись до кровати. Я поняла одно, это не бой, это война.

Часть 17.3. Суд стай

... Так давай же сыграем, с тобой разыграем,
Какой-нибудь редкий сложный дар...

Третий день заседания суда стай.

Эту ночь я действительно провела в спокойном сне. Почти в спокойном, как и в прошлую, ночью к нам со Светой пришла Лиза и уснула, а мы проболтали до тех пор, пока не уснули. Утром меня обрадовали отсутствием происшествий у охраны пленников.

А ещё, мне показалось Князев смотрел на меня с благодарностью, что если честно, смущало. И вот он, третий переломный день суда стай. Рядом со мной сидел Князев, с другой стороны сидела бабуля. За спиной Князева сидел Петя, за моей Сеня, с ним рядом Дэн и Ян.

Секретарь поздоровался и объявил о начале суда. Снова тишина и темнота в зале. Снова экран и запись показаний, оправданных мною и моей стаей. Снова включается свет. И так же в глазах многих растерянность и боль, слезы. Но этот день другой. Сегодня секретарь повторяет моё решение по всем – оправданным.

Подтверждает это решение судейским приговором, окон-

чательным и безапелляционным в нашем мире. И просит передать записки со всеми предложениями. Со всех сторон шепотки и десятки записок отправляются к стражам. Они передают их секретарю, а он судьям. Они читают все, раскладывают по разным стопкам. И объявляют о перерыве на обед.

Новая встреча в зале уже после обеда, сытного и вкусного в столовой на пару этажей выше. И первое, что бросается в глаза – это то, что большинство сторонятся нас. Вокруг нас пустые места в забитом зале. Рядом с нами смолкают разговоры.

– Петя, в чём дело? Мне стоит волноваться?

– Елена Макаровна, вам стоит быть вожаком и напомнить остальным о своей силе, а волнуются пусть другие, не вы.

– Правда, Лен, – поддержал его Сеня, – чтобы кто не сказал и не сделал, просто помни – ты вожак. Договорились?

– Что-то вы не договариваете.

– Лен, – включился в беседу Ян, – они правы. Ты прости нас, ладно, мы только проблем тебе добавляем. Но ни о чём не волнуйся. Просто помни, ты Волкова, вожак стаи. – Он обнял меня и еле слышно добавил. – Хоть и мелкая, и для нас всегда будешь нашей сестрёнкой.

– Заседания суда стай объявляется открытым. – Проголосил секретарь. – Первым будет рассмотрено ходатайство стража Закира Сай-Шахбан об изменении цели суда над предоставленными вожаком Волковой пленниками, с определения наказания на определение вины с наказанием. Хо-

ходатайство принято судьями и объявляется голосование стай. Вожак или представитель стаи, но только из состава совета должен открыто проголосовать от имени всей стаи. Суд обращает внимание, что официально, стражи, не поддерживают ходатайство своего коллеги, и он выдвигает его от себя лично. Но на основании отсутствия возражений со стороны вожака Волковой, суд поддерживает голосование.

Секретарь взял бланки, красные и зелёные и объявил о начале, с первостепенным правом голосования, отданным мне и стражу Гришину, представляющему всех стражей, как организацию, или как отдельную стаю.

Я взяла красный бланк, написала: «против» и подписала: «вожак Волкова», отдала секретарю. Гришин сделал тоже, красный лист «против» и подпись, отдал секретарю. За нами подошёл Князев и всё повторилось.

А потом с разных сторон пошли оборотни, мне комментировали кто есть, кто, все вышедшие были вожаками своих стай. Но голоса были и против и за, я не считала, но последних было больше. В конце проголосовали и судьи тоже проголосовали каждый за себя, но единогласно «против». Однако голосов «за» было больше и судьи огласили решение:

– На основании открытого голосования выносим решение об изменении цели суда.

– Сегодня будут рассмотрены все ходатайства, а с завтрашнего дня суд стай над обвинёнными вожаком Волковой будет начат на открытых заседаниях.

– Этим решением мы отказываем в ходатайстве Закира Сай-Шахбан в закрытом заседании.

– Кроме того, решение по каждому пленнику будет согласовано с вожаком Волковой и будет пересматриваться до тех пор, пока вожака не устроит решение по переданным для суда стай членам её стаи.

– Мы объединили семнадцать ходатайств о рассмотрении передачи членов стай, оправданных вожаком Волковой.

Судьи дали отмашку секретарю, и он зачитал фамилии, снова вожаков.

– Все названные выйдите вперёд. Вы просите о возврате тех, кто был членами ваших стай или является их потомками.

И снова секретарь перечислил имена и фамилии оборотней. Среди них были, и Сеня с Яном. Дэна не было.

– Вы утверждаете, что Волкова удерживает их при себе против их воли и как дополнительный рычаг на ваши стаи для поддержания её решений.

– Этим вы обвиняете вожака Волкову в давлении на ваши стаи.

– Это серьёзное обвинение и потребует особого разбирательства. К завтрашнему заседанию суда вы все обязаны предоставить доказательства давления или компенсировать ложные обвинения вожака Волковой.

– Вожак Волкова, что можете сказать по поводу обвинений в свой адрес?

Опять сюрприз. Вот же подпольщики. Я встала с гордо расправленными плечами.

– Члены моей стаи под моей защитой. Все новые члены стаи были приняты по законам стай как вольные оборотни. Хотя я и имею право на них всех по праву силы, как победитель над их бывшим вожаком, Фонбериным Вячеславом Вольфовичем, он подтвердил своё поражение при всей стае. Но каждый желающий оспорить моё право, может согласно нашим законам, бросить мне вызов. По поводу давления требую особого разбирательства и по окончании предоставить компенсацию моей стае, о сумме я буду говорить со своим советом по каждому обвинившему отдельно.

– Её слова только доказывают, что их удерживают... – Кто-то в толпе этих «вожаков» прячась за спины стал выкрикивать. Продолжить я ему не дала. Просто надавила волей на эту кучку. Моя воля сильна, а злость лишь придаёт силы. Голос заткнулся. Кто-то согнулся. Кто-то упал на колени. Кто-то остался стоять лишь морщась.

– Подобные слова являются оскорблением меня лично и моей стаи. Я повторяю, для шавок, не знающих законы стай. Вызов мне, только так вы можете оспорить моё право. Никто другой и даже суд стай не вправе идти против законов, древних как сама суть оборотней. Я победитель в схватке по праву силы и воли.

Я говорила давив сильнее, склонились все стоявшие, некоторые упали на колени. А потом резко отпустила давле-

ние дав им свободу. Князев говорил, что моя сила велика, настолько что не каждый вожак способен противостоять, а когда я добавляю эмоции, ненависть, страх, волнение, любую... я не вольно увеличиваю свою силу. И так как меня не учили как всех оборотней контролировать эмоции и сдерживать, я всегда вплетаю их в свою волю приумножая давление.

Кто-то огромный и лохматый отделился от кучки и посмотрев на меня с неприязнью, повернулся к судьям.

– Согласно законам мы имеем право претендовать на возвращение членов своих семей в стаю. И я, вожак Симоний обращаюсь к судьям с просьбой услышать слово своего сына и племянника, прежде чем решаться на вызов вожака Волковой.

– Суд удовлетворяет просьбу вожака Симония. Подойдите Арсений и Ян сын и племянник Симония, скажите своё слово.

Ребята отделились от небольшой кучки оборотней, чьи имена ранее озвучил секретарь и подошли к столу судей.

– Расскажите, как вы попали в стаю к Фонбериным, а потом к Волковой.

Заговорил Сеня.

– Я, Арсений, кровный сын вожака Симония, мой двоюродный брат Ян, племянник вожака Симония и сводный брат, внебрачный сын моего отца и вожака Симония, от которого он не просто отказался, а которого он изгнал из семьи и стаи, Денис Иванов, добровольно покинули стаю отца.

Вместе, все втроём.

У нас на то были причины, и они не исчезли и не решились и сейчас. Мы ушли и странствовали по России. Перешли границу с Финляндией в волчьей шкуре и там встретили стаю Фонберина. Нас опоили и подчинили. В преступлениях стаи мы не участвовали, нас держали под присмотром стараясь сломать волю. Мы решили взять хитростью.

Согласились добровольно быть в стае. Первым нашим заданием было охрана похищенной девушки, оборотня. Это была наша первая встреча с вожаком Волковой, которую похитили. Мы видели метку истиной пары и вожака на ней, это видела вся стая и Фонберин тоже. Мы бежали вместе. Её опоили и поэтому оборачиваться она не могла. Когда стая Фонберина нас загнала, мы разделились.

Я и Волкова остались встречать стаю. Ян и Дэн ушли за помощью к её стае. Она освободила нас от обязательств стаи Фонберина в благодарность за помощь в побеге. Она дала нам волю и право выбирать свой путь сразу же как оправились. Мы вступили в её стаю как вольные оборотни по своей воле. И не признаем требований вожака Симония. Обращаемся к судьям стай об окончательном решении в пользу нашего решения. В стае Волковой мы нашли не только защиту, но и семью, которой у нас не было раньше. Для вожака Волковой мы все трое стали частью семьи, братьями и её решение приняли её родители и бабуля.

Со скамеек повставали другие оборотни из тех, кого мы

приняли в стаю и попросили суд о том же. Кучка оборотней кого вызвали раньше тоже зашумела. Секретарь улыбнулся и с ехидством обратился к ним:

– Суд не может рассматривать ваши обращения без письменных просьб. Оформите их на бумаге и передайте через стражей.

Зашуршала бумага, зашептали в первых рядах оборотни. А потом стопка собранных стражами бумаг переключалась в руки судей. Судьи озвучили имена и фамилии всех без исключения, кто был помилован мною, даже тех, кто вошёл в другие стаи. И одобрил их ходатайства самостоятельно определяться в какой стае им быть не возвращаясь к своим старым стаям.

– Я обращаюсь к суду. – Громко и властно заговорил Сеня. – От своего имени и моих братьев с просьбой провести расследование, почему наш отец, как глава семьи и вожак не искали нас и не связывались ни сами, ни с помощью совета стаи. И мою просьбу о расследовании поддержали в письменном обращении все, кого забрали из стай или кого захватили вольными.

Он передал бумагу, с очередным для меня сюрпризом, стражам, а они секретарю.

– Мы требуем проведения расследования и наказания виновных. И мы все хотим знать, почему нас отдали Фонбериным, не откупом ли мы стали для наших стай. И если так, то мы требуем компенсации от этих стай. Нам нужно строить

дома и создавать семьи. А откупившись нами наши бывшие стаи должны компенсировать теперь уже нам.

Я недоуменно смотрела на Князева. Он ласково улыбнулся и едва заметно покачал головой. Не сейчас, поняла я его жест, не при всех. Я глубоко вдохнула и выдохнула. Я вожак и это должны видеть все вокруг.

– Суд поддерживает ваше ходатайство в полном объёме. По окончании суда над заключёнными будет открытое разбирательство над вожаками и советами стай, где были похищены члены стаи и не были возвращены не стаей, ни стражами.

– В связи с этим, все компенсации стаям от стражей должны быть заморожены. В случаи доказательства вины вожака и или совета, компенсация будет возвращена стражам.

– Все могут занять свои места на трибунах. Следующие ходатайства так же объединены.

Снова был кивок секретарю, и он зачитал просителей пригласив их на арену. Я почувствовала и увидела, как дёрнулся Дэн и как его удержал Ян, сидевший рядом.

– Вожак Волкова и вожак Князев, эти оборотни просят у суда защиты и помощи и убежища до окончательного решения. Они хотят перейти в вашу объединённую стаю.

– Точнее, часть из них хотят войти в стаю Волковой объединившись со своими родными, часть в стаю Князева.

– Но поскольку вы объединились в одну стаю, решение принимать обоим советам и вожакам.

– Согласны ли вы рассмотреть эти просьбы?

И я и Князев встали на своих местах. Не спеша, осмотрели всех стоявших на арене. Мы видели одно и то же. Оборотни выступали против своих. Не имея силы и отваги сбегать или покинуть стаю открыто, они отчаялись. Они смотрели на своих родных с такой надеждой и виной во взгляде, что сердце сжималось деля их боль. Заговорил Князев, он повернулся ко мне и получив одобрителный кивок от меня, больше для наглядности остальным, чем из сомнения в моём доверии ему, и заговорил. Громко, подчиняющее, как истинный вожак.

– Я вожак Князев, с согласия вожака Волковой говорю от имени нашей объединённой стаи. Мы согласны рассмотреть каждую кандидатуру отдельно на объединённом совете, сегодня вечером. Для соблюдения законов стай, мы приглашаем вожака или представителя совета тех стай, к которым относятся подавшие просьбу. А до принятия окончательного решения, наша стая даст пристанище и защиту им всем. Можете присоединиться к нам сейчас и после заседания поехать с нами, сразу после ужина будет собран совет. Так же, просим стража Гришина о личного присутствии представителей стражей.

– Ходатайство поддерживается в полном объёме и все права по защите и приюте ходатайствующих передаются вожаку Князеву.

– Если вожак Волкова действительно поддерживает это

решение.

Судьи, как обычно, говорили по очереди словно дополняя и продолжая речь друг друга и это стало привычным. Не смотря на разные голоса они воспринимались как один единый говорящий.

– Я не поддерживаю решение. Это наше совместное решение.

Секретарь снова хитро сощурившись улыбнулся смотря на меня. И кивнул нам давая добро садиться на свои места. Теперь на свободные места вокруг нас расселись оборотни просившие заступничества. Секретарь зачитал ещё фамилии и имена и попросил их выйти.

– Эти оборотни ходатайствуют о том же, только к другим вожакам, – секретарь озвучил и их фамилии, – готовы ли вы принять ответственность и вынести вопрос о решении этого вопроса для совета своих стай.

Вожак согласился и так же взяли под защиту этих оборотней сразу. Были и другие просьбы и их рассматривали в рабочем режиме. Но я не прислушивалась. Я наблюдала за Дэном. Я видела, как он косится на женщину очень похожую на него, но старше, с сединой в волосах и морщинами на усталом лице. Как он ёрзает на месте. Как не ровно дышит. Как вытирает о себя руки.

Я потянулась к нему через спинки, взяла его за руку сжав мокрую ладошку. Он не ожидал и не заметил, как я это сделала. Вздрогнул. С трудом сосредоточился на моей руке и

перевёл взгляд на меня. Я сбилась с дыхания, сколько печали и точки было в его глазах и волнения. Я крепче сжала ладошку и улыбнулась ему.

Еле слышно прошептала: *«семьи много не бывает»*.

И услышала слаженный выдох облегчения со всех сторон вокруг. Обвела взглядом вокруг и поняла, что выдохнули новые члены наших стай и их родственники, просившиеся к нам. Перевела недоуменный взгляд на Князева и бабулю и увидела искорки искреннего веселья у них.

Да, не сдержалась, опять эмоции меня выдали, ну не учили меня следить за каждым словом, жестом, взглядом и вздохом, как остальных оборотней. Думали никогда не обращусь и всё забуду. И это их забавляло. Что я, вожак с такой силой, что многие вожаки и рядом не стояли, а порой веду себя на эмоциях как впервые обращённый оборотень. Отвлёк нас всех секретарь. Он попросил подойти меня к столу судей. И судьи снова заговорили для всех и меня лично.

– От вожака Махатова, с монгольских степей присутствует представитель совета, Аюшева, представляющий молодость в совете. От неё поступило требование к судьям о присутствии самого Фонберина на суде.

– Что скажите вожак Волкова.

– Я откажу во всех подобных требованиях всем и буду в своём праве. – Рыча, но с должным уважением к судьям проговорила я. – Фонберин побеждён мною. Его судьбу я имею право решать сама. Но зная какую боль он и его семья при-

чинила многим из нашего мира, я предоставлю шанс обвинить и решить меру его наказания открытому суду стай. И появится он тут только в тот день, когда будет заседание решающее его судьбу. И не днём раньше. А любые угрозы и требования я воспринимаю как посягательство на моё право, буквально выгрызенное кровью. И готова принять вызов от тех, кто хочет его бросить.

– Вы в своём праве и суд это право поддерживает.

– От стражницы Буровой поступило ходатайство передать Фонберина под охрану...

Меня прорвало. Вот честно, эта крыса или нет, змеюка подколотая, она мне тут ещё и права качать будет. Тварь. Мало того, что она не известно куда отвезла Сергея, сговорила с предателями, влюбилась в садиста, она ещё и мне указывать пытается. Я зарычала словно зверь на все помещение, выпуская свою силу, чуть-чуть, слегка, но давя на всех не подавляя, нет, а вселяя страх.

– Я. Вожак. Волкова. Требую разжаловать Бурову. Её поведение образец того, как не стоит вести себя стражем. Требую взять её под арест до выяснения причин её личной заинтересованности в Фонберине Вячеславе Вольфовиче. При первой же встречи она повела себя странно, даже подозрительно, интересуясь не всеми пленниками, а в первую очередь им лично. При второй она сорвала передачу пленников стражам опять же интересуясь Фонбериним и посягая на моё право. Будучи в дозоре в первую ночь, она активно

интересовалась личностью Фонберина, точнее его наличием здесь, у выставленной мною охраны. И вот снова она и снова её желание, личное, не от имени всех стражей, и снова связано только с Фонбериним. Я, вожак Волкова, обвиняю её в личной заинтересованности и требую не просто отстранить её, а заключить под арест с лишением права на защиту от стражей и стаи от куда она родом.

– Суд стай не был информирован о такой заинтересованности стражницей Буровой.

– Как и не был поставлен в известность о конфликте стаи со стражницей.

– Страж Гришин, проясните ситуацию по стражнице Буровой.

Гришин подошёл склонив голову словно виноватый лично. Я глубоко вдохнула прикрыв глаза и открыла на выдохе сворачивая свои нервы вместе с волей которую распространяла по залу.

– Бурова была отстранена и лишена всех привилегий стражницы. Её дело ещё не рассматривалось, но её присутствие в рядах охраны пленников было личной инициативой и на правах обычного оборотня вне рядов стражей. Она стала причиной прекращения процедуры передачи пленников стражам. Она же пыталась оспорить право вожака Волковой и оговорить её. Старшие стражи разжаловали её на месте и доставив в Москву передали свои прошения об исключении из рядов стражей. Но повторяюсь, её дело пока не бы-

ло рассмотрено. Однако я имея все права для подобного решения, поддерживаю ходатайство вожака Волковой о взятии под арест, поскольку такое поведение подозрительно и не имеет оправданий, тем более для стража.

– В ходатайстве Буровой отказано, за использование приставки страж в ходатайстве суд назначает наказание в виде лишения её всех предыдущих заслуг. Накладывает арест на все имущество, её и её семьи.

– Возврат в ряды стражей Буровой запрещён. А она сама отправляется под арест до окончания разбирательства по её делу.

– Разбирательство будет закрытым и по окончании суда стай над пленниками и Фонбериним.

– Все ходатайства рассмотрены и решения принятые не оспоримы.

– Суд над пленниками назначен на завтра на то же время, на десять часов утра. – Судьи начали собираться и говорил секретарь, снова с бесцветным выражением лица. – Заседания будут открытыми и показания будут по каждому сначала просматриваться с суда стай Волковой, а потом производится опрос обвиняемого и свидетелей. Решение будет выноситься по каждому отдельно, но только после рассмотрения всех обстоятельств. Пленники по-прежнему находятся под охраной вожака Волковой.

Секретарь ушёл собрав все бумаги, которые не унесли судьи и свой ноутбук.

Я стояла не подвижно, наблюдая как потоки оборотней уходили. Все тихо переговаривались. Ко мне подошла бабуля, молча обняла и потащила к выходу. Князев задержался разговаривая со стражем, Гришиным, к ним подошёл и Владимир Петрович. Меня вывели и усадили в машину.

Я не знаю, что случилось, но меня словно выжали как лимон. Хочется плакать и кричать, а сил хватает только чтобы дышать. Не знаю сколько мы так просидели в машине. Я просто уснула и проснулась уже у ворот дома Князевых в Химках. Точнее меня разбудил сияющий Дэн. Он обнял меня до хруста и поцеловал в макушку.

– Так, сестрёнка, ужин и на поляну.

Ещё раз чмокнул меня в макушку. И сгрёб меня в охапку с сидения машины. Так на руках и принёс в дом усадив за стол.

Часть 17.4. ...Если хочешь узнать меня – сделай шаг,
Я тебя проведу по ночной душе...

Вечер у костра или совет объединённой стаи и старая – новая семья.

Семья просто не помещается за столом. Не в старом ни в новом составе. За столом сидел совет моей стаи в полном составе и совет Князевых, я и сам Князев. Его дети с жёнами, мужьями и внучкой, а также мои братья сидели с тарелками на диване, креслах и полу.

Когда пришли стражники, Гришин и пятёрка наших друзей, садить их стали за стол, мы же с Князевым уже стояли

во главе стола с тарелками в руках. Тётя Катя жаловалась на маленький стол и недостаток еды для всех, чем вызывала нервные смешки у меня и ребят, и абсолютную поддержку у моей бабули. Они вообще спелись или сговорились, не знаю, но говорили они в едином порыве часто заканчивая предложения друг друга.

А после ужина мы отправились в лес на поляну, где уже горели костры и жарилось мясо, стая Князева, многие приехавшие из моей, в основном молодёжь, и приехавшие с нами из города просившиеся в наши стаи все ели. Пока мы там за столом питались «первым, вторым и компотом», эти счастливчики шашлык ели. И не смотря на то, что выпустили меня только когда я обожралась словно поросёнок и уже не могла идти, а только катиться словно колобок, у меня от запаха и от того с каким аппетитом они ели слюнки потекли.

На поляне присутствовали все кроме представителей стай, из которых хотели уйти оборотни. На наши звонки никто из них не отвечал. Как и в интернете, все молчали. Тогда за телефон взялся Гришин. Он сделав громкую связь позвонил вожаку каждой стаи и дал каждому по пол часа на то, чтобы приехать, отсутствие считалось официальным отказом от оборотней пока ещё их стай и не желание принимать участие в жизни собственной стаи. Такая угроза подействовала на всех. Вожаки явились лично, среди них и Симоний. Он прожигал ребят и меня ненавистным взглядом.

У главного, самого небольшого костра почти в центре, со-

брался совет объединённой стаи, наш совет. Там стояли и я с Князевым. Рядом были стражи и приглашённые вожаки. Те, чья судьба сейчас решалась стояли чуть в стороне. Вся наша стая, все, кто присутствовал, вальяжно разлеглись и расселись по поляне, кто в облике волка, кто человеком.

– Совет объединённой стаи собрался сегодня чтобы решить вопрос о принятии новых членов в стаю. – Начала я, меня просто подтолкнули в бок и махнули, типа «давай». – Для начала мы хотим узнать у подавших ходатайство в суд стай, добровольное ли ваше решение и не изменили ли вы его.

– А также, хотим, чтобы каждый из вас озвучил причину этого решения. – Подхватил мои слова Князев. – Если причина будет чистой и честной, совет примет её. Если нет, вас сопроводят к судьям и там вы будете решать свою дальнейшую судьбу.

– Но учтите, если совет и позволит вам остаться, вас может не принять стая и тогда совет откажет вам. – Снова взяла слово я.

К нам подходили оборотни, по одному. Кто-то со слезами просил позволить остаться в стае рядом с ребёнком, о котором думал, как о мёртвом. Кто-то узнал, что пропавшая и уже погибшая дочь или сын стали родителем, и внук единственная отрада и никто не нужен. Они пришли сами и семьями. Некоторые стояли с детьми. Последней к нам подошла женщина, на которую так эмоционально реагировал Дэн

в зале сидя на трибуне.

– Я Ксения, мать Дениса и Варвары. Я не просто хочу защиты от своей стаи и вожака Симония, я хочу быть рядом с детьми и хочу будущего своим детям. Поэтому прошу покровительства вашей стаи и защиты не себе, а своему сыну, которого вожак Волкова назвала братом и своей дочери, Варваре.

– Не смей женщина. Это моя дочь!

– В стае вожака Симония, я трофей. Я жена бывшего вожака, он был ранен Фонбериным старшим из трёх сыновей и уже гниющем в земле. Мой муж тогда ещё не оправился от ран, когда Симоний вызвал его на бой силы и победил со смертным исходом. Наш с вожаком ребёнок был убит Фонбериным. Нашу дочь, её заставили обернуться ещё малышкой, и она этого не пережила.

Симоний перебивал и рычал на неё давя и заставляя заткнуться. Но тут не он глава стаи. Князев быстро его приструнил надавив, а рядом с ним стали стражи.

– Меня лишили фамилии мужа и родителей – права на род. Я стала личным трофеем нового вожака, Симония. Он забавлялся со мной словно с игрушкой, а его жена мстила мне за его измены. Стая не стала на мою защиту отдав право решать за меня вожаку Симонию. Совет согласился с Симонием на право трофея. Мой сын стал изгнанником без изгнания из стаи. Без права на семью и фамилию. Моей дочери Варваре двенадцать. И у меня есть доказательства того, что

вожак Симоний готовился откупиться от Фонберина моей дочерью за безопасность стаи. Думаю, и сына хотели ему отдать, но он сбежал раньше и не один. – Она достала из лифчика флэшку и протянула её перед собой. – Я готова отдать её. Но прошу, защитите моих детей. За себя не прошу, только за детей.

Она говорила не повышая голос, не выражая эмоций, словно заведённая игрушка, кукла с записанной речью. Но в глазах её плескалась боль и отчаянье, а по щекам текли слёзы. Сильная женщина, не сломленная ничем и никем. Я сделала шаг к ней, она вздрогнула, я сделала ещё один и медленно, не спеша приблизилась к ней. Взяла из рук флэшку и передала Владимиру Григорьевичу, подошедшему ближе. Заговорил Князев.

– Я вожак стаи Князев, не возражаю против принятия в стаю новых оборотней.

– Я вожак стаи Волкова, не возражаю против принятия в стаю новых оборотней. Выносим этот вопрос на обсуждение совета.

«Не возражаем». Зазвучало чётко от каждого из членов нашего совета.

– Есть причины у членов стаи в отказе принять новых оборотней?

Тишина.

– Решение принято, решение положительное. Страж Гришин, наша стая просит о задержании вожака Симония до

ознакомления судьями и вынесения решения по данным на флэшке, предоставленными членом нашей стаи.

– А также просит содействия от стражей с немедленной передачей несовершеннолетнего члена нашей стаи Варвары, дочери Ксении и сестры Дениса Волковых. Моей сестры.

Князев улыбнулся и едва заметно кивнул в одобрительном жесте. А Ксения, у неё подогнулись ноги, и она упала в слезах. К ней дёрнулся Дэн, но его удержали. К Ксении подошла тётя Катя и моя бабуля, они помогли ей встать и что-то шепнули на ухо. Ксения стала глотать слёзы и стараться гордо стоять на своих ногах. Ей снова что-то шепнули на ухо. Это помогло. Ксения глубоко вдохнуло и чуть дрожащим голосом продолжила.

– Я требую справедливости себе и своим детям и прошу совет обратиться к суду стай. Победа над раненым вожаком – это предательство стаи. А из документов на флэшке вы поймёте о договоре Симония с Фонбериным с уплатой девочками из стаи.

– Совет поддерживает требование своего члена стаи и обращается к стражам с официальным запросом.

Гришин ухмыльнулся.

– Запрос принят, официальные документы пришлите утром. Дела стаи Симония, до решения судей стай, будут взяты под контроль стражей. Несовершеннолетняя Варвара Волкова будет доставлена в стаю в ближайшее время.

Новых оборотней приняли в стаю. Дальше было знаком-

ство, много слёз. Я сбежала. Не могла не плакать видя радость на лицах людей. Они нашли своих близких и родных, встретили внуков. Слёзы сами по себе потекли ручьём, и я сбежала глубже в лес.

Там меня и нашли Сеня и Ян. Рыдающей в три ручья, в слезах и соплях.

«Мы найдём его».

Тихое, но полное уверенности замечание и крепкие объятия двух близких мне людей. Это разлилось теплом и надеждой, но только добавило слёз к моей истерике. Я так долго сдерживала и подавляла в себе: страх, трусость, гнев, боль все слилось в единое в простую истерику. Я так устала быть сильной. Так устала претворяться. И мне так не хватает моего волка, противного, ласкового, сильного, глупого, любимого, моего ...

Когда отключилась и как попала в дом не помню. Просто ночью, по традиции нас со Светой разбудила карабкающаяся к нам Лиза. И не с пустыми руками. Это милое чудо тащило пачку печенья и коробку конфет. А увидев, что мы проснулись с возмущением пояснила:

– Представляете, спрятали конфеты в самом верхнем шкафу, ели достала.

Часть 17.5. Мы допрыгаем вместе до той стены,

Где уже все закончилось семь морей;

Где осталось два слова: беги, вперёд!

Где осталось два слова: беги, быстрее!

Суд стай над пленниками.

Новый день и, как и предыдущие дни в десять мы уже сидели на своих местах и слушали секретаря.

– Вчера на совете объединённой стай Князева и Волковой всплыли подробности не законного соглашения между вожаком Симонием и Фонбериным. Для сохранения своего места, вожак Симоний обещал отдавать добровольно Фонбериным девочек из своей стай.

Но в ходе изучения документов были выявлены так же денежные перечисления взятым ранее под арест стражам Азалии Петровой и Луису Крэц. А так же взятым под арест этой ночью, с арестом всего имущества их и их семей стражей Ивета Озолс и Фёдора Копань.

Стражи отказались от защиты этих оборотней предоставив определять их судьбу и степень вины суду стай. Так же в ходе изучения поступлений и переводов денежных средств, была установлена связь между ещё двумя вожаками, бывшими стражами и Фонбериными.

Вожак этих стай взяли под арест. Совет этих стай тоже под арестом. Все дела этих стай переданы под контроль стража Гришина. Им определены доверенные лица представляющие интересы этих стай до окончательного решения их положения. Слово стражу Гришину.

– В связи с этими обстоятельствами, финансовые дела каждой стай, членов совета и вожака будут детально изучены стражами. Итоги проверки переданы суду стай и вынесено

решение о причастности или не причастности к преступлениям Фонбериных. Вся информация будет изучается за последние двадцать лет. Представители стражей уже направлены с соответствующим решением судей стай в каждую стаю. Также ранее были подробно изучены все личные дела, финансы и собственность стражей и членов их семей. Выявлены и уволены нарушители закона стай и злоупотреблявшие властью. Конфискованы у самих стражей и их семей и бывших стай имущество и счета с подозрительной или не законной историей приобретения. Всем спасибо.

– Сегодня будут заслужены показания переданных на суд стай вожаком Волковой преступников из бывшей стаи Фонбериных. Заседание будут проходить открытыми. Сначала вам будут предоставлены видео материалы с допроса суда стаи Волковой, потом стражи соберут ваши вопросы и предложения по конкретному оборотню. Далее ему будет дано слово, и он сможет ответить на вопросы и дополнить свои показания. После этого будет вынесено предварительное определение вины и решение. После этого вожак Волкова привезёт Фонберина Вячеслава Вольфовича и его дело будет рассмотрено в таком же порядке. Тогда будет окончательное принятие решения по всем и его согласование с вожаком Волковой. Заседание будут проходит в этом зале ежедневно с десяти до восьми вечера с перерывом с часу дня до половины третьего. Заседание объявляется открытым.

Из кучки связанных оборотней подняли одного. Объяви-

ли его имя и усадили на стул перед столом судей привязав его к нему. Свет погас и включилась запись его показаний на поляне где судила я, по праву жоака. Наглая улыбка и ветренность в своей безнаказанности юного оборотня, честно рассказывающего не об одном убийстве себе подобных.

Жестоких убийствах, которыми он наслаждался и многими гордился. О групповых насилиях женщин с собственной стаи и чужих. Жестоких, изощрённых насилиях, среди которых были и девочки совсем юные и беззащитные. Гордое завершение речи с угрозами, что с их покровителями мне не справится, и я ещё буду просить их о пощаде.

Потом включался свет и со всех сторон шуршали записки и передавались стражам. Почти все они просили суд о самых изощрённых пытках и долгих смертях, просьбы об личном участии в свершении наказания. И лишь не многие просили выяснить где брошены тела их родных или узнать о судьбе похищенного из стаи ребёнка. Однозначное решения суда «виновен» и предварительное решение – смерть без права помилования поединком.

Следующий.

И всё в таком же порядке тот же приговор.

Следующий.

Все молодые, полные жизни оборотни, ставшие жестокими убийцами и насильниками. Получавшие удовольствие от своих действий и даже от рассказа о них. Порой были рассказы о финансовых преступлениях. О грабежах и контра-

банде, о торговле наркотиками, об охране наркотических лабораторий в лесах, об похищении людей ради выкупа.

Но это уже мелочи в сравнении с насилием и убийствами. Одно только радовало глаз, сейчас слушая их живые ответы и зная о том, что в рядах стражей была чистка, они боялись. Уже не было той уверенности, не было наслаждения от откровенных ответов на вопросы. Был страх за свою жизнь, но не было раскаянья.

Приговор.

Следующий.

И всё в таком же порядке тот же приговор.

Следующий.

Социопаты. Маньяки. Насильники. Родились они такими или стали такими в стае Фонберина? Остались ли среди нас ещё их подельники или последователи? Это пугало. Но с каждым прослушанным, с каждым признанием страх отпускал. Не приходило спокойствие и умиротворение, нет. Просто осознание, что все кончено для них. Что их ждёт жестокая расправа. Что это будет уроком для остальных – это отогревало.

Приговор.

Следующий.

И всё в таком же порядке тот же приговор.

Следующий.

Так шли дни за днями. Арестовывались новые и новые оборотни по всему континенту и за его пределами. Были взя-

ты под арест и простые люди, те, кому открыли тайну нашего мира Фонберины и с кем вели общие дела не законные и в обычном мире. Все участвовавшие и покрывавшие преступления этих подонков были признаны судом соучастниками и были обязаны разделить с ними приговор.

Следующий.

И всё в таком же порядке тот же приговор.

Следующий.

И вот последний из них, тот самый не нормальный старик из совета этой уже не существующей стаи. Он один по-прежнему не боялся и держался свысока. Все началось так же, видео запись его показаний. Зажегся свет и поползли шепотки и записки. Уточняющие вопросы и желание личного участия в казни. А потом. Потом он нашёл взглядом меня и заговорил.

– Я пережил деда, отца и трёх сыновей Фонбериных. И я намерен жить и здравствовать дальше. – Он говорил смотря мне в глаза словно победитель. – Я переживу и тебя, деточка, поверь мне. И я готов оплатить свою жизнь. – Вокруг зашумели возмущаясь. Секретарь повысил голос требуя тишины. А старик словно не видя и не слыша остальных, по-прежнему смотря только на меня продолжил. – Я меняю свою жизнь на жизнь твоей пары Волкова. Свою свободу на его свободу. Твою клятву приму как залог своей безопасности.

Время не остановилось. Дышать я не перестала. И сердце моё по-прежнему, хоть и сбилось с ритма, продолжало ка-

чать кровь.

– И главное, на меня не действует чужая воля, ничья, никогда не действовала. За это меня и выбросили ещё щенком из стаи. Тогда я и встретился с Фонбериным, настоящим вожаком, прадедом этих ... Он воспитал меня и научил главному, не верность, а запасной план спасают жизнь оборотню. И у меня он был и прекрасно воплотился. Или тебе, *вожак* – он сказал это словно издёвку – Волкова, не сообщили о пропаже твоей пары. Или он не так тебе дорог, и ты не почувствовала всего сама? Я озвучил свои условия. И знай, о моих связях не знал никто кроме меня.

Тишину разорвал голос секретаря суда.

– Вожаки всей стаи страж Гришин и суд удаляются на совещание.

...

Совещание прошло мимо меня. Я сидела молча. Все кричали и что-то доказывали. Я не обращала внимания, лишь ждала конца этой пытки. Что-то рвалось наружу, толи крик, толи плачь – не знаю. Но мне все сложнее было это контролировать. Поэтому я сидела не слушая и не смотря, погружённая в себя. В какой-то момент не осознавая себя я закричала.

– Пошли все вон!

Князев вытолкал всех за дверь кабинета куда мы удалились для совещания, судьи ушли сами, молча. Лишь секретарь посмотрел на меня отражая в глазах и собственную

боль.

Николай Фёдорович присел на корточки передо мной. Его руки дрожали. Он смотрел на меня глазами полными боли и слёз. Мы оба понимали, что дать клятву защиты этому подонку я не могла. Мы оба понимали, что выбора нет и решение уже принято в самом начале, когда было только озвучено предложение этим подонком. Мы оба сейчас просто осознавали уже сделанный выбор. Мы оба искали за что зацепиться чтобы жить, чтобы не сорваться и не сойти с ума.

Горло горело, першило и на груди не подъёмным камнем лёг груз – это мой выбор и все последствия потом будут именно из-за него. Я снова встретила глазами с вожакom Князевым, а сейчас, сейчас просто с отцом, переживающим за своего ребёнка и теряющим надежду с каждой секундой.

Я видела, как ходили его жвалки на лице. Видела боль и отчаянье в глазах и при этом поддержка. Он из последних сил сдерживал обращение. Он старался, чтобы помочь, поддержать меня. Я выдохнула, но получилось слишком громко, с рыком. Но это не пугало. Скорее это стало спусковым механизмом.

Боль разлилась по всему телу. Я обращалась. Перед глазами поплыла серая дымка и вот я стою на полу на звериных лапах. Из горла вырывается хриплое дыхание. Сдерживаемые раньше слёзы потекли падая крупными каплями на паркетный пол. Рядом стоял волк, огромный, сильный и такой похожий на моего, родного, любимого.

Сердце сжалось от боли, и я завывала. Мой вой подхватил волк. Мы оба выплёскивали боль и отчаянье. Мы сделали выбор. Ещё только став на этот путь мы уже расставили приоритеты.

Прости меня, любимый...

...

Последний день последнего из Фонбериных.

Мы так и не вышли в зал к остальным. Владимир Григорьевич принёс какую-то одежду, и мы уехали домой. А утром снова появились на заседании суда. Сегодня особый день, сегодня суд над последним в роду Фонбериных, Вячеславом Вольфовичем. Ровно в десять секретарь объявил о начале заседания и наши ребята ввели Фонберина.

Его посадили, как и остальных на стул и привязали к нему перед судейским столом. Так же погас свет и включилась запись. Так же зашуршали записки и судьи часть из них озвучила. Он отвечал ровно. Не испытывал страха. И кажется смирился со своей участью. Говоря часто смотрел на меня. Пристально выискивая что-то своё. Но видимо ничего так и не нашёл. Иначе как понять его срыв. Он глядя на меня заорал.

– Не ври себе. Ты тоже это чувствуешь! Тебе не нужен уже этот щенок. Ты хочешь меня! Ну же, маленькая...

Я ухмыльнулась на его слова и переведя взгляд на судей ровным, монотонным голосом прошептала, зная, что все меня услышат.

– Приговор ему, по я лично исполню. И кто решит стать на моём пути, ляжет рядом с ним.

В такой же тишине судьи озвучили приговор:

«Виновен.

Приговор – смерть.

Приводит в исполнение вожак Волкова.

Сегодня последний ужин, завтра на рассвете осуществится казнь.»

Не было не шепотков, не замечаний. Все покидали зал в полной тишине. Виновным всем объявлен смертный приговор. У всех кроме Фонберина исполнители стражи. Тела подлежат кремации без права захоронения. Людей соучастников, вовлечённых в наш мир, казнили вместе с оборотнями.

Так же и провинившихся стражей Джон Вильмус, Закир Сай-Шахбан, Ивета Озолс, Иван Кирпичёв, Фёдор Копань, Азали Первакова, Бурова, несколько членов советов разных стай, несколько вожаков, несколько стражей с других материков. Всем им приговор озвучен – смерть. И завтра будет приведён к исполнению. Много стражников были отстранено, много арестовано. Предстоит ещё много работы чтобы восстановить наш мир, навести порядок среди стай и стражей. Но сегодня сделан главный рывок.

Сегодня судьи были среди остальных, на трибунах. А внизу на арене выведи Фонберина. Все приговорённые были размещены так, чтобы видеть смерть своих соучастников. Я

вышла на арену. Его развязали. Я стояла у входа и смотрела на своего врага, на того, кто стал виновником всех переживаний и волнений моих близких людей. Кто пытался сломать меня, подчинить.

И я ничего не чувствовала, совсем. Я глубоко вдохнула прикрыв глаза, понимая одно – эта казнь демонстрация, моей силы, моего права, меня самой. Я открыла глаза и знала, сейчас они светятся словно звериные. Я демонстрировала частичный оборот. Я давила своей волей и Фонберин упал на колени поскуливая. Я заставила его обернуться волком медленно подходя и подчиняя своей воли. Он стоял поджав хвост и опустив голову в положении подчинения.

Но я по-прежнему ничего не чувствовала. Всю ночь я проговорила с Князевым за ночь обучаясь обороту. Всю ночь я тренировалась управлять своим телом и самим процессом. И вот сейчас на вдохе я обернулась в пару секунд и на выдохе с рыком вырвала глотку своему врагу приведя приговор в исполнение и продемонстрировав свою силу.

Его тело упало возвращаясь в человеческий облик. Не было ни предсмертных хрипов, ни предсмертных конвульсий. Всё произошло быстро и максимально чисто. Я так же в волчьем облике прошла к выходу и выплюнула его гортань у выхода.

А потом ушла совсем. Ждала окончания в машине.

А внутри пустота, ни чувств, ни эмоций, ни желаний. Пусто. Когда открылась дверца и в салон проскользнула Ксения

я не среагировала. Знакомый запах, значит свои. Я смотрела прямо перед собой и не видела.

Она вытерла кровь с моего лица, шеи и рук. Словно куклу одела меня. А потом обняла сжав в своих руках и крепко прижала к своей груди. Тёплой. Живой.

Часть 18. Её глаза на звёзды не похожи,

В них бьётся мотыльком живой огонь.

Ещё один обычный вечер прожит,

А с ней он каждый раз другой.

Её упрёки – вестники прохлады,

Как скошенная в августе трава.

И пусть в её словах ни капли правды,

Она божественно права.

Где-то ангелы кричат:

Прости – прощай!

Плавится душа,

Как свеча

Разлилась по сердцу печаль:

Я навеки твой, ты – ничья.

Её сиянье затмевает солнце

И замерзает кровь в её тени.

Такое счастье дорого даётся:

Венец, откуда ни взгляни.

Любой валет в её большой колоде

Падёт, как жертва ревности слепой.

Она одна и от меня уходит

Давно проторённой тропой.

Где-то ангелы кричат:

Прости – прощай!

Плавится душа,

Как свеча.

Разлилась по сердцу печаль:

Я навеки твой, ты – ничья.

(авторы и исполнители группа «БИ2»)

Её глаза на звезды не похожи,

Нельзя уста кораллами назвать,

Не белоснежна плеч, открытых кожа,

И чёрной проволокой вьётся прядь.

С дамасской розой, алой или белой,

Нельзя сравнить оттенок этих щёк.

А тело пахнет так, как пахнет тело,

Не как фиалки нежный лепесток.

Ты не найдёшь в ней совершенных линий,

Особенного света на челе.

Не знаю я, как шествуют богини,

Но милая ступает по земле.

И все ж она уступит тем едва ли,

Кого в сравненьях пышных оболгали.

(Шекспир. Сонет 130)

...

От имени Сергея Князева.

...

Каменный мешок – вот как можно назвать моё место заключения. Сырой, грязный, вонючий без окон и света – каменный мешок. Сколько я здесь, да не знаю. Дни. Месяцы. Годы. Я не чувствую времени, не слышу толком звуков, не осязаю запахов. Не ощущаю уже давно ни холода, ни жара.

Мой волк не отзывается. Даже на грани сознания я не ощущаю его. Интуиция молчит. Вокруг сырые каменные стены в клетке два на два во все стороны и метра четыре в высоту. Когда только попал сюда, если это не фантазия одурманенного мозга, мне сказали, что я нужен живой, пока ещё нужен.

До того, как меня накачали, и я поплыл, мой волк почувствовал, что нахожусь я под землёй и единственный выход – это люк сверху. Все, дальше был мрак. Через люк мне бросают бутылки с водой и раз в день, думаю, что раз в день, убирают ведро с естественными отходами организма.

Хоть за это спасибо, не тону в собственном говне. Еды дают мало, только чтобы не сдох, пару бутербродов. Меня ломают. Наркотики пускают с воздухом, а может сейчас, когда я не чувствую ни вкуса, ни запаха, то и вместе с едой и водой.

Но сразу после еды в мой мешок через люк пускают газ, и он почти отрубает меня. Кроме первого дня, со мной никто и ни разу не говорил. Да и в том разе я уже сомневаюсь. Я запомнил запах, женщины, которая увозила меня из моего же спортзала. Оборотень.

Я, уплывая в небытие от подсыпанного снотворного и наркоты в воду, моими же ребятами из спортзала, слышал часть разговора о том за сколько меня продали. Я вытащил этих парней с такого говна, отдал их долги и сделал их людьми, превратил их драки в спот и дал возможность заработать. А меня продали... тридцать серебряников...

Представляю, что скажет Светка, она никогда не верила во второй шанс. Всегда говорила, что спасать надо сильных и детей. Что только тот, кто ищет шанс тому его и надо давать. А после того похищения вообще обижалась на меня за мою помощь особенно тем, кто упал ниже не куда. Вот оно, подтверждение её правды. Ведь услышал и почувал я только тех, кого вытащил с самого дна.

Когда меня без чувств свалили в этот каменный мешок – не знаю. Пришёл в себя, а рядом валялось пару бутылок с водой бутерброды, сделанные руками той самой оборотницы, которая меня везла сюда и выкупала у ребят. Через время крышка люка открылась и сверху раздался не знакомый голос мужчины. С акцентом иностранца.

Он-то и сообщил мне о том, что пока я нужен живой. Но не обязательно здоровый. Он сделал несколько снимков на телефон прямо сверху. Света внутри нет, поэтому кто-то осветил мою камеру под разными углами фонарями ослепляя. Тогда я увидел лично, что вокруг камень, волк подсказал, что каменная кладка под землёй и если бежать, то только через верх.

Это последний раз, когда я чувствовал своего волка и смог связаться с отцом. Все последующие попытки результата не дали. Думаю, пару раз в сутки мне запускали газ с дурманящими разум свойствами. Но точно сказать не могу. Я много времени спал, часто был под действием наркотиков и не совсем мог определять реальность это все или моя больная фантазия.

Единственное что меня спасает это мои близкие. Даже уплывая в небытие мне видятся они. Моя племянница Лизочка. Сильный оборотень. Но после похищения она боялась всех и вся. Нам с трудом получилось приручить её. Мой волк единственный с кем она шла на контакт. Может потому что оборотни не берут на себе, даже детей.

А я возил, всегда. Как только она научилась сидеть и держаться за меня я оборачивался и катал её по дому и двору. А когда подросла и по лесу. Мой волк дружил с ней с её младенчества и это помогло сойтись снова после пережитого этой храброй девочкой. Её глазки полные восторга, когда она видит моего волка. Её маленькие ручки, глядящие его, расчёсывающие и прицепляющие свои самые любимые заколки и ленты.

Моя сестра, близняшка. Она старше меня на семь минут. Как же она гордилась этим в детстве и доводила меня до обращения этим. А потом залазила верхом и шепча как она любит меня, своего самого лучшего брата на свете, просила покатать. Ну как откажешь бесовке.

Оборотни не берут на себе, никого, но я ломал это правило, этот закон. Катал свою несносную сестрицу, а потом её вместе с нашей племянницей. Как иначе, если их полные мольбы и нежности глазки смотрят на тебя, как отказать. Я переживал в дурмане всю свою жизнь. Раз за разом уплывал в воспоминания.

Вот моя сестрёнка с подругами залезли на яблоню и боятся слезть. Вот она смотрит мне в глаза и отпустив ручки отталкивается от ветки, и я её ловлю. Я сильный. Я справлюсь. Вот отец её возвращает после похищения, и она каждую ночь ревет на взрыв мечась по постели и пугаясь каждого шороха.

Я ложусь рядом с ней, крепко сжимаю её в своих руках и шепчу. Все глупости мира. Только бы она не боялась. Со временем я просто ложусь спать с ней, и мы болтаем пока она не уснёт. Она рассказывает мне свои страхи. Рассказывает, что с ней случилось. Не всё, лишь малую часть. Но и это даёт ей покой. Она уже может спать без меня. Начинает огрызаться и выходить во двор. Не кричит ночами и не ревет на взрыв.

А вот наша мама она смотрит на нас так, словно мы победители этого мира и это вдохновляет. Разве можно подвести маму, разве можно не оправдать её надежд, разве этот взгляд не стоит подвигов от нас, борьбы. И я борюсь. Каждый день прихожу домой ради этого взгляда.

А как смотрит на неё отец. Они вместе столько лет, а он словно влюблённый мальчишка. Краснеет. Бледнеет. Когда

она его целует или отвечает на его взгляд, он всегда сбивается с ритма и в словах, и в дыхании и его сердце ускоряет ритм. Я вижу это и мечтаю, что когда-нибудь и у меня будет так же. Может я просто все придумал. Может мне все это кажется. Но я хочу так же. Чтобы любить одну и навсегда, истинную.

Но почему хочу? Она у меня есть. Моя маленькая и смелая, моя. Когда думаю о ней задыхаюсь. Как мог быть таким глупым и слепым. Как мог причинить боль своей паре и не понять с первого взгляда. С первого дня только все порчу.

Вспоминаю нашу первую встречу. Как почувствовала её запах во дворе и внутри всё сжалось. А потом застал плачущую маму и одурманенный помчался на перерез к ней отбросив остальные эмоции. По дороге встретил ребят, и они пошли со мной.

Как Светка, увидев меня взбешённого кинулась к маме, а потом нам вдогонку. А я в один прыжок через забор понёсся вслед за запахом. Он дурманил мен, мой волк рычал и кричал, но я не слушал. Вспоминаю как моя девочка, погруженная в свои мысли, наткнулась на меня и внутри что-то взорвалось.

Это мой волк сопротивлялся мне. Он хотел защитить девочку, а я глупый и самонадеянный пытался причинить ей боль. Запугать. Заставить бежать без оглядки. Ведь видел в глазах, нет у этой мелкой жестокости, но не верил ни себе не волку.

Сколько раз я жалел, что наша первая встреча была именно такой. Сколько горя она пережила из-за моего порыва. И когда её взял на руки брат, боже, если бы Светка не схватила бы меня тогда, я бы обернулся и кинулся на него. Мой волк требовал своё, он уже признал её. И то, что её на руки взял другой... Сколько трудов стоило успокоиться и придя домой не кинуться на него. Его запах был на ней.

А потом её сны. Когда она выгнала меня обвинив во всем, моё сердце разрывалось. Волк скулил и впервые пытался со мной спорить, подчинить себе. Он чувствовал, что её боль моя вина и хотел оградить её от меня. И он нашёл выход. Он приходил к ей во снах. А я через эти сны рассказывал ей о нашем мире. Так мы снова стали одним целым, мы оба в едином признали в ней свою пару.

А когда она пришла на следующий день. Я учуял её ещё на подъезде, заметался по дому. Попросил маму оставить её у нас. Попросил Свету и Лизу уговорить её остаться... Метался и предвкушал. Все потешались надо мной, но помогали. Я так надеялся, что она пришла ко мне. Я словно гормонально не стабильный подросток в нетерпении и ожидании изводил себя.

Но не смотря на всё это она боролась со мною, моя сильная девочка. Не физически, нет. Она морально стояла словно часовой, не давая мне даже шанса. Я приближался к ней шаг за шагом. Был рядом только когда был нужен.

Попросил Владимира Григорьевича выделить ей кого-то

чтобы приглядывал и помогал, когда меня нет рядом. Я волновался за неё как никогда раньше. Поселил её рядом со мной. Стал, как советовала мама, сближаться не спеша, приручая и привязывая её к себе. Я не спешил и не давил. Я словно домашняя собака, полз к ней на пузе за добрым словом и порцией ласки. И она привыкала ко мне, оттаивала.

Я старался заменить плохие воспоминания о нашей первой встрече новыми, светлыми моментами. И наша связь крепла. За считанные дни у нас появились метки. Только она ещё была не готова принять меня, да и себя истинную тоже. Кто же знал, что наследница древнего рода, сильный оборотень подавляет свою суть столько лет и даже не подозревает об истине этого мира и о себе.

Она не знала кто она, не знала истории и корней собственной семьи. Её сон, точнее воспоминание, она считала кошмаром, окрашенным её фантазией. Но наши прикосновения. Случайные и не совсем. Наши ночи. Наши поцелуи. Я чувствовал в ней волчицу, сильную, но спрятанную и прячущуюся.

И эта волчица, как и сама Лена стремилась ко мне, отзывалась на ласки и отвечала на поцелуи. Её волчица приняла меня, намного раньше, чем с этим выбором согласилась сама Лена. Мой волк рядом с ней словно домашний кот урчал от удовольствия.

Наш первый раз. Я умирал и снова рождался рядом с ней. А то, что до меня к ней ни касался ни один мужчина, не

пробовал – это был сюрприз. Не спорю, приятный. Но ещё и пугающий. Все произошло быстро и обыденно. Не было ни романтики со свечами и цветами, ни долгих прелюдий. И я причинил боль своей девочке. Сердце разрывалось, а волк бесился, а она удивила, потребовала продолжения. Я словно ожил от её слов. В тот момент я был готов раствориться в ней. И до сих пор не могу понять, как так получилось, что она, уже вполне взрослая и красивая, осталась не тронутой. Моя прекрасная, моя отважная, моя сильная, моя.

Сколько же я причинил тебе боли. Прости меня, родная моя. Как же я виноват перед тобой. Я привык быть братом и другом, сыном. Я не знаю, как это быть любящим и любимым мужчиной, чьим-то мужчиной. Но я буду стараться, стоит только выбраться отсюда. Я больше не совершу тех ошибок, не стану так глупо доверять другим. Я изо всех сил постараюсь быть тем, кто я есть на самом деле, но только для тебя, ради тебя и только твоим. Я и так весь твой и только твой.

Просто не жду предательства особенно от тех, кого знаю с детства, как эту дурочку Олю с её бабкой. Или как тех, в кого верил больше чем они в себя, ребят со спортзала. Моя маленькая девочка, моя смелая волчица, моя...

Вот в эти мысли и воспоминания я уплывал в них и приходил в себя, если это состояние можно так назвать. Этими воспоминаниями я держался. Просто в те редкие моменты, когда дурман отступал, и я пытался нащупать связь с семьёй

и любимой, только их лица и мои воспоминания не дали мне сломаться и отчаяться. Я не просто вспоминал, я будто бы снова и снова переживал все то, что держало меня за жизнь. Я жив, я уверен, меня ищут, и я выживу и выберусь из этого каменного мешка и дурмана. Я не могу иначе. Я справлюсь.

В один из очередных моих просветов я очнулся связанным у костра. Смутно знакомые голоса вели разговор обо мне, как я уже понял позже. Один был в форме стражей. Мне стоило больших усилий поймать нить разговора, запомнить голоса, лица.

– Нам лучше избавиться от него. Чем быстрее, тем лучше. Его отец не идёт на компромисс ни в чём. Он дал понять в открытую, что не уступит и не отступится. Что доведёт все дела до логического конца и объявит охоту на нас. Пойми, надо избавляться от этого щенка, пока его не связали с нами.

– Не глупи и не пори горячку. Не идёт на компромисс отец, пойдёт его сучка. Сделаем ещё фотографии, снимем видео, дожмём её. Она молодая и не опытная. Совершит ошибки и рассорится с Князевым. Тогда её и дожмём. А сейчас главное добраться до пленников. И выторговать нужного нам оборотня.

Дальше я не слушал. Просто рвался к своей семье, к своей паре. Не чувствовал своего волка, был словно в пелене или тумане. Почти совсем не чувствовал запахов, слабо слышал звуки, не мог определить где я нахожусь, в теле почти не было силы. Как же тяжело потерять часть себя. Часть своего су-

щества, своей души. Но я рвался изо всех сил к своей семье, им тяжело не меньше моего. Они дорожат мною, я знаю, но они отвечают за всю семью, за всю стаю. В какой-то момент, когда я уже отчаялся совсем, у меня получилось. Я не увидел маму, не почувствовал её, нет. Я только услышал её голос, далёкий и еле слышный.

– Ты жив, родной мой, жив.

– Да. Мама, скажи отцу, ребята из зала, они меня одурманили. Оборотень, женщина, привезла меня куда-то за город. Похитили днём до обеда, к месту привезли к полудню. Меня держат под землёй в яме с каменной кладкой два на два на глубине метров четырёх. Это где-то в лесу, наверное. Тут сыро, наверное, рядом вода. К месту ведёт грунтовка. С ними заодно страж, я вижу со спины троих, они говорят, что отец не идёт на уступки. Они хотят нажать на мою Лену, хотят рассорить её с отцом. Они хотят пообщаться с пленниками и кого-то выторговать. Мам, меня чем-то накачивают, я постоянно словно в дурмане. Я не чувствую своего волка, совсем и вас, никого. С трудом тебя слышу.

– Родной мой, ты только выживи. Мы со всем справимся. Мы тоже не можем с тобой связаться. Не чувствуем тебя даже сейчас, совсем, словно ты не живой. Сейчас весь совет держит меня, сразу два совета.

– Мам, как она?

– Мы не сказали ей правды...

– И не говорите, не надо мам, пожалуйста, не ... говорите

– Вот тварь, очнулся! – Меня ударили под рёбра тяжёлым ботинком. Я потерял концентрацию и связь разорвалась. Лица я не видел, согнутая пополам не смог. Я был туго связанный, не имея возможности двигаться.

– Не трогай. Не хватало её прибить наш козырь раньше времени. И не порть ему мордашку, а то зазноба не узнает. А нам ещё снимать. Вымещай злость на травке.

Мне на лицо положили вонючую тряпку, зажали рот и нос, и я снова уплыл в свои воспоминания которыми жил и спасался.

Очнулся в своей яме, каменном сыром и тёмном мешке. Только теперь чистом. Исчезла старая и полу гнилая трава, земля и моя разорванная одежда, мусор. Я был в свежем спортивном костюме. В углу стояло другое ведро со стульчаком в виде унитаза. Подо мною был матрац, чистый, лежала подушка и одеяло. Стоял маленький столик с термосом рядом с ним, в нём был горячий бульон, рядом были бутерброды и картошка в мундире с пакетиком хамсы.

Целый пак воды в бутылках и несколько книг на нём. С потолка свисала одинокая лампочка, освещающая всё вокруг. На стене надпись: «если твоя сучка будет хорошей девочкой, тебе же будет лучше». Что мне лучше вам не знать и не понять. Я съел бульон, картошку с хамсой оставил на потом, заел бутербродами. Взял книги: «Граф Монте Кристо», «Судьба человека», «Побег из ада», «Мотылёк». Под книгами была записка.

«О побеге из плена не мечтают лишь глупцы. Но помни, твой побег, любая его попытка, и твои самые близкие и беззащитные, могут занять твоё место или просто пострадать. Одурманивать тебя больше не будут, но не сильные наркотики, разделяющие тебя с твоим волком, будут по-прежнему с тобой. Не испытывай наше терпение и доброту, тебе не понравятся последствия. А их ты увидишь лично, обещаю.»

Запаха человека или оборотня не почувствовал, запах затхлости и сырости все перебил. Чуть прокусил палец и смазал книги своей кровью. Вдруг повезёт и книга выдаст хозяина. Конечно я не особо рассчитывал на такую глупость со стороны оборотней, но вдруг за мной присматривает человек, и он не заметит моей хитрости. Значит теперь я хоть буду в сознании. Пусть и не полностью. Но вдруг опять соберут оба совета и меня отследят.

Сколько прошло времени не знаю. Меня кормили не часто, я постоянно испытывал чувство голода. Но хотя бы еда была нормально, к бутербродам приносили горячие и жидкие супы и борщи, салаты, выпечку, фрукты. Еду приносили всегда ночью, открывалась крышка и на верёвке вниз спускалась корзинка с едой.

В пустую я складывал посуду и бутылки, так же прочитанные книги, их читал постоянно. Иначе сошёл бы сума от бессилия и переживаний. Книжки получал новые, теперь уже другого содержания, теперь мне дали возможность ознако-

мится с классикой отечественной и зарубежной литературы с основной идеей измена и предательство.

И я читал, что ещё делать. Мой волк по-прежнему не ощущался. Я не знал где я, кто сторожит меня на верху и сторожит ли, действительно ли есть угроза моим родным. Поэтому я ел, спал, читал. И думал, мечтал исправить всё что натворил и строил планы на будущее. И вспоминал, снова и снова проживал минуты своей счастливой жизни, где я сын, брат, дядя, любящий и любимый мужчина, где я среди тех, кого люблю больше жизни. Крышка моей тюрьмы снова открылась и во внутрь заглянул мужик.

...

– Есть кто?

– Есть.

– Тебя выкрали что ли. Выкуп требуют с родных? – Я задохнулся от чувств. Неужели правда. Неужели простой человек нашёл меня и сейчас поможет. – Эй, живой?

– Отец, у тебя телефон есть? Позвони моим родным, скажи где я. Скажи Серый просил помочь. Они поймут. Я продиктовал номер отца.

– Подожди, сынок. Телефон у меня есть, только он тут не ловит. Это пешего хода два дня с леса до райцентра. Давай я лучше тебе помогу выбраться. А то твои архаровцы охранявшие тебя уже второй день не возвращаются. Я тебя уже неделю как приметил. Я егерь, Михалыч. Тут место такое, в девяностые привозили в яму кидали. Думал, времена смут-

ные прошли. А тут тебя кинули. Я неделю ходил выглядывал, когда они уедут. А они на два часа уезжали, одни, а приезжали другие. Я три смены насчитал по двое. И ещё трое, вроде начальства. Начальство раз в день всегда приезжало. А тут два дня их не было. А вчера смена не приехала. Я до обеда подождал, мало ли что, и к тебе.

Он говорил просто, но по-военному чётко. При этом то удаляясь, то приближаясь. А потом скинул верёвку вниз ко мне.

– Ты там не связан, сил подняться хватит?

– Не знаю Михалыч, я даже не знаю сколько я тут. Да ещё и постоянно под наркотой. Меня пичкали какой-то дрянью. Только сейчас хоть немного в себя пришёл. Какое сегодня число?

– Седьмое июля...

– Твою ж мать, это же полтора месяца. Мать с сестрой сума сошли, наверное. А Леночка... А отец...

– Это хорошо, что ты о матери вспомнил, молодец. Мать надо уважать. Только давай ты потом родню перечислишь и вспомнишь. А сейчас выбирайся и уходим, а то мало ли.

– Прости Михалыч.

Я полз по канату словно девчонки с маникюром как у кротов на моих уроках. Силы вроде были, но я не мог толком управлять телом. Руки с трудом держали канат, ноги не сгибались. Я подтягивался продвигаясь кверху словно ленивец. Михалыч не выдержал, заглянул вниз что-то пробур-

чал и стал тянуть канат вверх вместе со мной. На землю я упал мешком с картошкой пыхтя и кряхтя словно старик при смерти.

– Да, хорошо тебя одурманили. Язык заплетается, говоришь словно засыпая и так же двигаешься.

– Прости Михалыч, я не чувствую этого. Мне только очень тяжело и сил нет и дышать почти больно. Помоги.

– Да куда уж денусь. Зря что ли неделю выслеживал и час, не меньше, тушку твою вытягивал. Полежи тут. Я верёвку заберу и запах перцем засыплю, мало ли, собак в след пошлют.

Михалыч ушёл, а когда вернулся помог мне встать и подхватив меня под плечо потащил в лес.

– Через три километра у меня машина стоит. Добредём и рванём на город, а там и к твои. Если успеем – хорошо. Нет, тогда нам несдобровать. Думаю, суть твоих похитителей ты знаешь, чувствую, и сам не простой парень. От того не легче. Куда везти тебя?

– Москва. Но лучше домой, в Химки в Вашутино. Михалыч, надо доехать до места где ловит связь, а там связаться с моими.

– Так-то оно так. Только До Москвы далековато. Ты хоть знаешь где мы сейчас? Нам сейчас до Финляндии ближе, чем до Москвы.

– В смысле, до Финляндии?

– В прямом. Мы недалеко от озера Ладожское, слышал о

таком? Не хмурься. Ближайший посёлок Ляскеля.

– Михалыч, мне нельзя звонить своим так далеко от дома.

Нас перехватят раньше.

– И что ж мне, до Москвы тебя везти?

– Михалыч, прошу, помоги. У меня там семья сума сходит. Их прижать хотят, мною шантажируют. Мне с ними связаться можно только когда свои рядом будут. Можно не в Москву, можно в Зеленоград, у меня там сестра с мужем живут.

Мы дошли до машины. И Михалыч тяжело дыша помог мне забраться в салон его четырёхсот шестидесяти девятого УАЗика, местами ржавого и пыльного внутри. Я дышал с трудом каждый вдох и выдох словно огонь обжигал всё внутри. От нашего пути ломило всё тело и сердце билось так, словно хотело выскочить наружу сломал на своём пути рёбра. Мой спасатель дал мне воды. И тяжело смотрел на меня.

– Скажи-ка мне, а чем ты занимаешься?

Дыша с хрипом я начал говорить. Говорил правду, чувствовал, солгу и он мне не поверит. В лучшем случае довезёт до ближайшего опорного пункта и сдаст на поруки полиции. А там как повезёт, в чём я сомневаюсь.

– Я учитель в школе. И ещё владею спортзалами. Моя семья из не бедных людей. Совсем не бедных. Но поверь, Михалыч, никакого криминала. Поэтому на мою семью и давят, мною шантажируют.

Михалыч пристально рассматривал меня, изучающе. По-

том сплюнул и захлопнул дверцу машины. Сел на водительское место, завёл машину и тронулся. Ехали молча. Сначала я наблюдал за Михалычем, он злился, хмурился. А потом видимо я не заметил, как уснул. Проснулся, когда меня будил Михалыч.

– Вставай лежебока. План такой. Сегодня заночуем у меня. Дом у меня егерский, в лесу. Семьи нет, гостей не бывает. А с рассветом двинемся в путь. У меня как раз по плану объезд участка. Ехать будем грунтовыми дорогами через леса от одного к другому охотничьим домикам. С собой возьмём сух паёк и воду. Канистры с топливом. На дорогу будем выезжать только чтобы заправиться. Всё остальное нам и лес даст. Я же правильно понял, что обнаружив твой побег тебя будут искать по всем дорогам и посёлкам?

Он говорил словно отдавал команды, по-военному чётко, бескомпромиссно. Говорил вытаскивая меня из салона своей машины. Помог дойти до его дома. Не большого из сруба. Усадил на скамейку. И дождавшись моего утвердительного кивка в ответ на свой вопрос продолжил.

– Сейчас воды согрею, тебя отмыть надо, баню топить не буду, не известно, как твоё сердечко от всего чем тебя напихали справится, а рисковать не хочу. Денег у меня не много, но думаю на дорогу хватит. Одежду я тебе из своей дам, брить тебя не будем, с бородой если кого встретим, ты за нашего брата сойдёшь.

Он ушёл, а я сидел и думал. Думал о самом Михалыче, о

ситуации, о своей семье. Потом он помог мне вымыться, накормил и уложил спать. Подъём был ещё до рассвета. Михалыч уже собрался сам, приготовил одежду мне и полностью собрал всё необходимое в дорогу. Мы поели.

Михалыч закрыл свой дом и оставил табличку на двери. «на объезде угодьев». Ехали не долго. У съезда с грунтовки меня высадили. Михалыч въехал в небольшое селение, кажется он говорил посёлок Ляскеля. Там пообщался с кем нужно до отъезда. Забрал почту в местном отделении, купил свежие газеты нам нужны, мне нужны новости. Набрал топлива в канистры и залил полный бак.

Я ждал всё это время в лесу у съезда на дорогу. Вернулся он быстро. А дальше путь, долгий и возможно опасный. А я не в состоянии обернуться. Не могу защититься сам и втянул в свои проблемы другого человека. Ехали молча до самого вечера. И уже тогда остановились на привал. Костер. Каша походная с тушёнкой на огне. Я ел словно с голодовки, хотя почему словно. Я был с голодовки, не доедал и был в тумане. Еда сейчас для меня лучшее лекарство. Котелок опустел быстро. Михалыч вымыл его и заварил травы.

– Пей. Это поможет. По кустам будешь бегать часто, но за то быстрее из организма отравы выйдет.

Питьё было горьким и жгучим. От него внутри всё скручивалось и рвалось наружу. А потом действительно тянуло в кусты. Собрались быстро, костёр засыпали землёй, а самую стоянку Михалыч засыпал из пакета травами. Пояснил про-

сто: «от собак». И снова в дорогу. Ехали долго и уже по тёмному.

Проснулся я от тычка Михалыча. Впереди был домик, низенький. Окна почти у самой земли. Крыша в траве. Но с окон лился свет. А с трубы шёл дым.

– Значит так, вопросов глупых не задавай. Руками без спроса ничего не трогай. Без приглашения не смей порог переступать, тем более по дому шастать. И не спорь. Вообще без надобности рот не открывай. – Он тяжело вздохнул прикрыв глаза. – Пошли. Нас уже ждут.

Меня не окутал страх и паника, нет. Противопоставить что-то даже человеку я не смогу. Слабость в руках и ногах не ушла. Волка не слышно. Инстинкты молчат. Бежать? Куда и как? Я хожу с отдышкой, нагонят и прикопают на месте. Да и не в моем характере бежать. Так что я молча и с помощью Михалыча вылез из машины.

Голова закружилась и снова захотелось пометить кустики. Дошёл до входа опираясь на плечо Михалыча и у самой двери попросил навестить кусты. Далеко не ходил сил и на это ушло много, аж взопрел весь. А когда вернулся к Михалычу увидел на его лице столько эмоций, что даже задохнулся. Он словно боролся, прямо сейчас стоя у двери, он словно вёл бой с собой и всем миром сразу. Он снова прикрыл глаза и тяжело дыша постучал.

Дверь распахнулась сразу же. На пороге стояла не высокая старушка довольно округлых форм. И такое выражение лица

у неё было, словно она сейчас войну выиграла или миллион выиграла, а то и того лучше. С некой злорадной ухмылкой она посмотрела на Михалыча, потом на меня и просто развернулась уходя в дом. И уже оттуда пригласила войти. Вошли молча. Я ничего не понимая, а Михалыч с лицом не проигравшего войну, а потерявшего соратников с победой. Словно он винил себя, за то, что жив.

– Так, печку я натопила, но воды надо наносить. Мы его пропарим на воде, да с травками нужными. Он у нас уже завтра к обеду как огурчик будет. – Бабулька говорила запаривая травки и стоя к нам спиной. В центре горел огонь в печи, старой такой, русской печи. – Ну чего замерли? Ты одежу скидывай. Травку всю выпил? На ещё. Пей и в лохань лезь. – Она протянула мне глиняную чашку объёмом с полтора литра не меньше. И указала на деревянную ёмкость на печи. – Пока выпьешь, Богдан с ключа воды натаскает и разбавит. Не варить же мы тебя будем, а там почти кипяток. Пока вас ждала всё грела. А когда пропаришься, да трав напьёшься, так и побреешься. А потом поедим да поедим. Нам спешить надо.

– Прости матушка, а Богдан это кто?

Бабулька хмыкнула. Ткнула пальцем в Михалыча, точнее в его спину, скрывающуюся за закрывавшейся дверью. А потом гаркнула.

– Пей. Нет у меня времени слова без надобности из пустого да в порожнее переливать. Пей да лезь куда велено.

Говорила она строго, ругаясь. Но когда поворачивалась я видел в глазах радость и тепло, как у мамы. Спорить и что-то спрашивать не стал. Присел на деревянную скамейку у входа и стал пить знакомую по вкусу заварку. Горчило, тошнило и жгло. Я пил и молча наблюдал за хозяйкой. Богдан Михайлович принёс пару вёдер воды и вылил в ладью на печи. Вёдра деревянные и узорчиками, выцарапанными по всей поверхности. Под потолком развешаны связки трав. Занавески вышиты яркими цветами.

– Так, допил? Раздевайся и ложись в воду так, чтобы весь в воде был.

Она сунула в руки Михалычу кружку как у меня и указала вылить в ладью. Я разделся и улёгся в воду. Вода была горячей, но терпимо. Согнулся как мог, но всё равно весь не помещался. Бабуля вынырнула с боку, внезапно.

– Да чего дёргаешься? Не девица. М-да, не девица – это точно. Раскормила тебя матушка, что в ладью не вмещаешься.

Она что-то всё время бурчала и давала команды Михалычу. Меня то поливали отварами, то топили, то поили. Тёрли мочалками из запаренных трав, а потом поливали отварами этих же трав. Сколько всё это длилось я не знаю. Но Меня клонило в сон и новые отвары уже не лезли, там просто не было места. И только когда хозяйка приказала вылезать и сходить на природу кусты полить я пришёл в себя.

И главное, я осознал, что чувствую запахи, различаю тра-

вы и вижу, не совсем как раньше, но намного лучше. А сходяв до кустов меня Михалыч отвёл меня к ключу бьющему из земли. Он набрал воды в знакомые вёдра и трижды облил меня. Вода была ледяной. По коже пробежали мурашки и вместе с ними прошла волна частичного обращения. Шерсть выбивалась из-под человеческой кожи и тут же схлынула. Зато после этого я почувствовал своего волка. Плохо, словно он был далеко, но я его чувствовал. Я уставился на Михалыча. Не понимая ничего и не веря.

– Чего смотришь словно не волк, а баран. Пошли в дом.

И мы пошли. А там бабуля вручила мне чашку с ещё одним отваром, на этот раз не противным до тошноты и горечи и всего в пару глотков объёмом. Михалыч дал мою одежду, опасную бритву и отправил за печь к зеркалу. К моему возвращению эта половина дома преобразилась. Травок под потолком уже не было. Ладью опустошили и вынесли. У выхода были котомки. На столе стоял обед. За столом сидела довольная хозяйка и не довольный Михалыч.

.....

Ели мы в полной тишине. Я внял совету Михалыча и помалкивал рассматривая сотрапезников за столом. Сам Михалыч был недоволен и погружён в свои мысли. А хозяйка дома, посматривая то на меня, то на Михалыча и довольно шурясь ела с весёлыми бесятами в глазах.

Она была пожилой женщиной, не меньше пятидесяти пяти, шестидесяти лет. Из-под платка с крупными в ручную

вышитыми цветами по центру и не ясной, но далеко знакомой по краю платка вышивкой каких-то символов, выглядели седые волосы. Весёлый взгляд когда-то наверняка ярко зелёных глаз, а теперь по-старчески тёплый, но тусклый цвет горел только эмоциями. По всему лицу морщины и морщинки, и они предавали этой женщине доброе и ласковое выражение милой старушки, почти из сказок.

Но при этом при всё от неё словно било по вискам и скручивало тело, такая сила была в ней. Я очень слабо чувствовал своего волка, словно далеко или глубоко от меня и не мог прощупать суть этой старушки. Но я ясно понял, ни для Михалыча, ни для неё моя суть не тайна. Только кто они и с чем на душе... Зла мне не желают, пока не желают, иначе бы не спасали и не помогали, но что захотят в оплату моего долга жизни.

Старуха посмотрела на меня словно слыша мои мысли. Рассмеялась. А потом резко прислушалась вздохнула, тяжело так, словно перед прыжком в бездну. Встала и серьёзно заговорила.

– Богдан, надо будет перинку мою взять. А остальное сжечь. Всё. Вместе с домом. Задержались вы. По следу уже шакалы идут.

Михалыч молча встал и запрыгнув на печь свалил скрученную перину на пол. Спрыгнул и молча отнёс в машину, туда же отнёс все котомки и сумки старухи. Делал всё быстро не задавая вопросов, не споря.

Потом распалил печь, накидал дров по полу. Полил бензином стены, потолок, полы и оставшиеся вещи внутри. Облил стены по наружи. Бабулька рассыпала травы шепча себе под нос что-то и подвывая.

Потом подпалила связку трав и отдала её Михалычу. *«Этим подпаливай, след не оставит.»* прошептала она и тяжело вздохнув поклонилась дому и ушла в машину. Села на переднее сидение и скомандовала мне сесть сзади. Михалыч подпалил по углам дом снаружи и закинул горящую связку трав в открытую дверь. Дом вспыхнул моментально. Бабулька грустно вздохнула и отвернулась.

– А огонь не перекинется на лес?

– Нет волчонок, не перекинется. О твоём приходе я знала давно, возможно ещё до того, как ты родился. Поэтому дом стоит рядом с ключом и вокруг него вода заведена из ключа. Это сбивает с поиска всех, текучая, живая вода помогла мне скрыться ото всех и поможет не дать огню выйти за круг.

– А кто вы?

– Рано ещё тебе знать это. Хватает того, что помогаю и зла не желаю, ни тебе ни остальным.

Михалыч сел за руль, и мы поехали дальше. Места было мало, сзади лежали вещи старухи. Я ютился, закинув ноги на сидение. Ехали опять молча. Я снова провалился в сон. Сквозь сон слышал, как о чём-то заговорили старуха и Михалыч, но сути не разобрал, просто погрузился в тишину и темноту. А проснулся, когда старушка меня трепала за ухо и

приговорила о сонях не лестные выражения.

– Для начала кровь пусти себе. Чуток надо. Палец вон проткни. – Старуха дала мне большую иголку и связанный пучок перьев. – Смажешь кровью перья. А потом выпьешь из этой бутылки, всё. Тогда дам поесть.

Спорить смысла не видел. Проколол палец, хорошо смазал перья и отдал их старухе взамен бутылке с водой. Вода была мутной, в ней плавали листики и стебельки. Не спрашивая открыл и начал пить. Настой был не очень приятный на вкус, но и не противный.

Старуха в это время что-то пошептала и открыла окно. Выглянула в него и что-то опять прошептала в предрассветную тишину. Мелькнула тень, чуть впереди, старуха выставила руку в окно держа связку перьев с моей кровью. Снова мелькнула тень и сформировалась у руки старухи в сову. Схватила связку перьев и ухая улетела.

– Ну вот, след возьмут по запаху, только моя умница уведёт их в другом направлении.

– Ты уверена, что за нами идут и идут не друзья?

– Вот же упрямец. Вот сколько лет уже прошло, а ты всё не веришь. Вот как сказала, так и будет. Всё будет как сказала! И хватит киснуть, чай не сметана. Этот день весь в пути проведём и ночь тоже. К обеду за руль волчонок сядет, уже сможет. Ты поспишь пока. А потом опять ты. Он ещё не видит толком, делов по тёмному наделать может. Ты там чего притих? Допил? – Я угукнул и протянул пустую бутылку. –

Молодец. А теперь давай корми нас. Там в правом углу на сиденье котомка с едой, доставай.

Светало, через кроны деревьев пробивались рассветные лучики солнца. Мы ехали и с аппетитом ели. Домашний сыр, жареное мясо, домашний хлеб. Молоко в глиняных бутылках. Был бы котом мурлыкал бы от удовольствия. Как же вкусно. Михалыч тоже был доволен, хоть и пытался скрыть эмоции на своём лице.

А бабулька ела и приговаривая как надо мясо жарить, с травками, как надо молоко хранить, в глине и прочее, что только разогревало аппетит. Привал мы не делали. Один раз остановились и сходили по нужде. Потом всё посыпали травами и снова в путь.

Ближе к полудню меня снова напоили отваром, в бутылку с водой старуха добавила отвар и отдала мне приказав пить. Потом снова поели уже с другой сумки. Там в глиняных пузатых бутылках был бульон, так же домашний хлеб и жареное мясо. Еда была закутана в вещи и была тёплой. А потом за руль сел я, а Михалыч сел на моё место и сразу уснул. С направлением мне помогала старуха.

– Не спрашиваю кто вы, понял, что скажите, когда сами решите. Но хоть что-то вы мне расскажите?

– Молодец, умный волчонок, хоть ещё и мальчишка совсем. Что ж, расскажу, почему не рассказать. Я, как и ты из стаи, женой была вожака. У нас дочь была, но вожаком ей стать не судьба была. Не было в ней силы нужной. А больше

детей у нас не было. Дочь подросла и полюбила, всей душой и взаимно.

Богдан в нашей девочки души не чаял, с детства за ней таскался словно на привязи. Мы уже внуков планировали нянчить. Но в наш дом тоже постучалась беда, как и в твоей. Мой муж погиб. Вожаком стал молодой волк. Сильный, умный, хороший... Только любил он нашу дочь, хоть и не взаимно, но любил. Не знаю, как так получилось, я тогда от беды совсем обезумела.

Мужа похоронила, и сама жить не хотела, ушла в лес. Кто я ты потом поймёшь, сам, когда время придёт. Но моя суть... Я увидела беду и дорогу... Не одну дорогу. Если бы я вернулась, Богдан бы, и дочка моя, Ксения, были бы вместе, но стая бы погибла, вместе с моими внуками. А если не вернусь, дочка станет женой вожака, у неё будет много горя. Но стая выживет, и внуки мои живы будут. И Богдан с Ксюшкой будут вместе, не сразу, но будут.

Я дальше в лес пошла. Выбрала свой путь. Когда выбор сделала и тебя увидела, и то как дом гореть будет, и то что тебя Богдан спасёт. Поэтому, когда за мной в след пустились, я подгадала и Богдана, кхм, словом забрала его. Увела в эти земли и запретила возвращаться. Ослушаться меня он не мог. Вот и злится до сих пор. Со временем ему всё пояснила.

Он верил, и не верил. Сам понимаешь, когда дела касаются чувств мы все слепы. Вот он и злится. Он, когда за мной уходил надеялся, что я дочку вразумлю, и они снова вместе

будут. А я его увела, он перестал верить в её любовь и в то, что вместе будут. Я ему уже сколько раз повторяла, что глупить не будет, даже дитя родить успеют, своего.

А он всё злится. Сначала мы жили вместе, домик Богдан сам строил и печь ставил, и заводь делал, всё как я говорила. А потом я его отпустила, когда он своё горе пережил и прошлое отпустил. Так он в город подался и егерем устроился. У него даже женщина была. Только любви, когда нет и жизни нет. Детей они не нажили, и она ушла. А Богдан и не держал. Зачем, если не любишь.

Меня он навещал и по хозяйству помогал. В последний раз, когда пришёл, я ему о тебе и напомнила. Что спасёт он волчонка, а с ним и свою жизнь и любовь вернёт. Тогда он снова разозлился и ушёл не попрощавшись, а я травки варить стала, к нашей встречи готовиться. Богдан упрямый, даром что волк, упрётся словно осёл и не сдвинешь.

Он мне верит, во всём кроме того, что его лично касается, не верит он, что Ксюшка моя, любит его и всегда любила. Что у неё выбора другого не было. Просто так бывает, любишь одного, а выбираешь другого. Вот он и злится. А когда тебя увидел и от смерти увёл, ко мне привёз, только ещё сильнее злится начал. Он хочет верить, но боится, да и привык не верить. Вот теперь мы и едем вместе по одному пути и к одной цели. Ты к семье рвёшься, я семье, к дочке и внуки у меня есть, а он... Упёртый зараза.

К сумеркам разбудили Михалыча, поужинали и он снова

сел за руль. Старуха дала мне ещё какую-то мазь приказав намазаться всюду и спать. Так и сделал, и спал словно младенец, без снов, до самого утра.

...

Утро застало всё так же в дороге. Вокруг лес, под колёсами уазика грунтовая дорога. Сосредоточенный водитель и спящая старуха.

– Доброе утро.

– О, волчонок, проснулся. Сейчас будет речка, на её берегу устроим привал. Там воды наберём и обмоемся. Тебе после мази это надо. А потом ты за руль, а я спать. До ночи надо доехать до места ночлега. Сегодня будем спать под крышей.

– Хорошо. Михалыч, а расскажи о себе.

– Хм, любопытный, словно лис. Что ты хочешь знать? Неужели старая не всё рассказала?

– Знаешь, я тут подумал, а я даже не знаю, как её зовут.

– Матрона.

– Она рассказала свою историю, а ты расскажи сою, если хочешь, я не настаиваю.

– Не дурак, хоть и молод. Это хорошо. – Мы помолчали, я уже и не ожидал услышать откровения, но Михалыч заговорил. Не громко и не спеша. – Я уже и не помню дом. Помню только жгучую брюнетку с яркими ореховыми глазами. Она на три года младше меня. Но именно она всегда втягивала меня и остальных в неприятности. Сначала я оберегал и заботился о ней как о более слабой и беззащитной, не замечая,

как моё сердце замирает от её взгляда, как дыхание прерывается от её слова. А когда осознал было уже поздно, я целиком и полностью был в её власти. Ей было лет пятнадцать в первое её обращение. Я ушёл со стаей в гон, мой волк пел свою песню...

Он снова ненадолго замолчал, на лице появилось новое для меня выражение, мечтательное.

– Но я не звал, я словно изливал душу в печали даже не надеясь, что она обратит на меня внимание. А она обратила, точнее обратилась и примчалась ко мне волчонком. Скакала и резвилась, рычала на каждую приближавшуюся ко мне самку. Укусила меня. Обернуться назад ей помогла Матрона. С того гона я стал ухаживать за ней. Наши родители сговорились о свадьбе.

А через два года, весной, к нам пришла стая диких. Вожак умер. Матрона его жена, сума сходила от боли. Тогда и случилось всё. Матрона обернулась не возвращалась с леса. За ней ходили, но она путала следы у ходила от преследователей. Дочь потеряла отца и теряла мать. Нашу свадьбу отложили. Этим воспользовался молодой вожак.

Я думал он мне друг, считал его братом. Родные у меня сестры, аж трое. А он был влюблён в мою девочку. Он объявил её свободной самкой без метки. Я не ставил, в первое обращение она была ещё ребёнком, а потом не думал об этом. Во время гона меня задержал его старший брат и отец, он успел поставить метку. Она сопротивлялась, но в пылу

лишь рванула его ухо, он заявил, что это ответная метка. Я ушёл за Матроной. Месяц шёл по её следу и нашёл.

Она сама обернулась и обманом увела меня в эти места. А потом рассказала сказку, пересказывать не буду, Матрона тебе всё то надо уже сказала. Да только до меня дошли слухи, пока я искал Матрону, её дочь и моя возлюбленная уж стала женой вожака. Так что возвращаться было не к кому. Вот и остался, егерем устроился. А тут ты.

– А если Матрона права? Если твоя любимая не имела другого выбора, если любит и всегда любила. Как поступишь?

– Нет, ты ещё молод и глуп, поспешил я с выводами... Кто ж, любя одного за другого замуж выходит? Ему детей рожает?

– Прости Михалыч, но тут ты дурак. Я вот так же рассуждал и таких глупостей наворотил. Думал подруга детства, не глупая волчица, посоветует, как женщина. А она решила моей женой стать и с парой меня разлучить. И главное, я же даже не замечал. А моя Леночка с ревности прогнала меня, запретила на её землях находиться. Даже во снах волка гнала.

Мне, когда всё по полочкам разложили, я чуть сума не сошёл, какой дурак был. Дальше своего обиженного носа не видел. Не видел её правду, её боль. А когда мне сёстры, у меня их три, с невесткой и даже с мелкой племянницей своё мнение высказали, женское... А потом ещё и мама за уши потрепала... Знаешь, я, как и ты, обиделся, как же отверну-

ли, прогнали.

А потом, потом многое понял. Понял главное, надо будет отойти – я отойду. Подожду. Промолчу. Позовут приду, потому что люблю. Прогонят, вновь буду ждать и любить. И не важно сколько ждать, главное, чтобы позвали. Главное, что я люблю и без неё не могу и не хочу, поэтому буду ждать и продолжать любить. Просто не сбегу и не предам.

На речке мне выделили кусок мыла на травах и пока я мылся сварили похлёбку. Поели быстро и поехали дальше. Я за рулём, Матрона указывала дорогу, а Михалыч на моем месте – спал. Всю дорогу Матрона словно прислушивалась к чему-то. К охотничьему дому подъехали уже в темноте. Матрона, читая что-то себе под нос рассыпала травы по кругу дома и только тогда улыбнулась. Дом был сухой, но запылённый. Вещи особо не разбирали. Растопили печку. Михалыч ушёл в лес и вернулся с дичью. Сварили бульон и разлили по глиняным кувшинам. Нажарили мясо в дорогу. Заварили травы.

– Через леса нам ещё дня два ехать. По дороги за пол дня управимся.

– Ой не знаю, правильной дороги не вижу. И там, и там беда. В лесах нас поджидают и на дороге хорошего нет. Вот совсем не знаю. Словно не надо нам сейчас ехать туда.

– Так может надо в другое место? – Вставил своё мнение я в не совсем понятный мне разговор Матроны и Михалыча.

– А куда ж надо? Я путь к стражам смотрела, так они ещё

пока грязные и дороги контролируют. К твоему дому смотрела, лесами, так там смерть на пути, врага уже нет, но есть тот, кто всё потерял из-за этого и, кто его любил. А ты слаб ещё, с волком своим в раздоре. И к дочери моей путь тот же, что и в твой дом.

– Так посмотри не в мой дом. К сестре в Зеленогорск. Или к моей паре. Я не знаю где она сейчас, в Москве или у себя на хуторе.

– Нельзя, ни к кому кто кровью с нами связан нельзя. С твоей парой рядом мой внук, я чувствую на пути к ним нас ждёт смерть. К сестре... мы живы останемся, а она ребёночка скинет и возможно сама не выживет.

– Ясно. Тогда посмотри вот что. Есть у меня старый друг. Обычный человек. Он у меня учителем был. Дети его выгнали и квартиру в Москве себе забрали. Я ему купил в Королёве квартиру и домик рядом с лесом. Оформил всё на свой спортклуб, чтобы детки снова человека не выгнали на улицу. Он в Королёве за моими залами присматривает и детей с улиц ко мне приводит. Обо мне он знает не всё, но и о нём мало кто знает. Если к нему?

– Как же мне его увидеть, кровью никто из нас с ним не связан, да и простой он человек.

– А ты не на него смотри, а на дорогу мою, нашу, если решим к нему ехать. Или так нельзя?

Матрона поковырялась в своих котомках в машине. Вернулась с пучком трав и мешочком с разноцветными камуш-

ками.

– Я сейчас наш путь смотреть буду без привязки к человеку. Это разомкнёт защитный круг вокруг дома. Поэтому собирайте всё в машину и как скажу сразу в дорогу отправимся. Чует моё сердце беду. Не знаю почему, но нам на месте сидеть не стоит.

Мы с Михалычем закутали заготовленную еду в машине разложили всё. Матрона ещё не закончила. Мы тихо присели рядом с ней. Она палила травы и раскидывала на белоснежной расшитой салфетки цветные камушки, шепча и приговаривая над ними. Каждый раз кидая их она хмурилась. Собирала, растирала в ладошках, шептала и снова кидала. Потом резко повернулась к нам, выудила здоровую иглу и кивнула, подзывая нас. Уколола мой палец, капнула на камни и пошептав раскинула. Серьёзно рассматривая их ухмыльнулась. Достала кусок чистой белой тряпки, ссыпала камни и протёрла их. Уколола палец Михалыча и проделала тот же фокус с камнями. Снова ухмыльнулась.

– Прав волчонок, идти надо к человеку не способному оборачиваться. Тому, кто считает себя ему обязанным и при этом благодарен, и верен. И путь этот рядом с его домом проходит. Идти всем вместе надо. Только в дом, не в квартиру.

И так странно на меня при этом Матрона посмотрела, так внимательно, словно в душу заглядывая.

– Что ж, – прервал гляделки Михалыч, – если возьмём севернее и сделаем крюк, то завтра к вечеру доберёмся до

Королёва. Поехали.

Матрона рассыпала травки по дому и вокруг, и мы уехали из охотничьего дома, не оставшись на ночлег. Ехали без перерыва с короткими остановками по нужде. И как обещал Михалыч, к следующему вечеру мы были в Королёве. Я пересел за руль нашего УАЗа и проскочил через город к дачному району к тому самому домику. Этот домик был тайной, даже от семьи.

Только мой бывший учитель, ради которого я его и купил. Когда встретил его с протянутой рукой на улице, у меня словно что-то разорвалось внутри. Он всегда ы учителем от бога. Его уроки всегда были интересны, для всех и он верил в каждого. Его любили и уважали. И вот так закончить свою жизнь... Я усадил его к себе в машину и просто потребовал всё рассказать.

Мы ехали в Королёва, я как раз выкупал зал под свой клуб, когда его встретил на перекрёстке. Он молчал. Я завершил сделку и отвёз его в магазин. Купил одежду и накормил. Тогда он и доверился мне. Из Королёва я уезжал один. Я просто купил газету и нашёл объявления о продаже недвижимости. Из всех, кого обзвонили владельцем, а не агентством был только продавец этого домика. Дачный кооператив, мы оформили договор на аванс в тот же вечер и своего учителя я оставил там. Потом привёз бригаду и сделал там ремонт. И уже позже нашёл нормальную квартиру и выкупил её.

Мой учитель, Михаил Иосифович, принимать в дар иму-

щество отказался, он боялся, что дети вновь отберут собственность и выгонят. Они и пытались, когда я перевёл его пенсию на новый адрес и прописал его там. Только все их попытки встретил Петя, довольно жёстко объяснил им направление обратного пути и потом уже с юристами оформил запрет им навещать старика.

Возвращать свою квартиру Михаил Иосифович не захотел, как и общаться с детьми. Зато моё предложение вытягивать молодёжь с улиц и приучать к спорту воспринял на ура. Я ему потом ещё и лабораторию организовал в одном из помещений клуба, он стал заниматься с детьми физикой и математикой, хоть и не учитель в школе, а при любимом деле.

И вот сейчас я врываюсь в дом со всеми неприятностями, которые шагают за мной по пятам и очень не хочу этим подставить старика. В доме никого не было. Мы открыли дверь запасным ключом спрятанном в колокольчике над дверью. Я включил свет и обогрел воды. Через час из душа вышла Матрона. Машину мы с Михалычем частично разгрузили и спрятали, набросив тэн, снятый с лодки. Ещё через час мы все, уже чистые накрывали на стол. К столу пришёл и Михаил Иосифович, с ружьём и полный решимости.

Часть 19. Тише, души на крыше медленно дышат перед прыжком.

Слышу, все Твои мысли, то, что нам близко, всё кувырком.

Как проще сказать, не растерять, не разорвать,

Мы здесь на века,
словно река, словно слова молитвы.
Всё, кроме любви, вся наша жизнь так далеко.
Я, я – не один, но без Тебя просто никто.
Пепел, лёгок и светел, я не заметил,
как время прошло.
Чары, силу теряют и превращают жемчуг в стекло.
Как пусто в душе
без миражей, без волшебства.
Мы здесь лишь на миг,
пусть он звучит, словно слова молитвы.
Всё, кроме любви, вся наша жизнь так далеко.
Я, я – не один, но без Тебя просто никто.
Всё, кроме любви, вся наша жизнь так далеко.
Я, я – не один, но без Тебя просто никто.
Всё, кроме любви, вся наша жизнь так далеко.
Я, я – не один, но без Тебя просто никто...
(автор и исполнитель группа БИ2)

В снятой мною квартире мне жить не разрешили. Туда заселили Ксению с дочерью, Варварой. Девочку привезли к нам стражи. Худая, до истощения худая и болезненно бледная. Девчонка боялась каждого звука, не поднимала глаз от пола. Сначала её поселили с матерью и братом, но потом Дэн попросил помощи.

Мы пригласили к девочке и к её маме психолога, и они по долгу беседовали, помогая вернуться им к жизни. Но всё

решила случайность. Дэн привёл свою маму и сестру в дом Князевых на очередную беседу к психологу, и они как обычно сжались на краю дивана боясь прикоснуться к угощениям. Лиза общалась с доктором, а Света ждала своей очереди. Я сидела напротив с Дэном, Яном и Сеней, мы обсуждали рабочие вопросы. Тётя Катя хлопотала на кухне.

– Знаешь, – заговорила Света, говоря толи Ксении, толи Варваре – я была такой же. Меня и Лизу похитили. На наших глазах убивали и ... Многое мы видели своими глазами. Когда отец с другими из стаи за нами пришли, я тоже боялась. Я до сих пор боюсь, одна не хожу далеко. А потом в нашем доме появилась Лена. Она пережила не меньше и была тогда совсем маленькой, как Лиза. И она тоже боялась, но всё равно боролась. Думаю, когда твоего брата и её взяли в плен, она тоже боялась. Но опять боролась, не сдаваясь страху. А потом ... Я устала быть в плену страха и решила попробовать, как Лена, бороться и стало легче. И Лиза тоже решила бороться, а она меньше тебя.

В этот момент из кабинета где психолог работала с Лизой вылетела сама Лиза, визжа от счастья. Она кинулась на Ксению с Варварой и со всей детской силы сжала их в объятьях.

– Доктор тётя Галя, сказала, что, когда я вырасту, я смогу стать кем захочу и даже как она, помогать не бояться. – Девочка чмокнула не понимающих мать с дочкой в щёки и со счастливой улыбкой продолжила. – А я решила не ждать! Я сейчас буду помогать.

Лиза ловко прыгнула с их рук и умчалась к себе на второй этаж. Что-то с грохотом упало, а потом ребёнок вернулся. В руках были белые листы бумаги, карандаши, фломастеры и краски с кисточками. Всё не очень умещалось в маленьких ручках и рассыпалось по ступенькам. Галина Викторовна позвала к себе Свету, а мы имели возможность наблюдать активность ребёнка дальше.

Она усадила Ксению и Варвару на ковёр, раздала листы собрала в кучу карандаши, фломастеры и кисти и принялась рисовать сама и заставлять рисовать и их. Через пол часа Лиза и Варвара уже во всю рисовали свои страхи и перебивая друг друга рассказывали о них. Ксения сидела молча с мокрыми глазами от не пролитых слёз.

Она уже по-другому смотрела на семью которая сейчас изо всех сил старалась улыбаться, она видела, что их боль не меньше её. С того дня девчонки рисовали свои страхи, а потом пририсовывали им решётки и камеры. Играли во дворе в салки и в доме с куклами. Ксения стала улыбаться. А Варвара во всю делилась всем со своей подругой и их не смущала разница в возрасте. Их объединяла боль и страх, и стремление всё забыть.

Совет моей стаи вернулся домой. Многие вернулись. Со мной остались лишь Дэн, Сеня и Ян. Остальные, в том числе и новые члены стаи, вернулись обживать и восстанавливать наши владения. Князев выделил грамотных специалистов для этого в помощь мне.

А меня разместили в квартире Сергея. Я долго стояла на пороге не желая возвращаться в воспоминания, туда где я была со своим волком, где мы были едины. Я не получила метки вдовы и его родные чувствовали, что он ещё жив. Но где он и что с ним мы не знали. Его волк не приходил ко мне во снах, не отзывался за зов своей пары.

Два совета совместно пытались связаться с ним пару недель подряд. Днями и ночами объединялись силы совета в единую нить и кидали зов своему собрату. Но получилось лишь однажды. Только в самом начале мы услышали едва уловимый голос, и тётя Катя усилила зов кровной связью. Она слегла после этого на неделю с истощением.

Но зато мы знали, он жив и борется. Он дал нам вводную информацию о своём месте и наша стая, и стражи перевернули все леса и пролески, все окраины деревень и дачных поселений, но результата не было. Не считать же результатом то, что мы нашли на заброшенной воинской части блиндаж где были остатки его запаха и запаха Буровой. Там были запахи людей, не знакомых людей. Но и они ничего не смогли нам дать для поиска Сергея.

«Да, наняли люди на джипе достать и привезти к окраине города человека из ямы. Сказали, что сам залез туда и хотел наколоться и сдохнуть. Вот сейчас хотят вернуть и вылечить.»

Мужики поверили и помогли, не за просто так конечно.

«Номера машин не запомнили. Внедорожники чёрные, два

штуки. Двое людей во всём чёрном, они командовали, пару амбалов с ними. Лица, как лица ни шрамов, ни чего-то запоминающегося. Только один улыбался, а второй нервничал и психовал. Что-то об идиотах говорил и глупости молодых.»

Я вернулась к своей работе. Помогал мне Петя, как и раньше. А позже ко мне по соседству подселили Сеню и Яна. Я с Николаем Фёдоровичем по выходным оборачивалась и училась контролировать и чувствовать свою волчицу, белую красавицу с серыми ушками и серым пятном на лбу тянущемся словно стекающаяся капелька к носу.

Жизнь не налаживалась, тоска точила изнутри, боль сжимала в стальные тиски сердце. Мне не хватало его. Я чувствовала себя паршиво и с каждым днём понимала, без него я никто. Лишь тень. Я буду жить, буду работать, буду делать всё для своей стаи. Но меня без него нет.

И никто его не заменит. Все эти взгляды сочувствия в мой адрес только ещё больше сдавливали болью и отчаяньем сердце. Оборачиваясь я всё время его звала, моя волчица завывала и страдала только ещё больше разрывая мне душу. Мы были едины только в одном, нашей тоске и боли.

Я выходила из здания суда. Петя шёл за мной следом с бумагами по делу. Я шла погружённая в свои мысли, полностью думая о деле. Неприметный, обычный старичок подошёл ко мне и схватив за руку громко заговорил.

– Дочка, помоги старику. Мне нужен адвокат, а не шарлатан. А о тебе по телевизору говорили, много. Помоги стари-

ку. Прошу. Не откажи. – Старичок громко завывал срывающимся голосом. – Мне особо заплатить не чем, но если ты не поможешь, то никому дела до старика не будет.

В секунду рядом оказался Петя, перехватил старика отесняя его от меня. Старик был скромно одет. В очках и широкополой шляпе. Морщинки складывались в доброе лицо. А в глазах его горел огонь полный жизни. Он словно не помощи просил, а предлагал её.

– Петя, подожди. Что у вас?

– Так дети у меня. На улицу выгнали, квартиру отобрали, гараж продали, даже дачку мою и ту отобрали и уже продают. А мне куда? Они говорят на кладбище. А я не знающи и не думавши, что так оно всё выйдет, всё на них оформил, а они вот как со мной. Помоги, дочка.

– А сейчас вы где живёте?

– Так друг приютил, мы с ним служили вместе, вот по старой дружбе и приютил. Только у него квартирка двухкомнатная, и там он да дочка с мужем. Они уже на меня фырчат.

– Ясно. А паспорт у вас есть? И документы на жильё, любые.

– Только паспорт есть, да пенсионное. Остальное всё в квартире осталось, когда деточки мои замки сменили и меня выгнали. Я же тогда на даче был, думал летом там поживу, урожай соберу и вернусь. А вернутся не смог. Я назад, а через месяц баба пришла, скандальная, говорит ей хозяйева поручили мою дачку продать и выгнала меня, с участковым

вместе.

– Я уже давно такими делами не занимаюсь. На уголовные перешла...

– Что ж и не поможешь старику?

– Ладно, Петь, давай на офис, и вы с нами давайте. Там разберёмся.

Нет, старичок меня не разжалобил, вот не видела я в его глазах отчаянья. Не было в его глазах и боли предательства родными людьми. Но что-то словно тянуло меня к нему. Его запах привлекал и манил. Его взгляд словно обещал мне помочь.

– Что Волкова, ты теперь бесплатно работаешь?

Говорил знакомый голос, но вот в голове никак не складывался голос с владельцем. Я обернулась лицом к зданию суда. Ну конечно, Лебедев. Учился на год старше, проныра и заучка. Вечно бегал хвостом за мажорчиками и доставал меня.

– Лебедев, я работаю на совесть, поэтому моё имя даёт право мне самой выбирать клиентов. А ты перед кем пресмыкаешься сегодня?

Рядом стояла накрахмаленная парочка со взглядом богов на простых смертных, или грязь под ногами, и взгляд этот был направлен на меня. Петя подошёл ближе ко мне, настолько, что я чувствовала его дыхание на своей макушке.

– Та самая Волкова, которая вытянула Князева и объединилась с ним? – Пренебрежительно пропела дамочка с пол-

ными бёдрами и надутыми всеми местами, которые только можно надуть увеличивая.

– Елена Макаровна это Кабановы некоторые наши компании конкурируют.

Лебедев не знал, что сейчас происходит, но я поняла, это оборотни, но не волки и даже не хищники. Только об этом я не догадывалась.

– Да какие конкуренты, вы нам и в подмётки не годитесь...

Мужчина рядом с дамочкой, круглый, не высокий, со складками на шее и узкими заплывшими глазками повысил голос повизгивая и привлекая лишнее внимание к нам. Я чуть отпустила свою силу, слегка дав волю своему зверю, как учил Князев, так чтобы все чувствовали опасность, исходящую от хищника, от меня.

– Не стоит так отзываться о конкурентах – я говорила с лёгкой угрозой и едва заметным рыком – можно обратить излишнее внимание на себя.

Мужчина пошёл пятнами, не ровными красными пятнами по всему лицу. Он не хищник, он добыча и сейчас посмел огрызаться на хищника сильнее его. Я чувствовала запах страха и пота исходящий от него, мускусный, тяжёлый запах.

....

– Петь, дай мою визитку господину Кабанову, думаю ему есть за что извиниться. И лучше это не затягивать, а то оби-жусь в серьёз...

Мужчина истошал не поддельный ужас, рвано дышал и принял визитку дрожащей рукой. Его спутница потупила глаза в пол и тоже пахла страхом. А я развернулась уходя.

– И не надейся Волкова – это мои клиенты! – Выкрикнул Лебедев с презрением и долькой торжества того самого, которое он обычно испытывал по отношению ко мне в институте обтираясь рядом с мажорами. – Тебе до такого ещё расти и расти.

Я остановилась. Устала от таких слизняков. Я всегда была в компаниях или своим парнем, или объектом для шуток. И в институте этот парень частенько задевал меня, порой доводя до слёз. Только теперь я не запуганная девочка с кошмарами из детства. Я и есть оживший кошмар, страшный хищник. И не ему меня пугать.

– Лебедев, я хищник и моя задача охота, а не защита своего обеда. Поэтому я даю шанс твоим клиентам извиниться официально, только один шанс. – Эти слова были не для моего знакомого по институту, а для его клиентам. А вот дальше я говорила лично ему. – Но ты свой шанс упустил. Я буду брать каждое дело, даже в ущерб себе и без оплаты, каждое связанное с тобой и разносить его в прах, пока твоя репутация не станет руинами и позором для тебя. Я буду помогать государственным обвинителям на добровольных началах, но добьюсь своего. Каждый нанимая тебя будет знать, что получает меня в противовес. Помни об этом.

Я развернулась и словно девчонка довольная произведён-

ным эффектом на всех, кто нас окружал и слышал, вприпрыжку поскакала к машине улыбаясь. Всегда хотела дать отпор своим обидчикам, но вместо отпора обычно замыкалась или вообще позорно сбегала пряча слёзы. У машины нас ждал старичок с которым мы говорили раньше.

– Простите, я не узнала, как вас зовут?

Я спрашивала садясь на переднее сидение предварительно открыв заднюю дверцу машины старичку. Он ловко залез в салон. Я села на своё место, и Петя положив документы в багажник сел за руль заводя машину.

– Зовут меня, дочка, Михаил Иосифович, я был учителем у твоего э-э-э, жениха.

Я тяжело сглотнула и на меня снова навалилась вся тоска и боль от которой получалось отгородиться работой. А ещё злость, что надо старику и знает ли он о том, что Сергей пропал.

– То, что я тебе рассказал правда, только помощь мне не особо нужна. Серёжа мне уже помог, давно уже. Он купил квартиру в Королёве и дачку, я там и живу, с детьми занимаюсь. А тут на днях у меня гости появились. А и просили передать, что и вас ждут на чай. Только говорят за вами следят, потому что хвост пощипали вы знатно, а вот голову не отрубили. И гости мои не могут пробиться к вам. На всех подъездах да тропках встречают. Вот меня и отправили к вам. Тем более гостям моим не здоровиться.

Он говорил, и я слышала каждое слово, они набатом от-

бивались во мне. Меня прижало к сидению.

– Ещё меня просили прикрыться делом. Так оно есть. У моего товарища квартиру мошенники отобрали и на улицу выгнали. Вот тут бумаги. – Что зашуршало у меня за спиной, но мне было плевать, я думала только о том, что в мою жизнь возвращается надежда, что моё сердце сейчас выпрыгнет из меня, а душа разорвётся на сотни маленьких частиц. Мне сунули в руки сложенную вдвое бумажную папку. Я машинально взяла её и раскрыла. Уставилась не видящим взглядом и заметила мокрые пятна. Не сразу поняла, что это мои слёзы.

Я к нему приехал, думал остановиться пока к тебе подберусь, а у него вот такая беда. Так что может поможешь, всё доброе дело. А я его к себе заберу, чем не повод адвокату приехать ко мне, чайку с гостями моими попить, с клиентом поговорить?

На офисе нас ждал Дэн с матерью. Ксенью мы оформили секретарём, а Дэн с Яном и Семёном были охраной и дежурили по очереди. Он увидел меня и из беззаботного мальчишки вмиг превратился в серьёзного и внимательного мужчину. Ксения почувствовала изменения. Я отдала ей папку.

– Зарегистрируйте наше новое дело. Поручите всё разузнать по нему. – Я уже шла в свой кабинет, когда вспомнила ситуацию у суда. Остановилась и с кровожадным предвкушением проговорила вымещая всю свою злость. – И узнайте по адвокату Лебедеву Александру Николаевичу всё, что

сможете. И главное, узнайте все его дела, мы будем участвовать в каждом в качестве его противника. Оплата услуг не обязательна. И это срочно.

Уже в моём кабинете я выдохнула. Рано расслабляться, но почему-то видя Михаила Иосифовича мне легче дышится.

– Лена, – заговорил Петя, кто бы знал, чего мне стоило убедить его говорить мне ты и по имени при своих. – думаю другу Михаила Иосифовича надо помочь, купить одежду, еду и отвезти к другу.

Я машинально согласно мотнула головой не сводя глаз со старичка. Он тоже внимательно меня разглядывал.

– Наша служба безопасности сегодня соберёт всю информацию по той фирме, что его одурачила. А завтра ты съездишь в гости к Михаилу Иосифовичу и пообщаешься с клиентом лично.

Завтра? Как завтра?

– А сегодня... – Мой голос звучал жалко. Перебил меня Дэн.

– А сегодня ты навещаешь одного своего клиента в СИЗО. А потом должна сообщить всем о ... своём решении преследовать какого-то Лебедева.

Я видела по лицу Дэна, что причину он придумал и намекал на разговор совсем о другом. Что за игры в недомолвки... Или не игры? Нас что, как в иностранных фильмах сейчас прослушивают? Видимо всё о чём я думала было написано на моём лице, потому что мне утвердительно кивнули

не говоря об этом больше ничего.

– Простите Михаил Иосифович, сегодня не могу пообщаться с вашим другом, работа. Давайте мы приедем завтра, как раз соберём нужную информацию. А пока мои ребята его оденут, обуют и накормят, а потом отвезут вас куда вы скажите. За деньги не беспокойтесь.

Весь остальной день прошёл словно в тумане. Я делала всё что должна, но мысленно была там, где сейчас поселилась моя надежда. А вечером состоялся семейный совет в расширенном составе. Владимир Григорьевич собрал целую коробку не знакомых мне устройств в разобранном виде. Подслушивающих и пишущих устройств.

К нам присоединился Гришин и он сообщил, что в суде и рабочих кабинетах и машинах стражей было собранно порядком больше. И что все, у кого не было найдено ничего подобного взяты под стражу. Сеня и Петя присоединились позже сообщая что в личных домах оборотней и тут и у меня дома, на хуторе, тоже найдены чужие устройства прослушки.

Не уже ли мы ещё не покончили с Фонбериным, не уже ли всё ещё не закончилось. И где теперь затаился враг, кто он. Из всего меня радовало только одно, Ян, отвозивший старичка и его друга в Королёв подтвердили, что Сергей жив. Он был истощён и наркотики которыми его пичкали ещё не покинули до конца организм, но он жив. Услышав это я позорно разрыдалась.

А мир не так и прост.

На следующий день в моём офисе сидела Ксения, рядом Петя и Владимир Григорьевич.

– Так что, мы не единственные оборотни?

– А почему ты этого не знаешь? – Не смело поинтересовалась Ксения.

– Да я о том, что сама оборотень узнала совсем недавно, вот когда за дело Князева взялась и его сынком столкнулась. Вот честно, я сума сейчас сойду!

Ксения смотрела на меня с неподдельным ужасом.

– Ксения, потом пообщаетесь. – Владимир Григорьевич успокаивающе похлопал её по ладошке. – Как-то мы это упустили из вида. Леночка, да мы не единственные. Есть медведи, но они живут в закрытых общинах вдали от городов. Есть лисы, они не живут стаями, но придерживаются родственных связей. Ещё есть кошачьи, тигры, рыси, пумы, но они одиночки и живут вместе только парами. Есть ещё вепри, они крупнее кабанов. Живут не стаями, а стадом и у них во главе всегда самки. Ещё есть оборотни ящерицы и эти тоже одиночки. Но суд стай един для всех. Как и закон.

– А Кабановы вчера...

– Да, ты вчера имела честь видеть старшую дочь главной самки вепрей европейского континента и её мужа. Дамочка глупа и до ужаса, всем заправляет её муж. И то, что ты вчера им сказала, по сути это... Как у нас вызов. Твоя угроза звучала с намёком.

– Мне кажется я всё правильно сделала. Я не знаю, как вам объяснить, но я нутром чувствую, что я права.

– Ну, твоё нутро право ещё в том, что фирма, обирающая обманом стариков лишая их крыши над головой, принадлежит им. И вчера у них было заседание суда и жертва тоже пожилой человек из соседнего двора нашего клиента.

– Пора найти всех жертв и объединить иск. Группой это уже крупное мошенничество.

– Мы тоже так подумали, поэтому уже нашли все иски, в том числе уже рассмотренные и все проигранные пострадавшими стариками. Так же все заявления в органы и ребята сейчас ищут все договора якобы добровольной передачи своего жилья пожилыми и одинокими людьми. По критерию передача организации и не родственникам. Дело будет громким, очень. Со вчерашним стариком мы уже связались и его представлять будешь ты. От одиночного иска он уже отказался. У нас закончилось строительство общежития за городом, всех жертв без крыши над головой мы размещаем там.

– Лена, – серьёзно проговорил Петя, – это дело по сути объявление войны им. Поэтому с сегодняшнего дня ты всегда под охраной, даже рядом со мной. Тебе легче рядом со своими братьями, поэтому мы решили, что один из них всегда будет рядом с тобой. И ещё, к нам обратились лисы. У одной семьи проблемы, и они просят помощи.

– И почему ты говоришь это так... словно это не правильно.

– Потому что лисы не влезают в власть. Они среди людей артисты, балагуры, сказочники, часто работают с детьми. А тут одна семья обосновалась в Подмосковье, и глава семьи баллотировался. Он проиграл и по его словам теперь его семью травят. Всё это странно. И обратился он не к Князеву, это его территория, а к тебе, как к адвокату. Мы по дороге в Королёв заедим к нему. Прошу, будь осторожна. И не давай обещаний, даже намёков на них. Лис всегда всё выкрутит в свою пользу. Что уж говорить о таком опытном.

Лис с его проблемами жил в Обухово и нам пришлось сделать не малый крюк перед поездкой в Королёв. Лис пригласил нас для беседы в свой кабинет. Перед её началом ребята прошустрии и тоже нашли не приятные сюрпризы. Лис от них был в таком шоковом состоянии, что даже не стал возмущаться нашему самоуправству.

Как выяснилось, он действительно не желал идти ко власти, но обстоятельства вынуждали. Почти все ключевые должности как в администрации, так и в полиции всего округа занимали люди Кабанова из его стада вепрей или их доверенные обычные люди. И вот он вступил в борьбу за место главы, чтобы спасти районный центр детства, на месте которого хотят построить многоэтажку.

Он много чего рассказал и в основном все события были не заметны, но вот последние два с половиной три года всё стало очень активно подминаться под одних лиц. И самих лис уже не раз просили уехать, не в прямую, но всё же.

К стражам он обращался и после этого произошёл несчастный случай с его сыном, он попал под машину. Два плюс два он сложил быстро и не высовывался. Тем более сам Князев был под следствием, а потом и судебным разбирательством. Но вот сейчас он решил обратиться к той, в кого верит.

Слухи разошлись быстро и если о том, что Волкова вытащила Князева из тюрьмы, знали все, то вот о том, что она устроила чистку среди стражей и лично казнила Фонберина, о котором знали все оборотни, не только волки, да и не пошла на сделку под угрозой её паре тереть стало легендой.

И вот лис, глава своего семейства, а все родные, двоюродные, троюродные его и по линии жены это около двухсот оборотней по всей области, хочет дать клятву верности, войти в её стаю, но взамен просит защиту и помощь. Хотя помощь он и так просил. В том числе юридическую. Его фирму по обустройству детских праздников обвиняют в неуплате налогов, от чего он отрекается. А также он тоже желает компенсации от стражей, поскольку считает их причастными к случаю с его сыном.

Я слушала лиса и не знала, как реагировать и что ответить. Я видела его глаза, чувствовала, что он не лжёт и заметила реакцию сопровождавших меня Пети и Дэна на слова лиса о клятве и стае. Я понимала, что сейчас происходит что-то из ряда вон выходящее, но я не знала подробностей мира, в котором родилась, но не росла.

– Как юрист я согласна вести ваше дело и общее и нашего мира. А насчёт принятия вас в стаю, я вожак и в первую очередь думаю о стае. Поэтому я вынесу это решение на совет, от вас надо список вашей семьи, полный и добровольное желание каждого.

После моих слов у лиса словно камень с души упал, он во спрыл и в глазах загорелась надежда. Выходя мы увидели мальчишку в инвалидном кресле, полную копию отца, лиса, попросившего о помощи.

– А это мой сынок, Витечка. Он у меня золотой мальчик, компьютерами увлекается. Даже мультики рисует для деток, развивающие. А до аварии он музыкой занимался, ди-джеем работал.

И с такой гордостью отец говорил о сыне и так нежно смотрел, что я поверила в каждое слово что сказал нам лис.

– Молодец. – Я сглотнула. – Подготовите все бумаги по вопросам, которые вас интересуют, завтра я заеду или пришлю своего поверенного. А сегодня к вам подъедет мой человек, проверит и остальные ваши помещения, и жильё, на сюрпризы.

– Спасибо. – Лис подбежал ко мне и обнял, крепко. Я увидела слёзы в его глазах и чувствовала радость и благодарность в его голосе и эмоциях. Уже в машине я позволила себе спросить ребят.

– Поясните мне всё, подробно.

– Лена, лисы живут семьями до четвёртой линии родства.

И выбирают себе главу семьи. Они не претендуют на земли, живут по соседству с любыми оборотнями. Жена входит в семью. При угрозе, семьи объединяются. Под началом этого лиса объединилось три семьи. И всё это произошло за последние два года. Они боятся и ищут защиту.

– Но даже страх никогда ещё в истории не заставлял лиса давать клятву верности стаи и входить в неё. У них были временные союзы, но никогда они не входили в стаю.

– Да даже семьи свои лисы объединяют временно.

Мы долго молчали, обдумывая всё произошедшее.

– Я верю ему. Поверила ещё до того, как увидела его сына в приёмной.

Дэн позвони Владимиру Григорьевичу пересказав всё услышанное и увиденное. Он отправил к лису человека для проверки жилья и рабочих помещений, и ещё одного для ознакомления с материалами дела.

В Королёв мы приехали в начале четвёртого. Мы ехали на дачу Михаила Иосифовича. На подъезде к нужному дому мы слышали громкую музыку, шум веселье. Моё сердце застучало втрое сильнее. Я готова была выпрыгнуть из салона машины и бежать к нему.

Я боялась и ждала с нетерпением нашей встречи. Мы остановились у не высокого забора с небольшой калиточкой. Во дворе была беседка, сбоку небольшой домик из сруба, видно баня. А за ней выглядывал милый домик с закрытыми шторами. Но это не мешало видеть нам горящий в доме свет и

движущуюся из угла в угол, словно зверь в клетке, тень.

Мы открыли калитку, вошли во двор. Скрипнула входная дверь и мы вошли. Я не успела ничего увидеть или услышать, меня смял в объятьях. И такой знакомы и родной запах окутал меня. Он вжал меня в себя вдыхая мой запах и целуя макушку, я позорно разрыдалась, обвисая в его руках.

А он поднял меня выше стал целовать лицо, нежно и еле касаясь своими губами. Он тёрся щекой о мою. Мы ничего не говорили, мы снова изучали друг друга, касаясь и вдыхая. Прошло не мало времени прежде чем нас прервали, а по-прежнему стояли у порога в невозможности оторваться друг от друга.

– Так. Волчата. Хватит тут тискаться словно котятка. К столу садитесь. – Голос был женский, старческий и совсем мне не знакомый. Я повернулась на голос полная решимости, готовая порвать ту, кто помешал мне. – И не рычи на меня, твоему волчонку силы нужны, ему есть надо, да и тебе не помешает.

Я встретилась с ней глазами, столько силы в них было, столько воли, что волчица во мне заскулила, одновременно подчиняясь и радуясь встречи с это старушкой.

– Простите. – Я говорила уверенно.

– Да чего уж там. Садись к столу, есть будем. А потом и поговорим.

Сергей уселся на стул и потянул меня к себе. Старушка ударила по его рукам ложкой.

– Отпусти девчонку, её кормить не меньше твоего надо. Намилуетесь ещё.

Отпускать меня явно не планировали. Усадили на ближайшую табуретку и придвинули вместе с ней к себе вплотную. Ел Сергей много, очень много от слова слишком. Ели в молчании. Старушка рассматривала меня, с умилением смотрела на Сергея и очень внимательно рассматривала Дэна.

А потом она же завела беседу, ребята помогли убрать со стола, и мы все сидели за чаем с пирожками. Она рассказала о себе и своей стае, о том, как они пострадали от Фонбериных. И о том, как она ушла в лес выбрав свой путь, и он привёл её сюда. И о своём не состоявшемся зяте, Богдане, суровом мужчине, сидящем с нами за столом. О том, как он спас моего любимого и как они приехали сюда.

– Кто вы бабушка? Как так можно выбирать путь и видеть будущее?

– Я, избранница луны. – За столом повисла тишина после слаженного вздоха наполненного удивления и восхищения. Один только Богдан был спокоен и взяв новый пирожок продолжил спокойно жевать.

– Простите, я не так давно в этом мире, в смысле во всём этом реальном, ожившем... Избранница луны это кто?

Она захихикала.

– Ну да, ты же ещё ребёнком была, когда тебя отрезали от части собственного существа. Избранницы луны – это хра-

нительница нашего мира, мира оборотней. Меня, как и судей избрала луна, только не лишила права любить, исполняя свою роль. Я знахарь, лекарь, судья и предсказательница и многое ещё... Я та, кто может принять облик любого животного. Кто слышит лес и всех его обитателей и, кто их понимает, может с ними говорить. Это не в моей крови и моим потомком не передастся, это благословение луны для наших народов. Я та, кто не может наказать или изменить решение кого-то, но я могу выбрать путь, пойдя по которому я приду к наказанию того или иного оборотня и изменению судьбы одного или всех сразу.

Я помолчала. За столом сидели молча все. Богдан ел пирожки и был безразличен к услышанному мною. Ребята, в том числе и Сере смотрели на старушку словно она ангел явившейся им. А я видно не прочувствовала всей ситуации целиком, потому что не знала, как на всё это реагировать и чем мне выльется новое знакомство. Выручил Богдан.

– Не волнуйся девочка, осмыслишь и дальше пойдёшь. Она обычная старушка, просто всегда всё знает, всем всё советует и вкусно варенье варит. А ещё она тебе обязана, жизнью дочки и внуков обязана. Так что, если что пользуйся без зазрения совести.

– Кокой дочкой и внуками?

Я уже вообще ничего не понимала. В голове крутилась только одна мысль, надо сделать справочник по миру оборотней. Где будут описаны все оборотни с их сущностью,

обычаями, все законы и все особые случаи. Типа стражей, отмеченных луной судей, избранной луной и прочим, если есть ещё что-то. А то что есть, я не сомневалась тут что не день – то новости.

– Так вот один внучок сидит, копия дед, вожак нашей стаи. Тот же вечно хмурый вид, серьёзный взгляд и брови взрлёт и цвет глаз. Заметила, как Матрона его весь вечер рассматривала.

Мы с Дэном переглянулись и оба выглядели обескураженно.

– Мама говорила, что я похож на деда. Но она ничего не говорила о том, что бабушка была избранной луной, только что она обезумела и умерла от горя потеряв мужа.

– Угу, как же, умрёт такая, вот обезумела верю.

В Богдана после таких слов полетела ложка от той самой обезумевшей, которую они обсуждали.

– Значит Ксения ваша дочь. А Дэн и Варя внуки. Вы знаете, что с ними было?

– Да. Я всё знаю. И о смерти её первенца, и о лишении рода, – она тяжело вздохнула – всё знаю. Только не могла пойти другим путём. Луна только открывает путь и даёт выбор, а выбор я делаю сама. Но спаси я дочь, то многое пошло бы другим путём и было бы намного больше бед, чем уже пережито.

– Значит то, что я взяла её в свою семью и ваши внуки теперь мне брат и сестра считаются и в нашем мире, и по

документам, вам тоже известно?

– Я же говорю, она тебе обязана.

– Угу. Значит пользоваться. А скажите-ка мне избранная...

– Матрона, зови меня Матрона.

– Хорошо, Матрона. Скажите-ка мне, что мне с лисом делать и со все его семьёй.

– Так я путь только свой выбираю, а тебе самой надо выбор делать. Я могу тебе только рассказать какой куда приведёт.

– Отлично, так даже лучше. Он правду говорит? Предаст ли он или его семья меня и мою стаю?

– Говорит правду, чистейшую. Его натура не моет лгать тому, кого он принял как сильнейшего, как защитника семьи. И ни он ни его семья не предадут. Только если его прирешь, к тебе ещё не один придёт с тем же и не каждый с добром придёт.

– С остальными мы будем разбираться потом, как говорят, по мере поступления. А с вами что? Ни Варю, ни Дэна я не отдам и Ксению тоже. Сами захотят уйти – уйдут, но сама не отдам. Так что с вами?

– А что со мной? Мы с Богданом в стаю пойдём. Он мне с Ксюшкой ещё внучков сделает. – На этих словах подавились сразу и Богдан, и Дэн, подавились и громко закашлялись. – А чего, Ксюшка ещё молодая, Богдана любит, он её всю жизнь ждал и в сердце хранил. Луна таких любит и за их силу и лю-

бовь вознаграждает. А внучок если глаза раскроет и дальше своего носа посмотрит, то тоже кое кого увидит.

Просидели за столом за разговорами мы до самой ночи. Со временем Сергей все же пересадил меня к себе на колени и разговаривал с нами из копны моих волос. И я и волчица млели от его близости, от его запаха, от его прикосновений. Да он исхудал, ещё не сошли круги под глазами. Потускнели волосы и глаза. Но он жив. Он жив и это главное, ведь мы вместе, а остальное мы решим.

Часть 20. ... Я не хочу с тобой давить на тормоза...

В мире нам вряд ли узнать,

Что за последней чертой,

У нас есть время менять

И становиться собой.

В россыпи сказанных фраз

Разум и чувства делю,

И я меняю сейчас слово "нужна" на "люблю".

Из откровенности снов

Сотканы наши часы,

И я готов за любовь

Жизнь положить на весы.

Наша любовь, наша жизнь

Среди разбросанных слов,

Ты моя первая мысль после любого из снов.

Откровенно о сокровенном

Словно нет пути назад.

Я хочу тебе сейчас что-то важное сказать,
О чём я думаю всегда, закрыв глаза,
Я не хочу с тобой давить на тормоза.
Жизнь наша – главный рассказ,
Просто забыть и простить,
И ошибаться сто раз,
Но непременно любить.
И моих слов не отнять
На запотевшем стекле,
Я буду жить для тебя,
Жить для тебя на земле.

Откровенно о сокровенном
Словно нет пути назад.

Я хочу тебе сейчас что-то важное сказать,
О чём я думаю всегда, закрыв глаза,
Я не хочу с тобой давить на тормоза.
(Автор и исполнитель Михаил Бублик)

Мы не хотели расставаться. Моя волчица рычала на каждый оклик. Скулила и плакала в унисон со мной прощаясь со своей парой. Я проплакала и весь путь домой пока не уснула, свернувшись на заднем сиденье положив голову на колени Дэну. Проснулась, когда он положил меня на кровать к Свете.

– А почему мы здесь?

– Я попросила привести тебя ко мне. Я скучаю.

– Света, прости. Я...

– Я понимаю. Поэтому и попросила Петю привезти тебя сюда. Всё равно завтра тут будет собрание, так папа сказал.

– Дэн, а побудь с нами. Свет, давай напьёмся, у вас же есть вино?

– Есть, только я не знаю где.

– А Толик с Таней здесь?

– Сегодня да.

– Зови их, только скажи, что вход только с вином. А мы с Дэном пойдём за закусками.

Через пол часа на ковре перед кроватью у Светы в комнате мы сидели впятером с бокалами вина и ещё парой не початых бутылок, нарезкой сыра, колбасы и фруктами. Сначала мы пили молча. Потом начали делиться историями из детства, из жизни, обходя проблемы и неприятности стороной. И когда Толик пошёл за второй партией алкоголя Света охмелела и осмелела, она обратилась к Дэну.

– А почему ты молчишь? Сидишь тут, слушаешь, смеёшься и молчишь. Так не честно. На утро нам всем должно быть одинаково стыдно. А ты молчишь.

– Света, не стоит. – Попыталась утихомирить охмелевшую девушку я, но алкоголь не знает тормозов. Она подползла к нему на четвереньках. Хватаясь и обрывая рукава рубашки поднялась и села рядом. С победной улыбкой и пыхтя она уткнулась ему пальцем в грудь и заговорила под действием алкоголя.

– Мы тут душу открываем, а ты сидишь и молчишь. И во-

обще, я за тобой наблюдаю давно. Ты всегда такой печально-серьёзный. Ты чего такой? Вот мы с Ленкой ик, плен пережили, почти изнасилование ик, этими, бррррр, фонбеее ик, фонбее, ик, да чтоб их, Фонбериными. – На одном дыхании выговорила Света, и довольная собой победно улыбнулась. – И ничего, ик, улыбайся, ик. А ты чего, ик, бука!

Последнее слово она выкрикнула, попыталась ткнуть пальцем в грудь, потеряла равновесие и боднула его лбом. Таня захихикала и перевернувшись на бок, а потом и на четвереньки поползла к двери прощаясь. Приходил Толик или нет я не знаю. Я стянула с кровати покрывало и закутываясь в него засыпала на полу, не имея сил взобраться на кровать, со счастливой улыбкой на лице.

Он жив! А на задворках между сном и явью я видела, как Дэн поднял Свету, и она обвила его руками обвисая. Как он положил её на постель пытался уйти, отцепляя её руки, а она рыкнула и укусила его за шею опять обвив руками. Дальше я уснула, крепко и сладко.

Утро наступило днём. Я с трудом открыла глаза и увидела рядом с собой Сеню и Яна молча играющих в карты. Попытка поднять голову не преуспела. Тело ломило от сна на жёстком полу. Зато меня заметили и ухмыляясь молча выпутали из покрывала. Подняли на руки и отнесли в другую комнату засунули в одежду, в которой я уснула, в душ и включили воду.

Холодную воду! Думаю, мой визг слышали даже соседи. В

душе я пробыла долго. А потом закутавшись в банный халат огромных размеров спустилась вниз на запахи еды. В таком же полусонном состоянии за столом сидела Таня и Толик. Только последний улыбался, словно и не пил вчера с нами. А вот мы с Таней были с похмельем. Рядом была тётя Катя, она загадочно улыбалась и подшучивала над нами вместе с Яном и Сеней.

Таблетками нас напоили и накормили сытным уже обедом. Так что через час мы чувствовали себя уже людьми. Примерно тогда в комнате сверху раздался крик. Что-то громко упало, что-то разбилось. Рычали там двое и явно не в шутку. Но на моё желание кинуться на помощь меня остановили и пожурили: «милые бранятся только тешутся».

– Какие милые?

– Ну как какие, они вчера метками обменялись и даже обернуться успели и по дому поскакать, выли так, что соседи прибежали.

– Когда?

– Когда ты их сон на коврике у кровати охраняла.

Стыдно мне было, но только перед тётей Катей. Так что на замечание Сени я шикнула, требуя подробностей в то время, как сверху всё рычало, стучало и разбивалось. Только вот тётя Катя при этом загадочно и счастливо улыбалась. Ещё через час всё затихло и на кухне собрался совет стаи. С моим связались по скайпу. Обсуждали просьбу лиса.

Совещались не долго, сразу после рассказа о Матроне все

согласились. Потом обсуждали ситуацию со стадом вепрей. А в конце меня огорошила бабуля, что у них гостит парочка молодожёнов, рыси и они хотят войти в стаю к Волковой. Князев поручил проверить их доверенному лицу на месте. Позже к нам приехал Гришин. С ним мы обсудили вопрос с лисом, точнее его сыном, и он обещал к вечеру выдать результат.

Дальше я работала с документами. Многие не любят эту монотонную работу, но ни я. Мне нравилось искать и находить в бумагах то, что не могут другие. Нравилось видеть больше и глубже других. И нравилось потом в суде указывать на свои находки. Вот и сейчас я монотонно работала с бумагами, не замечая никого и ничего вокруг.

Меня грубо пихнули в плечо и подняли подбородок вверх отрывая от бумаг. Я хотела возмутиться, но увидев то, на что обращали моё внимание передумала. По ступенькам со второго этажа спускался Дэн в одних трусах. Весь расцарапанный и покусанный, на его плече барахталась и мычала Света. Она была в таком же халате, как и я, когда спустилась после душа, только со связанными руками. Дэн подошёл к креслу и бережно опустил Свету в него. Посмотрел на меня, на Князевых и слегка покраснел.

– Мы хотим пожениться. – Говорил он уверенно хотя в глазах был страх и неуверенность. Светка замычала и замотала головой. А у меня в голове раздался голос Князева: «я не против ни как вожак, ни как отец, решай». Решать то мне,

только как решить, чтобы не остаться крайней. Я прокашлялась.

– Дэн, я тебя люблю и не против, вот совсем-совсем. Только за ту, что сама будет согласна. Которая оценит тебя. Ты же не потащишь её в ЗАГС связанной?

– Она тоже согласна. – Он говорил уже без сомнений и с полной уверенностью во взгляде, хотя страх там всё ещё присутствовал. А вот Света, она замычала сильнее мотая отрицательно головой.

– Ну раз согласна, то развязывай, пусть сама обо всём скажет. – Строго сказал Николай Фёдорович. Ослушаться Дэн не решился. Он погрузтел, на глазах скис. Нехотя вынул кляп изо рта Светы и под её возмущённые крики развязал ей руки.

– Псих. Ненормальный. Идиот. Да за тебя замуж – ни то что, за тебя..., за тебя, я, НИКОГДА, слышишь!? НИЧТО-ЖЕСТВО БЕЗРОДНОЕ!

Последние слова словно пощёчина ударила наотмашь. Света злилась и просто банально скатывалась в истерику. Она не знала, что пережил Дэн, как он жил. Не понимала какую боль причинили её неосторожные слова. Он подобрался, расправил плечи и его лицо потеряло все эмоции. Окаменело. Ох, Света, Света.

– Что ж. – Строго проговорила я. – Я рада твоему желанию сочетаться узами брака. В нашей стае много свободных женщин, да и у Князевых их не меньше. Даш зов своим вол-

ком и приведёшь мне ту, которая отзовется. Я буду только рада.

– Как зов? – Стушевалась Света. – Он же меня...

– А ты отказала. Жестоко и безапелляционно в присутствии двух вожаков. Оказала и оскорбила моего брата и мой род. Твой отказ принят и учтён.

Я понимала, что Свету обижают и ранят мои слова, но она не думала, причиняя боль другому, моему брату. И я не собираюсь жалеть её. Хватит. До жалелись уже. Не маленькая. Судя по рассказам Яна и Сени ночью, она вела себя иначе, да и сутра они долго ругались и мирились, всё выяснили.

Так зачем сейчас не просто отказывать, а унижать другого, причинять ему боль. Она вскочила с места и убежала плача. Мы снова занялись делами, каждый своими. Дэн был рядом, ни словом, ни жестом, ни взглядом, не выдавая своих истинных эмоций. А они бушевали. Я чувствовала его эмоции словно жар и холод одновременно. На ночь я уехала на квартиру.

Утром мне сообщили, что страж принимавший жалобу лиса молод и только принял жалобу, а передал её стражу Ивану Кирпичёву. Не так давно казнённому. Он лично выезжал на место и по отчёту ничего подозрительного не обнаружил. Гришин определил компенсацию семье лиса.

После обеда я приняла клятву лиса и его семьи, передала им компенсацию, точнее ключ к счёту с компенсаций от стражей и рассказала кто виновен и что он уже казнён. Мы

оба понимали, что он лишь исполнитель. Но и этого хватило, что бы мальчишка в инвалидном кресле весело и задорно рассмеялся до слёз был крепко сжат в объятьях плачущих родителей. А потом я приняла его с семьёй свою стаю.

...

А дальше всё снова закрутилось.

Я не вылезала с судебных заседаний, на ходу изучала материалы дел. Меня нещадно эксплуатировали все оппоненты Лебедева стоило только узнать о нашем противостоянии. Мой уютный офис просто не помещал всех помощников и посетителей. Рядом сняли ещё помещение.

Кроме этого велись дела лиса и Кабанова. Мой график стал настолько плотным, что я даже забывала узнать у Князева, когда мой Сергей вернётся официально в мир живых. Я просто сбегала вечерами с кем-то из мальчишек, чаще с Дэном, и мы мчались в Королёв, и я была счастлива до утра.

Развязка настигла меня внезапно. Очередное заседание суда и уже новый адвокат Кабанова рекомендует клиенту мировое соглашение. Он недовольно поджимает губы и молча уходит. А потом появляется у меня в офисе. Его охрана остаётся на пороге. А он под руку ведёт не знакомую мне женщину.

Она выглядит как дама средних лет, ухоженная, высокая, очень похожа на жену Кабанова. Только эта женщина явно умна, расчётлива и опытна и не так молода, как выглядит. Она села, не здороваясь и не дожидаясь приглашения. Чув-

ствовала себя хозяйкой и всем своим видом давала мне это понять.

– Я не приглашала вас. Но раз пришли сами, то не тратьте моё время. Слушаю.

– Молодая, горячая, глупая. Время... Это ты его тратишь. Взялась не за то дело и не за тех людей. Наш мир не прощает подобных ошибок. Я дам тебе второй шанс. Шанс исправить свою ошибку. Ты отказалась однажды от того, кого любишь, предала его ради победы в деле. Не повторяй своей ошибки. Я единственная кто может вернуть тебе его. Отступись. Уезжай на свой хутор и получишь свою пару целого и живого. Не согласишься и получишь его, но уже по частям. Я дам тебе время всё обдумать. А завтра приду за ответом.

Она внимательно наблюдала за моей реакцией. Ей понравилась боль и печаль вспыхнувшая в моих глазах и тоска, растворившаяся в воздухе кабинета. Она не понимала, что это не от её слов, а от воспоминаний о пережитом уже чувстве потери и отсутствия выбора тогда. Она так же не прощаясь ушла, опираясь на руку своего зятя. Шла гордой не торопливой походкой с осанкой человека победителя. В углу за моей спиной неподвижно стоял Сеня, у входа Петя. Они всё видели и слышали.

– Надо сообщить Князеву о визите. Решение принимать тебе, но он должен знать о предложении.

– Хорошо. – Я не говорила, шептала. – Поехали.

Ехали молча. А у Князевых нас уже ждали так сказать во-

енным советом.

– От самки Кабановых пахло... знакомо. Не могу вспомнить чей это запах, не из доверенного круга, но знакомо. – Сеня с мучительным лицом огорошил всех. Он загнанным в клетку зверем ходил из угла в угол погружаясь всё глубже в свои мысли.

Судебные дела решили дожать в срочном порядке и по максимуму. Семье лиса выделить охрану, а детей отправить ко мне на хутор. Туда же отправить беременных и молодых женщин. За детьми нужен присмотр и женщины более беззащитны, особенно молодые и глупые. Когда сообщили о решении лису, то вместо ожидаемых протестов услышали слова благодарности и всхлипы сдерживаемых слёз в трубке телефона. Позже на наш совет приехал Гришин.

– Кто эта тварь, которой от тебя несёт? – Сеня взвыл, хватая за горло ничего не ожидавшего Гришина. – Кто?

– Что с тобой и о чём ты? – Прокашлявшись после того как Сеню оттеснили от Гришина, он заговорил. Уверенно, ровно и не обращая внимания на происшествие.

– Я вспомнил от куда мне знаком этот запах, сейчас, когда почувствовал его на тебе. Им часто пахло от старика из совета стаи Фонберина, когда тот возвращался из одиноких вылазок в город. И от главной самки стада вепрей пахло этим же оборотнем, только иначе. Они любовники, поэтому я не вспомнил запах сразу. Он не чистый... Она к нам пришла почти сразу из его постели.

– Этого не может быть. Это просто невозможно! Он лучший сотник, он вырастил не одно поколение стражей, он мой наставник! – Гришин сорвался, повысив голос, а потом прошептал сам не веря в свои слова, тоном полным обречённого разочарования. – Ты ошибся.

К нему подошёл Владимир Григорьевич, сжал плечо в жесте поддержки. Он смотрел прямо в лицо Гришишу.

– Пойми Володь, я учился под его началом, я стал тем, кем стал по его советам и урокам. Он учил верить всей душой и отдаваться делу целиком. Как он мог... Ты и сам его знаешь хорошо. Старший сотни нашего региона Беляев Герасим Викторович. И знаешь, отрезать его от связей с нашим миром, с его учениками... Ты же понимаешь, это невозможно. А кто ещё с ним нам просто не выяснить. – Гришин взял себя в руки и снова стал стражем без тени сомнений. – Ему верят и доверяют все поколения. Прижать его смогут помеченные луной и только они. Но наших подозрений для этого мало, слишком. Да и кто поверит, что тигр сошёлся с вепрем.

– Нам не поверят, а вот избраннице луны поверят. И у нас такая есть, в моей стае. Матрона, мама Ксении.

Разговор затянулся. Многих из поверенных Кабановых решили взять под контроль, тех кто у власти в разработку. Накрыть надо всех и сразу. Аресты обычные и стражами должны быть произведены одновременно. А до этого нужно рыть носом землю собирая компромат. Все обсуждали план действий, а я думала лишь об одном: «устала».

Вот совсем устала от всех этих проблем и когда они закончатся уже. Предательство стражей, Фонберины, всё, разобрались и решили. Но нет, открываются всё новые и новые действующие лица и нет конца и края предателям. Предателям всего нашего мира. А я просто хочу, как и раньше быть собой, адвокатом, пробивающим себе путь своими победами собственными силами и знаниями. И хочу, очень хочу быть вместе с Сергеем. И чтобы все эти проблемы закончились и больше не возвращались в наши жизни.

Кабанова старшая приходила на следующий день. Ей вручили пакет испорченной техники для отслеживания и даже не пустили на порог офиса. Да и смысла в её визите не было, я была в это время в аэропорту и провожала чартерным рейсом детей и женщин лиса и многих детей стаи Князева отправляя их к себе на хутор.

Неделя выдалась сложной. Компромат собирался не количеством и качеством, а килограммами бумаг: сводок, договоров, данных о командировках, с камер наблюдения и прочего. Всё без разбора собиралось и систематизировалось. Если о Кабановых личная информация добывалась и выуживалась.

То о старшем сотнике евроазиатского континента Беляеве Герасиме Викторовиче было известно всё о его официальных передвижениях и заданиях и внесены дублирующие записи о реально добытых данных. Его роман с главой стада Кабановых длится уже пятнадцать лет. И всё их преда-

тельство было вокруг личного обогащения. Это больше всего подкосило тех, кто знал и верил этому сотнику.

Ничего не ожидающих союзников и предателей нашего мира арестовали всех сразу в воскресенье вечером. Гражданская полиция и стражи волной прошлись, прореживая ряды оборотней и людей. Должностные лица, помощники и заместители высших чинов, простые служащие.

Компромат для уголовных дел был собран за неделю в таком объёме, что сотрудники полиции, ФСБ и следственного комитета припрыгивали от предвкушения громких дел, повышений и количеству освободившихся ключевых мест оборотней в погонах, на которые можно поставить своих людей. Стражи нашего мира работали до самого утра собирая свой урожай в зале суда, где на утро мы инициировали суд стай. За Беляевым пришёл лично Гришин. Он просто пришёл с ним утром на суд. Беляев не был ни связан, ни обездвижен. Он просто шёл под конвоем Гришина в глазах которого была лишь боль.

Всё тот же зал. Всё те же места, и я с Князевым сидим рядом. Рядом с нами пустые места. За нашими спинами члены наших стай и старый лис среди них со своей семьёй. Тот же состав суда и секретарь. И снова его голос на всё помещение возвестил о начале дела инициированного вожаками Волковой и Князевым.

Кабанова и Беляев стоят перед судьями в окружении стражей. На глазах многих стражей изумление, недоверие. А па-

рочка стоит без тени страха. До того момента пока в зал не вошли новые действующие лица. Богдан, Матрона и Сергей. Они прошли в тишине и сели рядом с нами. Сергей рядом с отцом, а Матрона и Богдан рядом со мной.

А изумление всё висело в воздухе звенящей тишиной. Никто не двигался с места. Все, и судьи тоже, просто смотрели на Матрону. Поэтому её тяжёлый вздох получился особенно громко. И я поняла, пора. Встала со своего места и сделала только шаг в сторону судей, не больше.

– Думаю пришедших представлять не имеет смысла. Скажу только, что Матрона и Богдан теперь члены моей стаи. А остальное расскажет сама Матрона. Её слово закон для любого представителя нашего мира. Её устами говорит сама луна.

– Спасибо. – Матрона подошла ко мне и сжала руку. – Я хочу поведать вам, как наш мир прогнил и как одна маленькая девочка стала той силой, что очистила рану выдавив гной и очистив рану. А заживление это уже наш удел. Фонберины были лишь изгнанниками из собственной стаи. Они словно дикие псы без дома и стаи кусали обороняясь.

Но всё изменилось, когда в стражах появились предатели. Те, кто желал власти и денег. Они помогли Фонбериным собрать стаю и подсказали как сломать и подчинить себе новых членов своей стаи. Они помогли им прятаться и избегать наказания. И уже покойный вожак Волков многое узнал, пятнадцать лет назад. Он обратился к своему другу, тому в кого

верил. Беляеву Герасиму.

А он, он сам увяз во всё так сильно, что предал не просто то, во что верил когда-то и что воспитывал в своих учениках, он предал дружбу. Он лично участвовал в загоне дед Волковой и смертельный удар нанёс именно он. Этим он повязал себя кровью со своими союзниками. Но вернусь на двадцать лет назад. Когда от рук старика Фонберина была смертельно ранена жена Беляева.

Именно тогда он встретил свою новую жену главу стада Кабановых. Он был в печали, а она утешила. Сначала стала другом, потом любовницей. А когда появился их первенец, то женой. Они поженились тайно. И тогда он пошёл против своих убеждений. Кабанова ловко и уверено убеждала своего мужчину, что наш мир не примет их дитя, Рождённого от разных оборотней. И он решил дать сыну дом и стабильный доход. Отошёл от правил, которые так рьяно защищал. Потом ещё раз и ещё...

После рождения второго ребёнка он уже не видел смысла следовать правилам, только умело скрывал следы. Моя бывшая стая, мой муж, он был убит по приказу Беляева. Он, как и дед Волковой узнал слишком многое и доверился своему другу – Беляеву. Доверенные лица Беляева и его самки искали меня каждый день. Были кровавые обряды со старой магией. Были поисковики. И даже Фонберина исползали лес вдоль и поперёк в поисках меня.

Я жила добровольной узницей ожидая, когда выбранный

мною путь из показанных луной придёт в ту точку, когда маленькая девочка превратится в сильную и бесстрашную волчицу. За всё надо платить. Она за безопасный мир оборотней смогла пожертвовать своей парой. Луна за это её вознаградила – уберегла её пару. Поступи тогда Волкова иначе, выбери она себя вместо стаи и нашего мира, ни она ни её пара не выжили бы.

Как дети Беляева и Кабановой. Они слабы, больны и не могут обращаться в зверя. Луна наказывает тех, кто обижает её детей. И она заперла зверя в детях тех, кто не ценил жизни её детей. Сегодня я обвиняю Беляева и Кабанову в сговоре с Фонбериными и преступлениях против нашего мира. Я назову имя каждого и все его преступления, подтверждения моим слов, те кто мне не верит, вы найдёте в тех бумагах, что в суд предоставила Волкова и Князев в семи фургонах. Я даже назову имена тех, кто виновен не меньше, но доказательства на них не нашли. А справедливую меру наказания озвучит суд стай. Такова воля луны.

И Матрона словно поменялась в лице. Она сияла изнутри, лицо побледнело до молочного белого. А её голос, словно не её, молодой девицы. Он звучал ровно и монотонно, и никто не смел прервать этот рассказ. А она говорила и говорила. Имена, фамилии, даты, события. Всё сухо по фактам преступлений. А судьи писали каждое имя со списком преступлений и их коротким описанием.

Бумаги с их записями уже не помещались на столе и раз-

летались по полу. Секретарь собирал и раскладывал по коробкам, которые принёс Гришин. Сами стражи хмурились. Присутствующие то замирали, слыша очередное имя или событие, то утирали тихие слёзы. А Матрона стояла на месте, не двигаясь и не прерываясь. Она говорила и говорила, но выглядело всё так, словно её устами говорила сама луна. И все слушали.

Когда Матрона закончила говорить и пошатнулась к ней тенью метнулся Богдан. Поддержал женщину. А она обернулась к судьям и заговорила ослабевшим голосом, своим голосом.

– Я отосплюсь ночь, и мы продолжим, завтра в семь утра.

Богдан помог подойти её ко мне. Она улыбнулась, тепло и мягко.

– Пойдём домой.

И мы пошли. Все молча вышли и расселись по машинам, и мы поехали в дом Князева. Молча поужинали. Как оказалось, когда мы вышли из здания, была уже глубокая ночь. Молча поужинали и разошлись по комнатам. Сегодня я спала со своим мужчиной. И как приятно было проснуться в объятьях любимого. Я снова лежала на нём и крепко обнимала его. А проснулась от вкуса крови во рту.

– Что, почему я ...

– Милая, давай я схожу туалет, а потом ты спросишь всё что хочешь.

– Я что? Не пускала тебя? – Я сползла со своего мужчины

заметив покусанное плечо и грудь и кровь.

– Стоило мне шевельнуться, – он говорил, убегая в туалет и договаривал уже оттуда, – как ты начинала рычать, сжимать меня крепче и кусаться, когда я пытался сбежать от тебя в туалет.

Он пропал там минут на пятнадцать, а вернулся с мокрой головой и чистый.

– Но знаешь, мне нравится, как ты реагируешь на меня даже во сне. Можешь и дальше кусать, и обнимать.

Насладиться предрассветным временем нам не дали. Стоило нам заговорить, как к нам в комнату вошла обиженная Света. Она прошла к столу с ноутбуком и уселась на кресло. Развернулась и чуть отъехала на колёсиках.

– Привет братишка. Я рада что ты вернулся.

– Приветик. А чего это ты без стука и с таким лицом?

– Прости, но тебе придётся тоже пострадать. А почему, пусть тебе твоя пара расскажет.

– Малыш, что это с ней?

– С ней? Ничего особенного. Она просто забыла, что уже давно выросла из возраста Лизы. Оскорбила моего брата и мою семью. А теперь обижается на то, что я не потребовала за оскорбление, нанесённое её словами поединок чести, а просто отказалась потакать её капризам.

– Капризам? Ты предложила моему мужчине, моей паре кинуть зов!

– Замолчи и слушай меня внимательно. Ты была пьяна и

расслаблена, ты согласилась на близость с мужчиной. И потребуй что-то ты на этом этапе, я была бы на твоей стороне. Но вы протрезвели и обернулись. Признали друг друга ночью и утром продолжили забавляться. Он не ушёл утром, оставив тебя одну с неизвестностью.

Он пришёл с тобой к своему вожаку и твоему вожаку и попросил разрешить ваш брак. Он просил руки у твоего отца. И всё это в присутствии не простых людей или оборотней. Там были представители совета и сотник стражей. Ты знала, что я приняла его в семью братом. И отказала ему в присутствии всех заявив, что он безродное ничтожество. Ты угадала. Его в стае лишили рода. Лишили фамилии и семьи.

Он был на правах раба в собственные стаи. И наблюдал, не имея возможности что-то сделать, как так же относились к его матери и сестре. Но сейчас он мол брат. Он полноценный член моей стаи. И ты своими капризами маленькой избалованной девочки оскорбила меня, моего брата, мою стаю. И ты обидела его. Ты боялась? Верю. Могла сбежать. Могла расплакаться. Могла довериться своему мужчине, своей паре раз признала его таковым. Но ты отреклась от него. В присутствии двух вожаков, членов совета и членов его и своей семьи.

– Но я же не знала. – Она глотала слёзы.

– А тебе и не надо знать. Тебе надо быть взрослой и рассудительной. Тебе надо было не причинять боль своей паре. – Я нехотя обернулась к Сергею. – Но видно это у вас семей-

ное.

– Леночка, я ...

– Не сейчас. – Жёстче чем хотела я оборвала Сергея. И ушла в душ. А когда вышла меня ждал только Сергей. Он потянулся ко мне, хотел обнять. Но что-то в душе засело, колючее и не объяснимо жгучее, что-то, что оттолкнуло его. И я молча увернулась и прошла к выходу. Внизу на кухне суетились женщины. Я помогла накрыть на стол и после молчаливого завтрака мы все поехали в суд. Я сидела на переднем сиденье, за рулём Дэн, сзади Ксенья, Матрона и Богдан. У всех на сердце было тяжело и все молча сопели.

– Лен, не ссорься с Сергеем из-за меня.

– Мы не сорились. Тем более из-за тебя. Просто... Не знаю, как объяснить. Что-то внутри болит даже когда он рядом. А разговор со Светой только помог вспомнить об этом чувстве.

– Это твоя волчица. – Припечатала Матрона. – Она не чувствует волка Сергея и обижается. Воспринимает это предательством. А он боится тебе, признаться. Его волк не откликается. Он чувствует его, где-то глубоко в себе. Но не может призвать. И боится, что мальчишка, честное слово, что ты от такого него откажешься. Вот и молчит. И ты молчишь. А потом глупости творите. И что стоит честно обо всём поговорить. Ведь любите друг друга. – Ответил ей Богдан. Видимо сказанное касалось не только или не столько её и Сергея, как Богдана и Ксеньи.

– Не лезь в душу, старуха. И так тошно.

– А мне думаете не тошно?

Внук со своей парой разругались так, что луна уже показывает другой, одинокий путь моего внука. Вы дуетесь и боитесь, время теряете. А тут каждый день на счету, у вас через десять месяцев моя внучка должна появиться. Но и этого мало. Даром что вожак, а девчонка девчонкой. Не слышит собственного волка и не догадалась обернуться и позвать свою пару. Какой же волк устоит от зова своей пары?

– Мам, ты чего это... не любишь? Ты же ждала, рассказывала о нём и всё время ждала...

Ксения разрыдалась. Громко со всхлипами. А Богдан рыкнул и просто перетащил её к себе на колени ловко перекинув через Матрону. Сама Матрона светилась от счастья. А Ксения зарылась лицом в плечо Богдана продолжая рыдать. Он сжимал её в своих ручищах и казалось, что и без того худая женщина стала ещё меньше. Богдан не отпустил её, когда мы приехали и не позволил слезть и выйти. Они так и остались на заднем сиденье машины.

Дэн оставил им ключи в замке зажигания, и мы ушли. К нам подошли Сеня и Петя и они вместе с Дэном шли позади меня и Матроны. У входа нас уже ждал Князев с тётёй Катей и рядом был Сергей. Он смотрел на меня побитой собакой. Надо что-то делать. Пи чём мне надо делать первый шаг. Потому что этот самоуверенный осёл, даром, что волк, так и будет молчать. Сейчас и потом, всегда.

– Скажите, Николай Фёдорович, а вы любите свою жену? – говорила я Князеву старшему, но смотрела с вызовом на его сына.

– Конечно.

– И доверяете своей жене?

– Да. – Я слышала в голосе Князева непонимание и сомнение, сомнение в моей адекватности и нормальности. Но я продолжила.

– Значит, если у вас проблемы вы рассказываете своей жене, своей паре о них? – Я краем глаз заметила, как уже все устали на Сергея.

– Да. – Уверенно и чётко произнёс Князев старший.

– И вы не скрываете от неё ничего, особенно того, что касается лично вас двоих?

– Никогда не скрывал.

– Наверное в отличии от остальных женщин она вам не безразлично и ваше доверие говорит о серьёзности ваших отношений. Наверное, так и должно быть в семье, в паре.

Я прошла мимо Сергея, на нём лица не было, но я заметила, как Князев по-отцовски не сильно, дал подзатыльник своему сыну.

Этот день не отличался от предыдущего. До самой глубокой ночи Матрона говорила словно в неё кто-то вселился.

– ... Вот теперь всё. Все, кто был причастен осознанно и сам решил помогать тем, кому не стоит. Все, кто сам решил предать наш мир. Завтра огласите приговор и не жалеите ни-

кого, как и они не жалели моих детей.

После этих слов Матрона глубоко вдохнула и упала, потеряла сознание. Её подхватили стражники уже готовые к такому исходу, по вчерашнему дню. Богдан и Ксения так и не появились. А выйдя из здания мы обнаружили отсутствие машины на которой приехали.

– Лена, дочка, поехали домой.

– Спасибо Николай Фёдорович, но ваш дом сейчас не то место где мне стоит быть. Думаю, у вас с тётёй Катей есть ни одна тема для разговора со своей дочерью.

– Ты же понимаешь, она просто...

– Нет, Николай Фёдорович, не понимаю. Пытаюсь не могу. Как может человек переживший такую боль так легко, не задумываясь, причинять боль другим.

– Прости меня, это моя вина. Как родителя.

Два дня отсутствия в мире людей не прошли без следа. Мои помощники, целый штат опытных адвокатов и юристов, уже составили мировую с Кабановыми. Они подписали документы о возврате имущества, полностью. Чиновники и нотариусы, помогавшие им, признали вину и были задержаны. В других всё шло своим чередом. Моё дело перестало быть только мом. На меня теперь работала целая команда. И это не пугало, наоборот, я гордилась и радовалась.

На объявление приговора я пришла в сопровождении Дэна и Яна. Они рассказывали словно мальчишки, подсмотревшие за родителями, как их выгнали из квартиры, которую

я когда-то давно сняла у друзей. Как их даже не впустили собрать вещи, просто кинули ключи от машины в открывшуюся и сразу раскрывшуюся дверь.

И мы потешались над счастливыми Богданом и Ксеньей и обещанием Матроны появлению у них ребёнка. Эту ночь я провела в пустой квартире Сергея. А вот следующую не знала где буду спать. Но ехать к нему не хотела. Он не говорит со мной, а вынуждать я не буду.

Он сам пришёл в гостиничный номер отеля, где я с Яном, Сеней и Дэном решили устроить вечер просмотра кино и обеда вредной едой. Но не стал настаивать остаться со мной наедине.

– Леночка, разреши побыть с тобой и с ребятами. – И смотрел так просительно, так жалостливо, осталось только поскулить.

– Заходи, раз уже пришёл.

И он зашёл. С огромным букетом цветов вытащенном из-за двери. Целым пакетом пирожков, «от мамы и Матроны», сказал пожимая плечами. И ящиком пива. Вот что, что, но пиво? Я его пила- то пару раз и мне совсем не понравился вкус горечи и хмеля на языке.

Но мальчишки были счастливы. В номере был огромный диван, который ребята сдвинули и накидав одеял и подушек на пол уселись сами и посадили меня. Мы только выбирали кино, когда в дверь снова постучали. И открыв я увидела Толика и Татьяну.

– Пиво, ты представляешь? Я как услышала, что он купил ящик пива и поехал к тебе обомлела. – Она зашла обняла и продолжая говорить разулась и завалилась на пол к остальным. А Толик занёс пакет, звенящий бутылками вина и ещё один с фруктами, сыром и колбасой. – Мало того, что собрались отрываться без нас, так ещё и с пивом... Серый, ну кто к даме без вина идёт? Да лучше уж с водкой чем с пивом.

– Но там же пирожки. А вино с пирожками не пьют.

– Это в кино не пьют. А мы пьём. Да Ленок?

– И пьём и едим.

Кино мы так и не выбрали. Включили что-то по телевизору и просто болтали, пили и ели. Как и когда разговор свернул на серьёзную тропу я не помню. Просто в один момент Таня с гордостью рассказывает, что Лиза уже совсем перестала бояться и спит спокойно и крепко. А потом мы молча сидим и слушаем сбивчивый рассказ Сергея.

– ...Я чувствую его... Но как будто он не часть меня, как будто его нет во мне, и я не оборотень вовсе. Это страшно. Страшно даже думать, что я теперь никогда... Дело не в силе. Это словно часть тебя вырвали и не зашили. Болит всё внутри, физически болит. И я знаю, лично знаком с теми, кто баловался наркотиками и потом, бросив, они так и не смогли дозваться своего волка. Когда-то сильные и смелые, они словно иссохли и завяли.

– Вот ты дурак. Ну честно. Я была отрезана от своей сути почти всю свою жизнь. Но я жива и здорова. И всё вернулось,

когда я... столкнулась с тобой.

– Прости меня. Тогда я был дураком, да я и сейчас не особо поумнел. Просто я не привык. Я ...

– Дурак. Это точно. Ты так и не понял. Не в том дело как мы встретились. Дело в том, что мы встретились. Понимаешь?

– Лен, ты же помнишь, что мы пили, а я дурак?

– Ох. Серёж, мы пара. Мы встретились, и наша суть потянулась навстречу друг другу. Да наша встреча тот ещё квест на выживание. И конца, и края ему нет. Но просто твой волк почувствовал и позвал мою волчицу. И смёл все блоки. А ты, дурак. – И я залезла ему под руку обняв его и прошептала только ему на ушко. – Мне было страшно, и я боялась волка, даже себя самой, своей сути. И ты помог полюбить себя и тебя. Во снах и наяву, приходя каждую ночь. Может теперь мне стоит позвать тебя в свою жизнь, если ты не передумал конечно.

Он просто пересадил меня к себе на колени и сжал в объятиях.

Наше утро опять наступило в обед. Да, пить нам не стоит. Голова не болела, мы не так много и выпили. Но сидели и болтали мы до рассвета. А выспавшись поехали проверят в лесу, отзовется ли на мой зов Сергей. И он отозвался. Стоило мне обернуться и взвыть, как перед глазами мой мужчина на долю секунды скрылся за серой дымкой и появился мой серый волк.

Послесловие.

Что было дальше? А дальше было, как и бывает в реальной жизни. Море забот. Море проблем. Море задач, которые нужно решать. Не скажу, что с того дня в нашей жизни всё стало гладко и сладко. Такое бывает только в сказках и в это не верят даже маленькие дети. Просто теперь мы можем жить. Можем не оглядываться в ужасе. Можем смело смотреть в будущее. Можем любить. Мы просто можем.

Предательство сложно пережить. Особенно сложно если предают свои. Тот факт, что обычные бездомные псы, изгнанники собственной стаи, презираемые всем нашим миром, стали ужасом для стольких оборотне и виною всему двое.

Двое любящих, но жадных на чужое оборотней. Сильный страж, наставник не одного поколения и глава стада вепрей. Именно они сделали из Фонбериных не уловимых жестоких вожаков. Со стаей сломанных и подчинённых оборотней. Именно эти двое, и странный старик из совета Фонберина, который был отцом стража Беляева, и он задумал всё ради сына, а продолжил уже с сыном и невесткой ради внуков.

Они были теми кукловодами, которые в нужное им время направляли и подталкивали нужных им оборотней и людей. Убивали не угодных, ослабляли стаи способные противостоят им. Усиливали своё влияние внутри нашего мира и в обычном мире. Их не казнили, нет. Беляев и Кабанова

вместе со своими детьми были изгнаны из мира оборотней.

Над ними провели ритуал, запечатывающий их вторую ипостась и запечатывающую её навсегда. А чтобы они не смогли причинить вред в новых поколениях, всех их хирургически лишили возможности продолжить род. Так же наложили запрет на всех оборотней общаться с ними любым из доступных способов.

А самого Беляева и его жену лишили возможности говорить, им вырезали язык. Дочерей Кабановой лишили права наследования главы вепрей. Имущество их семьи, нажитое за годы их бесчинств, распределили меду пострадавшими. Что-то отдали на восстановление разрушенных их жадной наживы центров и домов культуры.

Они хотели изменить порядок нашего мира. Дать власть своим потомкам подчинить остальных. Но причиняя боль другим, лишь усилили свои страхи. Такой приговор был вынесен не с проста. Их обязали присутствовать на всех судах до конца своих дней, в устрашение остальным. Ведь страх быть пойманным – ужасен, трях быть наказанным смертью – ужасен.

Но страх перед тем, чтобы видеть, что происходит с живым доказательством предательства, он дикий. Он живёт с каждым ежеминутно. Видеть молчаливые тени прошлого, тех кто был силён и считал себя непобедимым, а теперь изгой – это страшное наказание живущим. Их детям не препятствовали развиваться в мире людей, но с ними тоже не

общались оборотни. Сама луна не наделила их здоровьем и особыми навыками.

Наш мир зализывал раны. Среди стражей остались единицы из старожил. Лишь те, кого одобрила Матрона. Она же помогала набрать молодняк и запретила преемственность у стражей.

В моём родном хуторе построили детский лагерь, куда отправляли весь молодняк наших стай, моей и Князева и куда стремились попасть и дети других стай. Там мы и учим детей быть оборотнями любой ипостаси, но в мире с собой и другими.

А ещё, у меня каждый день теперь заканчивается свиданием. Эта наглая серая морда, решила взять меня в жёны, точнее женить на себе. Каждый день делает мне предложение и получает отказ.

Ну а что? Где это видано, без свиданий, ухаживаний, цветов и подарков сразу под венец?!?! Вот мы гуляем по окончании рабочего дня в парках, ходим в кино, рестораны, караоке на шашлыки и прочее.

И нет, с ума я не сошла, живём и ночуем мы вместе. Но и отказываться от того, что было у каждой девчонки кроме меня я не хочу. Но мой любимый серый волк не отступает. Каждый день он устраивает свидание для нас двоих или в компании, каждый раз в конце становится на колени просит сказать «да».

Получает моё капризное: «я не готова согласиться, пока

ещё не всё попробовали и не везде побывали.» Он срывается на рык и клянётся, что после свадьбы мы продолжим в том же духе. И получает в ответ, что он ещё не до конца прощён за нашу первую встречу, так что пусть старается, если хочет услышать да.

И он хмурый ведёт меня к нам домой и долго, и страстно, и нежно, извиняется за то, что мы не с того начали наше знакомство. И я уже готова сдаться, согласиться, ведь и сама этого хочу. Но каждый раз наблюдаю как утром он азартно в предвкушении готовит очередной вечер нашего свидания и понимаю, ему это нужно не меньше моего.

Он, как и я хочет заполнить светлым и добрым нашу память. Нашими встречами, красивыми местами, романтическими жестами и предвкушением вечера. Хочет не меньше моего вытеснить все неприятности, пережитые за последнее время. Хочет, чтобы он мог рассказать детям и внукам как водил меня в кино и как я фальшивила в караоке, как отдала ему все ноги в танцах, как объелась шашлыков и не смогла встать, как целовалась на задних рядах в кинотеатре.

Ведь именно это рассказывают детям. А не то, какой дикий ужас испытала мама, при первой встрече с вашим папой. Как мама боролась со своими страхами восстанавливая себя и знакомясь со своей сутью, со своей второй ипостасью. Как папа провёл в плену не один месяц и прощался с жизнью. Как мама умирала душой боясь никогда уже не увидеть вашего папу. Как каждый день был словно бой, за вашего деда,

за себя, за весь наш мир, мир оборотней.

Но однажды я всё же сказал да. Просто так захотелось стать не просто любимой, не просто истиной, не просто вместе. А на всегда – женой. Проснулась среди ночи, и больно укусила грудь любимого на которой, как обычно сладко спала. А когда он проснулся, поцеловала и шепнула: «да». Стоит ли говорить, что он не спал до утра? И что утром не переспрашивая надел мне кольцо на пальчик сразу же как я слезла с него. И пока я была в душе позвонил моим и своим родителем с требованием готовить свадьбу, срочно, пока не передумала с угрозой не скорых внуков.

Мы сыграли пышную свадьбу ровно через неделю после моего, да и его заявления в ЗАГС. Свадьба была не в Москве. Всё-таки Сергей только преемник, а я уже вожак стаи. Поэтому свадьбу мы играли в моём родном хуторе. На неделю он превратился в центр паломничества всех и вся. А потом на три дня в шумное гулянье. С которого мы сбежали на второй день уже к обеду.

А на десятый день после моего да, на третьей день моего официального замужества, я почувствовала токсикоз. Видимо это «да» сказала не только я, но и наш ребёнок или сама луна.

На свадьбе помирились Света и Дэн. Точнее, когда на Дэна, как и на других холостых ребят, вешались все молодые, не замужние, она не выдержала и при всех попросила взять её в жёны. А потом не дожидаясь ответа повисла у Дэна

на шею и заявила, что при любом ответе не отстанет от него.

И не отставала. Вцепилась клещом и висела на нём весь вечер. Гости смеялись, но не вмешивались. Тогда Дэн и сдался. Правда это мало помогло. Она ходила за ним хвостиком в страхе, что он пошутил или передумает. Или как я захочет подождать, на свидания походить. Да она и сейчас за ним ходит хвостиком уже месяц как в браке. И Дэну это даже нравится. Нравиться чувствовать себя таким, желанным и необходимым, любимым и самым важным.

У Богдана и Ксеньи действительно ожидается пополнение в семействе. И сразу двойней. Этого не ожидала и Матрона. Матрона кстати сошлась характером с Михаилом Иосифовичем и просто переехала к нему, по началу. Не то чтобы он был против, но просто не ожидал такого напора. А потом они вместе переехали на хутор, воспитывают молодняк в лагере.

Туда же переехал лис со своей семьёй. Он решил обосноваться с семьёй в лагере, на правах учителей, воспитателей и нянек детям и взял под контроль и местную школу и досуг всей ребятни. На него у меня вообще большие планы. Надо развивать образование и детский досуг в области и спорт тоже, любимый на этом особенно настаивает.

А вообще, мы с любимым решили, что, когда Николай Фёдорович отойдёт от дел и вожаком станет Сергей, мы не просто объединим, а сольём во едино наши стаи. Пусть наши дети будут управлять наследием их родителей. И Николай Фёдорович уже многое готовит к этому шагу. Многие дела

объединяются в сеть. Производства делаются зависимы друг от друга, а регион, его и мои земли, развиваются для наших детей.

Но всё не так идеально, как хотелось бы. В стаи очень много дел. Огромное количество законсервированных объектов. Сама стая за время без вожака стала словно бедный родственник в зажиточной семье. Николай Фёдорович помогает во всех делах. Помогает с обучением моих людей. С восстановлением и развитием доходных предприятий, с восстановлением и развитием самого региона, где расположены земли моей стаи. А ещё в его и моей стаях появилось много оборотней других видов. Даже смешанные семьи. И это, наверное, и есть шаг в будущее, лучшее будущее для наших детей.

Если кому интересно, что произошло с зазнайкой Лебедевым, то скажу, ничего особенного. Через год он приполз к порогу моей фирмы и был нанят адвокатом. Но уже не в Москве, а в филиале, в маленьком городе Калужской области, где его не знали и у него был шанс стать не только успешным адвокатом, но и нормальным человеком.

Вот такая история мелкой, с округлыми, немного детскими чертами лица девчонки с крупными карими глазами и вьющимися непослушными темно-русыми волосами, ростом метр пятьдесят семь сантиметров. Которую, никто не воспринимал всерьёз. Мелочь, с провинции, маленького хутора Тумак, Волгоградской области, там, где все друг друга зна-

ли, в основном жили семьи старожил. Но её это не остановило, ни внешность, ни рост, ни провинция, ни проблемы, ни кошмары.

И знаете, ведь не важно какая у тебя внешность и рост, от куда ты родом, и кто твой внутренний зверь и есть ли он у тебя вообще. Важно только кем ты стремишься стать и готов ли ты рискнуть для этого.

Как когда-то я, маленькая запуганная девочка с мечтой стать как дедушка. И мечта эта стала явью, потому что я к ней шла по совсем не лёгкому пути, устланному лепестками роз. Я стала как дед, вожак стаи, успешный адвокат и просто счастливый человек, оборотень.

Разочарованы? Ждали сказочный конец? Ну и ладно. Моя история не сказка, моя история жизнь. И своё «счастливы вместе» я отвоевала. Как и заслужила славу лучшего адвоката для себя и своей адвокатской конторы.

И знаете, довелось бы мне начать всё с начала, я бы прошла тот же путь. Именно трудности привели меня к счастью и я ни о чём не жалею.

30.03.2020г.

Изображение с обложки с сайта:

https://yandex.ru/images/search?cbir_id=2204293%2FgIRvK43-0ni7ftFXrqAh3Q&rpt=imagelil

<https://tr.pinterest.com/pin/572801646350088254/>

Также в свободном доступе в интернете: [https://yandex.ru/
images](https://yandex.ru/images)